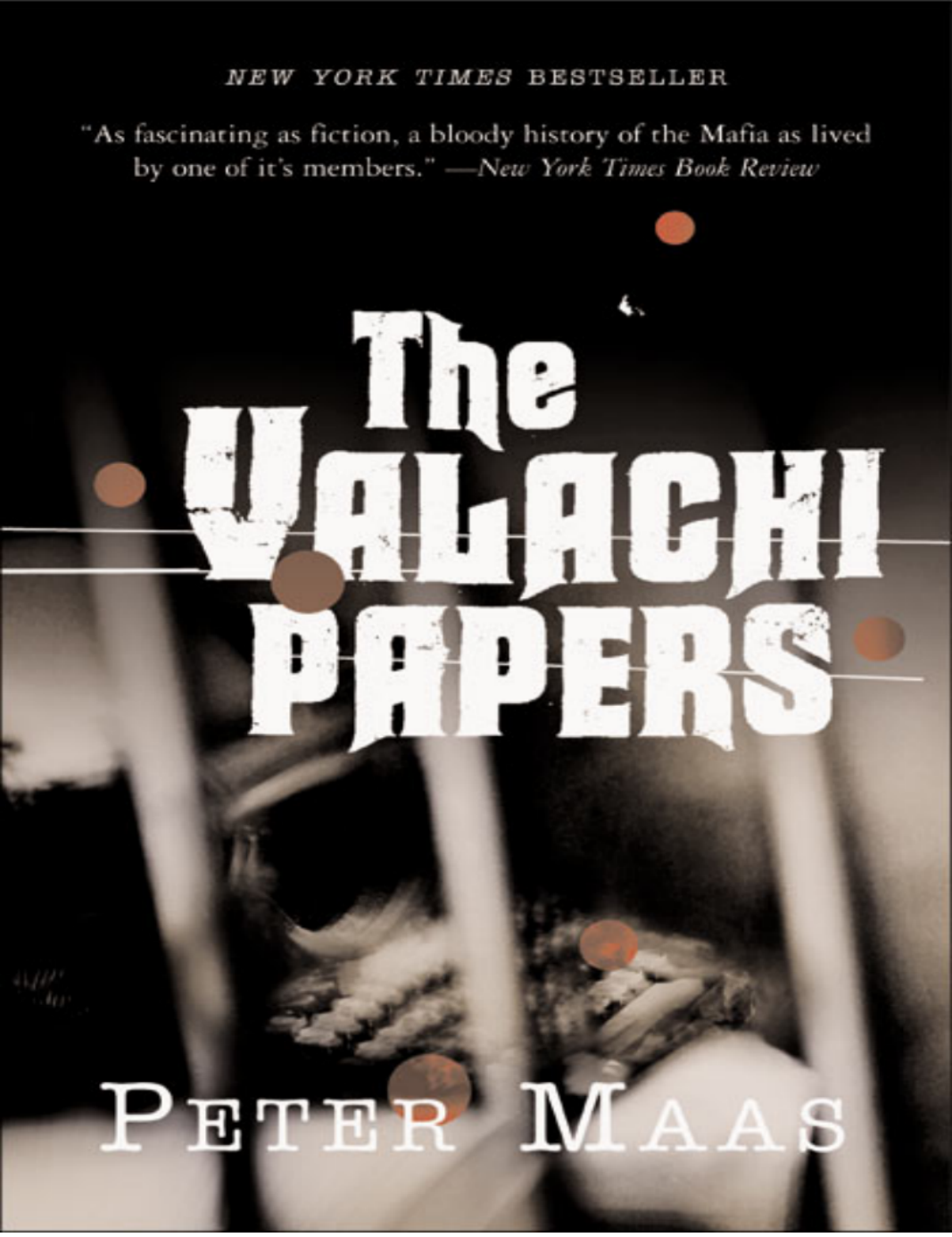
NEW YORK TIMES BESTSELLER

"As fascinating as fiction, a bloody history of the Mafia as lived by one of it's members." —*New York Times Book Review*



The Valachi Papers

PETER MAAS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальный роман об американской мафии «Исповедь Джо Валачи» вызвал после своего выхода в свет целую бурю откликов. Джозеф Валачи — первый представитель мафии, который публично признал её существование. Кроме того, именно он ввел в обиход понятие «коза ностра». Трудно вспомнить другую подобную книгу, в которой нравы преступного мира были бы показаны с такой же беспощадной правдивостью, которая так держала бы читателя в напряжении от первой до последней страницы. «Исповедь Джо Валачи» легла в основу телесериала, имевшего в США, Канаде и Западной Европе большой зрительский успех, а также кинофильма «Бумаги Валачи».

- История создания книги «Исповедь Джо Валачи»
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

ИСПОВЕДЬ ДЖО ВАЛАЧИ

История создания книги «Исповедь Джо Валачи»

В конце июня 1964 года — вспомнить точную дату уже не представляется возможным — Джозеф Валачи, который, по словам тогдашнего генерального прокурора США Роберта Ф. Кеннеди, обеспечил «невиданный информационный прорыв по организованной преступности и рэкету в США», по настоятельной просьбе Министерства юстиции приступил к работе над историей своей преступной карьеры.

Валачи стал первым человеком, который открыто признал свою принадлежность к огромной, тесно сплоченной тайной преступной организации, действующей на территории США и известной как «мафия». Он также первым поведал о ее делах и открыл ее истинное имя — «Коза ностра». К тому времени Валачи уже допрашивали работники Бюро по борьбе с наркотиками и ФБР, а также специальный сенатский подкомитет под председательством сенатора от штата Арканзас Джона Д. Маклеллана. Учитывая важность его показаний, Валачи попросили изложить свои воспоминания в письменном виде в надежде получить новые, хотя бы и фрагментарные, сведения, упущенные в ходе допросов. Обычно такие собственноручные хроники достаточно сухи и коротки, однако Валачи обладал необычайно цепкой памятью и, кроме того, без тени сомнения воспринял увещевания Министерства юстиции, что только откровенность способна дать ему очищение от преступного прошлого и загладить грехи перед обществом. Исписав бессчетное число шариковых ручек, он на протяжении 13 месяцев старательно излагал свою карьеру в «Коза ностре». В конечном итоге в рукописи насчитывалось более 300000 слов. Постепенно из простого перечня преступных деяний откровения Валачи превратились в уникальное, исчерпывающее жизнеописание мира организованной преступности на протяжении 30 лет. Для человека, так и не закончившего седьмой класс средней школы, это было поистине гигантским трудом, поэтому, чтобы дать Валачи дополнительный стимул, Министерство юстиции пообещало ему содействовать публикации мемуаров, дабы каждый американец мог своими глазами увидеть «лицо врага», как образно выразился один из представителей правоохранительных органов.

Когда я впервые разорвал завесу таинственности над делом Валачи и существованием «Коза ностры» в статье в «Сатердей

ивнинг пост», меня особенно волновал вопрос, действительно ли у него есть что рассказать. В конце концов мне своими средствами удалось неофициально заполучить копию его рукописи и лично оценить ее потенциал. Рукопись была отпечатана в Министерстве юстиции и содержала ни много ни мало 1180 страниц. Прочитав ее, я был поражен. До этого тоже появлялись книги о бандах, «мафии», «синдикате», но были они крайне неконкретные и написаны людьми посторонними — социологами, окружными прокурорами, репортерами уголовной хроники, отставными сыщиками и т. д. Валачи же впервые рассказал о мафии от первого лица, рассказал со всей присущей ей жестокостью, а иногда и юмором.

Помимо редактирования — по сложности выражения мысли Фолкнер перед Валачи выглядел просто младенцем — изданию препятствовало еще одно обстоятельство: Бюро тюрем не разрешало заключенным публиковать никакой информации о своих преступлениях. Валачи пришлось ждать несколько месяцев, пока Министерство юстиции сделает исключение из этого правила. В декабре 1965 года генеральный прокурор Николас де В. Катценбах, сменивший к тому времени Роберта Кеннеди, уведомил Валачи о разрешении на публикацию его воспоминаний. По согласованию с Валачи, я был назначен редактором рукописи. Выбор пал на меня, потому что я первым вызвался обрабатывать эти записи. И вот 22 декабря 1965 года поступило официальное подтверждение о моем назначении, подписанное Джеком Розенталем, директором управления общественной информации Министерства юстиции.

В письме подчеркивалось, что данное решение является «исключением» из правил министерства, запрещающих заключенным публиковать свои мемуары, но сделано это по вполне конкретным причинам:

1. Книга написана не по личным или эгоистическим соображениям, а по настоянию Министерства юстиции в целях выявления необходимой правоохранительным органам информации, упущенной в ходе допросов.

2. Печальная известность Валачи объясняется не столько драматическим характером совершенных им преступлений или его «карьерой в преступном мире», а скорее результатами его разоблачений природы организованной преступности — публичных разоблачений, сделанных им по требованию Министерства юстиции и сенатора Маклеллана.

3. Вполне вероятно, что издание книги будет способствовать делу укрепления правопорядка и законности.

Последний пункт отражал прежде всего позицию отдела по

борьбе с организованной преступностью и рэкетом Министерства юстиции. Выступления Валачи перед возглавляемым Маклелланом подкомитетом, показанные по телевидению, были не совсем удачными. В то время еще многие не верили в существование такой организации, как «Коза ностра». Поэтому устроители этого мероприятия надеялись, что мощный поток предоставленной Валачи информации поможет поставить все точки над «i» и побороть безразличие общественности к этому вопросу. Кроме того, считалось, что выход в свет его книги будет способствовать появлению других информаторов.

Вскоре после этого были сделаны необходимые приготовления, чтобы я мог работать с Валачи в тюрьме округа Колумбия, где он содержался под усиленной охраной. Мне тогда казалось, что работать мы будем без лишней шумихи, чтобы книга могла выйти в свет без ненужных осложнений. Но я ошибался. К моему удивлению и, наверное, к удивлению Министерства юстиции, 27 декабря известия о наших планах разнеслись по всей стране. Позднее я выяснил, как это произошло. Министерство юстиции получило несколько запросов относительно возможного написания книги по материалам Валачи, и Розенталь, направив мне свое письменное согласие, сообщил затем решение генерального прокурора остальным претендентам. Пришло его письмо и в адрес агентства «Ассошиейтед пресс», которое немедленно предало его огласке.

В тот момент это, правда, не имело решающего значения, и вот 3 января 1966 года (до моего первого свидания с Валачи) я имел встречу с начальником отдела по борьбе с организованной преступностью и рэкетом Вильямом Дж. Хандли и Полом Ф. Макардлом, председателем ассоциации адвокатов округа Колумбия, согласившимся по просьбе Министерства юстиции представлять Валачи в суде. Мы собрались в кабинете Хандли, чтобы подписать подготовленный министерством меморандум о взаимопонимании относительно редактирования и издания рукописи Валачи. В целом в нем содержались основные положения письма Розенталя и, кроме, того, предусматривалось «право на изъятие материалов, которые, по мнению Министерства юстиции, способны нанести ущерб целям поддерживания правопорядка». Ранее мне уже говорили, что это относится прежде всего к обвинениям в коррупции в адрес некоторых работников Бюро тюрем и двусмысленным намекам по поводу деятельности Бюро по борьбе с наркотиками, которые Министерство юстиции не хотело бы видеть в окончательном варианте книги. Настаивая на подписании этого документа, Хандли заверил меня, что информация Валачи проверяется, а

потом сказал: «Нику Катценбаху хотелось бы видеть в книге что-нибудь хорошее о Бюро по борьбе с наркотиками и о Александере (Мерил Александр, начальник Бюро тюрем). Да и вам это будет на пользу. Вы получите от министерства официальное разрешение на публикацию». После ухода из Министерства юстиции Хандли говорил мне, что «никогда не мог поверить, что они нарушат свое слово».

Я тоже не мог в такое поверить. Хотя у меня уже был на руках экземпляр рукописи, а Валачи официально назначил меня ее редактором, я совершенно не стремился к изданию какого-нибудь халтурного «боевика». История жизни Валачи давала столь широкую и детальную панораму организованной преступности в США, что я твердо решил подойти к созданию книги со всей ответственностью, если уже вообще за нее браться. По меркам малограмотного человека, каковым и был Валачи, его рукопись представляла собой поистине гигантский труд. При этом рукопись требовала значительных разъяснений, дать которые мог только он сам. Кроме того, некоторые места нуждались в дополнительных деталях, не говоря уже о необходимости переделки и перестановки некоторых эпизодов. Для этого мне была нужна помощь Валачи, получить которую можно было только через Министерство юстиции. Я подписал меморандум.

Затем, 9 января, спустя почти две недели после появления информации «Ассошиейтед пресс», в итало-американской газете «Прогрессо» была опубликована передовая статья, яростно осудившая предстоящее издание «Мемуаров Валачи». Передовица стала первым камнем в массированной кампании, направленной против выхода книги в свет, и во многом определила ее характер. Автор задавал вопрос, не является ли идея распространения этой книги попыткой увековечить «преступный имидж, ассоциируемый с множеством содержащихся в показаниях Валачи итальянских имен», а потом аккуратно давал понять, что «этот имидж давно развеян миллионами добропорядочных американцев итальянского происхождения, их выдающимися достижениями в искусстве, науке, промышленности, профсоюзном движении, профессиональной деятельности, а также на государственном и религиозном поприще».

Сопровожденная соответствующим письмом, статья была разослана всем членам сената и палаты представителей. «Профессионалы» итальянского происхождения — журналисты, юристы и т. д. — сделали все, чтобы раздуть эту кампанию. Точно такой же была реакция на книгу «Итальянцы» Луиджи Барзини, члена итальянского парламента, который нарисовал далеко не идеализированный обобщенный портрет своих

соотечественников, или на работу Йельского университета, поставившую под сомнение факт открытия Америки Христофором Колумбом. В случае с Валачи красной нитью проходила мысль о том, что книга очерняет итало-американцев. От имени Ордена сынов Италии в Америке П. Бинсент Ланди заявил, что иметь хороший имидж для итало-американцев это «вопрос обеспечения гражданских прав». Майкл Мусманно, член верховного суда штата Пенсильвания, добавил в общий котел еще один аргумент. По его мнению, книга сделала бы Валачи миллионером. При этом он, однако, не потрудился объяснить, каким образом Валачи мог бы насладиться своим гипотетическим богатством, имея пожизненное заключение и разрешение тратить не более 25 долларов в месяц.

Многие из этих опасений были, безусловно, обоснованны, но, с другой стороны, в некоторой части протестов просматривалась явная заинтересованность. Самыми громкими были голоса тех, кто через некоторое время стоял у истоков создания Американо-итальянского совета по борьбе с диффамацией, исполком которого впоследствии был до краев заполнен родственниками и близкими членов «Коза ностры». Одним из них был председатель профсоюза булочников Дэниел Дж. Мотто, недавно приговоренный к тюремному заключению как активный участник попытки проникновения в административные структуры Нью-Йорка. Лучше всех ответил на все эти выпады сам Валачи, узнавший о развернутой против него кампании. «Чего они разорались? — спросил он меня. — Я пишу не об итальянцах, а о мафиози».

Мои друзья в Министерстве юстиции уверили меня, что беспокоиться не о чем — такие протесты неизменны при возбуждении уголовного дела против лиц итальянского происхождения. Уже в январе мне довелось убедиться, что ситуация может стать угрожающей. Однажды в субботу, когда я работал с Валачи в тюрьме округа Колумбия, мне неожиданно позвонил Розенталь и попросил как можно скорее приехать к нему. При встрече он сказал: «У нас неприятности», и показал мне кипу писем от членов Конгресса США на имя генерального прокурора Катценбаха, причем все они были связаны с публикацией в «Прогрессо». Некоторые письма были агрессивны, другие — нет. Уважаемый всеми сенатор от штата Род-Айленд Джон Пасторе, например, просто просил предоставить ему информацию для составления взвешенных ответов на письма, связанные с этой газетной статьей.

Розенталь попросил ему набросать ответ на все эти послания. Я помог. Мой главный аргумент заключался в том, что рукопись

Валачи представляет собой уникальный социальный документ по определенному периоду истории США, что это — не описание быта конкретной этнической группы, а скорее история жизни одного человека. Кроме того, как тонко подметил в своем исследовании «Организованная преступность в Америке» Гэс Тайлер, один из ведущих американских социологов, организованная преступность не является «продуктом итальянцев, евреев или пуэрториканцев, хотя и охватывает представителей и этих, и других этнических групп. Организованная преступность есть продукт нашей национальной культуры».

Розенталь был уверен, что этот ответ поможет утрясти все проблемы. Но, как оказалось, мы опоздали, и 1 февраля 1966 года делегация из 12 итало-американцев встретилась в Вашингтоне с Катценбахом, Хандли и Фредом М. Винсоном, заместителем прокурора по уголовным делам. В состав делегации входили четыре конгрессмена — Питер В. Родино-младший, Джозеф Г. Миниш и Доминик В. Дэниелс (все — от штата Нью-Джерси), а также Фрэнк Аннуцио от штата Иллинойс. Они потребовали остановить издание рукописи и грозили дойти до Белого дома.

Покойный сенатор Роберт Ф. Кеннеди, который прежде занимал пост генерального прокурора, также не смог меня утешить, когда я пришел к нему посоветоваться. «Они собираются к президенту Джонсону, — сказал он. — Тот вполне может с ними спеться. Велит Нику дать отбой затее с книгой, а Ник бороться не станет».

Хотя доподлинно не известно, что именно произошло между Джонсоном и Катценбахом, мне удалось выяснить, что протесты были переданы президенту его специальным помощником Джеком Валенти. Вскоре после этого Министерство юстиции полностью изменило свою позицию в отношении книги Валачи, несмотря на то, что ключевые фигуры Министерства были против этого. До тех пор, пока за дело не взялась администрация, Винсон был категорически против. Хандли, превративший борьбу с организованной преступностью в приоритетное направление деятельности министерства, рассказывал мне потом, что именно это и стало одной из причин его отставки. Заместитель генерального прокурора по вопросам гражданского права Джон Дуглас, в обязанности которого входило обеспечение судебных процессов по запрещению книги, тщетно пытался найти компромиссное решение. Наиболее ясно выразил замешательство министерства известный своей прямотой Дуглас, когда я попытался завести с ним разговор на эту тему. «Питер, — сказал он. — Я даже не собираюсь говорить с вами об этом в

неофициальном порядке».

И вот 8 февраля мне позвонил Джек Розенталь. «Боюсь, — сказал он, — нам придется сворачивать дела».

— Что произошло? — спросил я.

— Нас совсем доконали.

Я сказал Розенталю, что не могу понять, как Министерство юстиции, самое независимое из всех министерств, может столь легко поддаваться откровенному политическому давлению.

«Знаете, — сказал он, — нет ни окончательного решения, ни официального распоряжения, но дела наши из рук вон плохи. Надежды у меня почти не осталось».

После того как было решено книгу «зарезать», мне предложили материально компенсировать затраченное время и понесенные расходы, но до конкретной суммы разговор не дошел, потому что я наотрез отказался.

Покойный сенатор Роберт Кеннеди, который был моим другом, рассказал мне, что Катценбах, тоже близкий ему человек, просил его «поговорить» со мной. Кеннеди отказался вмешиваться, поскольку считал предосудительным для Министерства юстиции отказываться от своего слова, коль скоро оно уже дало добро на публикацию рукописи.

Все это только укрепило мою уверенность в необходимости публикации книги, и я нанял адвокатов. (Пол Макардл, назначенный Министерством юстиции представлять Валачи в суде, решил, что дело зашло слишком далеко и, к всеобщему удовлетворению, вышел из игры. По его словам, он не рассчитывал на «борьбу с Белым домом»).

10 мая 1966 года Министерство юстиции обратилось в окружной суд Вашингтона с просьбой запретить мне «распространение или публикацию рукописи», после чего пресс-релиз с этой информацией был доставлен лично каждому из четырех конгрессменов, входивших в делегацию протеста, которая посетила министерство 1 февраля.

Впервые в истории США генеральный прокурор возбудил в суде дело о запрете книги.

Как-то вдруг публикация рукописи, которую Министерство юстиции превозносило как огромный вклад в дело охраны правопорядка, стала вредной для этих же целей акцией. Если у кого и были прежде сомнения относительно политического давления во всей этой истории, то Нью-Йоркский судья Сэмюэль ди Фалько быстро их рассеял. Будучи председателем Итало-американской лиги по борьбе с диффамацией, он направил в различные итало-американские организации по всей стране телеграмму следующего содержания:

РАД СООБЩИТЬ, ЧТО В РЕЗУЛЬТАТЕ НАШЕГО ПРОТЕСТА МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ АННУЛИРОВАЛО РАЗРЕШЕНИЕ НА ИЗДАНИЕ МЕМУАРОВ ВАЛАЧИ.

Тем не менее я получил немало писем, выражающих иную точку зрения. Одно из них пришло от Сэмюэля Дж. Прете, председателя итало-американской торговой палаты в Детройте, который отмечал:

«Сам по себе факт отказа Министерства юстиции разрешить публикацию книги Валачи ложится пятном на всех американцев итальянского происхождения, поскольку такой подход предполагает, что все итальянцы нечестны. Для меня, честного итало-американца, это оскорбительно».

Итало-американская газета «Корьере дель пополо», выходящая на западном побережье США, заняла позицию, отличную от газеты «Прогрессо». «Цензурой ничего добиться нельзя, — подчеркивалось в одной из статей. — Честным итало-американцам нечего бояться откровений Валачи. В США ими завоевано столь прочное социальное и моральное положение, что Валачи никогда его не пошатнуть».

В целом средства массовой информации отнеслись к борьбе за право издания книги с сочувствием. Как ехидно прокомментировал действия Министерства юстиции журнал «Ньюсуик», отличить хороших ребят от плохих очень трудно».

Теперь я получил возможность открыто выразить свои взгляды в зале суда — несмотря на перспективы продолжительной юридической баталии, я твердо решил публиковать воспоминания Валачи. Первый раунд я проиграл, тщетно попытавшись опротестовать предварительное постановление суда о запрете публикации — окружной суд Вашингтона постановил, что Министерству юстиции «будет нанесен непоправимый ущерб», если издание книги не будет запрещено. Апелляционный суд подтвердил правомерность запрета, подчеркнув, что «обычная практика заключается в том, чтобы не отменять запрет суда первой инстанции, за исключением «явно ошибочных решений», и предложил назначить проведение судебного заседания.

Далее я планировал сделать всю историю достоянием гласности и брать при этом быка за рога — в подготовленном Министерством юстиции меморандуме о взаимопонимании ясно говорилось, что уважаемое ведомство не только само предложило издание рукописи Валачи, но и особо подчеркивало ее значение в деле поддержания законности.

В целях выяснения всех подробностей в связи с изменением Министерством своего подхода в суд были вызваны повесткой для

дачи письменных показаний Ник Катценбах, ставший к тому времени заместителем госсекретаря, и другие официальные лица, непосредственно связанные с делом. Реакция была мгновенной — министерство обратилось в суд, чтобы заблокировать дачу показаний. В ходе дебатов судья Александр Хольцофф неожиданно обратился к адвокатам министерства со следующими словами:

— Одно дело — иметь право на издание, и совершенно другое — запрещать человеку издавать книгу. Довольно странный подход, не так ли? Хотелось бы просить вас дать ответ на этот вопрос. Сначала они разрешают ему (Питеру Маасу) работать с рукописью. Возможно, это было недальновидно. А теперь они говорят, что издавать нельзя.

В ответ Министерство заявило, что обошлось оно со мной не так уж несправедливо, что мне «была предоставлена возможность беседовать с Валачи и изучать его преступное прошлое», а также что, несмотря на запрет на публикацию самой рукописи, мне дозволяется использовать все материалы для издания книги, написанной от третьего лица. Так была открыта дорога книге «Исповедь Джо Валачи».

«Исповедь Джо Валачи» основана на записях наших бесед, его письменных ответах на мои вопросы, интервью с людьми, связанными с Валачи, на нескольких сотнях страниц протоколов допросов, к которым у меня был доступ, а также на ряде других официальных источников и документов.

Я был единственным собеседником Валачи, помимо сотрудников Бюро по борьбе с наркотиками и ФБР. Я продолжал встречаться с ним и во время затянувшихся переговоров с Министерством юстиции. Я часто задавал ему вопросы, которые он ранее уже освещал в письменном виде или на открытых заседаниях. Во многих случаях я просто проверял его память по таким малозначащим эпизодам, как католический реформаторий, полицейские погони, инциденты на ипподроме. Это был не человек, а магнитофон — все детали совпадали слово в слово.

Единственное, что я себе позволил, — освободить речь Валачи от некоторых жаргонизмов, чтобы текст был легче для чтения.

А в остальном это та самая книга, которую они хотели похоронить.

Глава 1

Около 7.30 утра 22 июня 1962 года в тюрьме Атланты, штат Джорджия, заключенный № 82811 по имени Джозеф Майкл Валачи, отбывавший срок за торговлю героином, схватил лежавший около кучи строительного хлама кусок металлической трубы длиной два фута и, прежде чем окружавшие смогли сообразить, что он задумал, набросился сзади на другого заключенного, буквально за несколько секунд превратив его тело в окровавленное месиво.

Несмотря на исключительную жестокость преступления, сначала оно показалось всем не более чем одним из обычных убийств, которые периодически совершаются за тюремными стенами в результате тягот тамошней жизни. Да и в самом Валачи тоже не было ничего особенного: 58 лет, коренаст и хорошо развит физически, 5 футов 6 дюймов ростом, 184 фунта весом, густая шевелюра с благородной сединой, невыразительные карие глаза и неприятный гортанный голос, одним словом, самый заурядный бандюга, посвятивший всю свою жизнь карьере на ниве преступности.

Однако это, казалось бы, бессмысленное убийство, совершенное столь малоприметным типом, привело к появлению первого в истории разоблачителя «Коза ностры», само существование которой было предметом ожесточенных споров даже в правоохранительных органах. И вот буквально в считанные часы имя Валачи стало известно не менее, чем имена Капоне, Лючиано, Костелло или Дженовезе. Валачи заполонил все газеты, журналы и телеэкраны после того, как люди узнали кое-какие детали быта Вито, Джо Банана или Громилы из Чикаго. Огромнейшую славу принесли ему и комики, которые напропалую принялись шутить на счет раскаявшегося преступника.

Смеяться, правда, было нечему. В США организованная преступность — самый крупный из всех видов бизнеса. По оценкам Министерства юстиции, претендующего на обладание методикой для подобных расчетов, общая сумма доходов этой «отрасли» составляет более 40 миллиардов долларов в год. Даже если эта цифра завышена вдвое, все равно конкурентов у этого конгломерата и в помине быть не может. Преступные картели, конечно, не платят налогов, но зато охотно выделяют средства на подкуп бесчисленных чиновников всех мастей. Помимо незаконных операций, они все глубже проникают в законные виды деловой деятельности и в профсоюзы, привнося в них свои

этические нормы. Хотя «Коза ностра» и не охватывает всю организованную преступность, она является ее основным звеном, буквально государством в государстве — «вторым правительством», как метко выразился Валачи. Она обладает прекрасно отработанной структурой. Подобно паутине пронизали всю страну ее преступные группы, связанные между собой мистическим ритуалом, который смотрится как жуткая пародия на ритуалы университетских обществ, в веренице жестокости, измены, судилищ и неожиданных смертей.

Валачи прожил в этом мире более 30 лет, верный кровавому обету молчания. Цепочка событий, в конечном итоге вынудивших его нарушить клятву, началась в Атланте.

На протяжении многих недель Валачи жил в страхе. Бывшие товарищи осудили его на смерть, и он знал, это. Один заключенный, также член «Коза ностры», обвинил его в том, что он выдал все тайны мафии Федеральному бюро по борьбе с наркотиками, после чего Валачи был мгновенно подписан смертный приговор, исполнением которых ему самому не раз приходилось заниматься в прошлом. Хотя он и дал сотрудникам Бюро но борьбе с наркотиками кое-какую информацию о наркобизнесе, что для смягчения наказания дело вполне обычное, по иронии судьбы, о самой «Коза ностре» он даже не обмолвился. Почему он был объявлен «стукачом», так до конца и не выяснено. По одной версии, ход информации дало само следствие, чтобы доконать Валачи, которому, с его точки зрения, было что рассказать о распространении героина по территории США. Согласно другой версии, под которой Валачи был готов поставить личную подпись, его обвинитель, проходивший по тому же делу, сделал это, чтобы отвести подозрение от себя.

В июне 1962 года тучи над Валачи сгустились. К тому времени ему уже удалось пережить три покушения. Сначала ему отравили пищу. Во второй раз его чуть не прижали в душевой. И, наконец, его попытались втянуть в драку во время прогулки, чтобы потихоньку прикончить во время разгона толпы.

Дело осложнялось тем, что жаловаться тоже было некому. «Коза ностра» подразделяется на несколько крупных группировок, называемых «семьями». Валачи входил в одну такую «семью», возглавляемую Вито Дженовезе — наиболее кровожадным «капо» или боссом «Коза ностры». Именно Дженовезе, также отбывавший в Атланте срок за торговлю наркотиками, отдал приказ о казни Валачи. Поначалу отношения между двумя заключенными выглядели вполне дружескими, поэтому Валачи не мог поверить, что Дженовезе, который не только пригласил его переехать в свою камеру и устроил побег, но и был в свое время шафером на его

свадьбе, мог повернуться против него. Однако впоследствии информация от друзей и враждебное отношение к нему со стороны любимчиков Дженовезе убедили Валачи, что их дружбе конец. Вот как он сам рассказывает о том, что произошло:

Однажды поздно вечером Вито завел со мной такой разговор: «Знаешь, бывает, что в бочке с яблоками заведется одно гнилое. Если его вовремя не убрать, то сгниют и остальные».

Я попытался его перебить, но он жестом остановил меня. Наконец, я больше не мог этого терпеть. «Если я сделал что-то не так, — сказал я, — то скажи мне и принеси пилюли (я имел в виду яд). Я их выпью у тебя на глазах».

Он ответил: «Кто говорит, что ты сделал что-то не так?»

Крыть мне было нечем.

Потом он говорит, что мы, мол, давно знакомы, и он хотел бы поцеловать меня во имя прошлого. «О'кей, — говорю про себя, — давай поиграемся». Хватаю Вито в охапку и сам целую его.

После этого Вито спрашивает: «Сколько у тебя внуков?»

Я отвечаю: «Трое. А у тебя?» По-моему, он сказал шесть. Тогда я говорю: «Хорошо, буду знать». Другими словами, если он собрался заняться моими внуками, я дал ему понять, что я займусь его наследниками.

Когда я улегся в койку, мой сосед Ральф пробормотал: «Поцелуй смерти». Я притворился, что не слышу, но разве тут заснешь?

Я не очень-то верил в эту ерунду насчет «поцелуя смерти», но знал, что если кого-нибудь собираются кокнуть, то все вокруг начинают проявлять дружеские чувства, чтобы не спугнуть жертву. В старые времена такая традиция, правда, была, но Счастливчик Чарли [1] с этим покончил и заменил поцелуй рукопожатием.

«В конце концов, — сказал Чарли, — если целоваться в ресторанах и вообще на людях, то обязательно засыплемся».

16 июня Валачи отважился на последний шаг — попросился в одиночку. Когда охранник спросил его об основаниях, он ответил: «То ли меня вот-вот пришьют, то ли я кого-нибудь. Тебе этого мало?» В одиночной камере Валачи поведал тюремным властям, что требует свидания с Джорджем Гэффни, заместителем директора Бюро по борьбе с наркотиками и бывшим руководителем его нью-йоркского отделения. Информацию Валачи о готовности к сотрудничеству никто так и не передал. В ходе последовавшего расследования офицер, ответственный за досрочное освобождение заключенных, показал, что поскольку Валачи отказался дать необходимые разъяснения, он воздержался от передачи просьбы Валачи, полагая, что Гэффни без этого в

Атланту не поедет. Потом Валачи написал письмо жене в надежде, что она даст знать об этой истории Томасу Люччезе (Трехпалому Брауну) [2], тоже нью-йоркскому боссу, который мог бы поднять среди руководства «Козы ностры» вопрос о нарушении мафиозного кодекса чести.

В полном отчаяния письме Валачи были такие слова:

«Прошу тебя, как только получишь письмо, все брось и приезжай. Денег не жалей. Это важно. Не теряй ни дня. Пойми. Потом я больше не буду тебя беспокоить. Когда приедешь, сразу требуй свидания. Помни, времени терять нельзя».

Валачи планировал затеять с Гэффни игру в кошки-мышки, чтобы Люччезе, с которым он был дружен на протяжении многих лет, мог бы вмешаться в дело на его стороне. Но письмо не ушло из Атланты. Вместо этого, по словам заместителя начальника тюрьмы М. Дж. Эллиота, оно было возвращено Валачи как недостаточно ясное в надежде, что тюремная администрация сможет разобраться, почему он потребовал перевода в одиночку. Валачи не стал его переписывать. Он уже не доверял администрации тюрьмы. С его точки зрения, это было полностью обоснованно — для Валачи власть и влияние Вито Дженовезе были безграничны.

После перевода обратно в общую камеру из-за продолжительного молчания Валачи решил действовать самостоятельно. Он решил унести с собой как можно больше своих убийц. Во главе списка был Джозеф ди Палермо (Джо Бек), ветеран «Коза ностры» и дружок Дженовезе. Интересно, что Валачи даже не помышлял убивать самого Дженовезе. Подобно рассерженному ребенку, Валачи твердил про себя «Вито должен жить», чтобы тот впоследствии предстал перед «Коза нострой» как человек, без суда и следствия приговаривающий к смерти других по ложному обвинению в предательстве.

Развязка наступила утром 22 июня. Изголодавшийся из-за страха быть отравленным и измотанный донельзя постоянным стрессом, Валачи наконец сорвался и напал на человека, которого принял за ди Палермо.

Я был во дворе рядом с бейсбольным полем. Внезапно я обратил внимание на трех парней, которые стояли за трибуной и не сводили с меня глаз. До них было ярдов пятьдесят. Они двинулись в мою сторону. Я стоял спиной к стене. Рядом что-то строили, и я увидел на земле кусок трубы. Как только я нагнулся с единственной мыслью, что если мне конец, то и им тоже, мимо меня прошел какой-то парень и сказал: «Привет, Джо!». Я взглянул ему вслед. Это был вылитый Джо Бек. Я и подумал, что надо захватить его с собой. Я поднял трубу и врезал ему по

башке. Он упал. Потом я побежал к троице. У одного был нож. Когда я пробежал ярдов десять, они развернулись и бросились бежать, а я вернулся к лежащему на земле. Он был весь в крови, и я не мог поэтому разобраться, кто это такой. Я дал ему еще пару раз.

Трое из-за трибуны побежали в мою сторону. Когда до меня оставалось ярдов двадцать, выскочил охранник и велел мне отдать трубу. Я отказался [3]. Он не отставал. Я говорю: «Отвяжись, а то и ты получишь». Он отвечает: «Тот парень умирает». Я говорю: «Ну и хорошо. Пусть его умирает». Я все еще был уверен, что прибил Джо Бека.

Вокруг собралось человек двадцать заключенных. Охранник говорит: «Пошли к помощнику надзирателя». Я согласился: «Ладно, но трубу не отдам».

Уже у помощника надзирателя я понял, что убил не того парня. Когда я просидел у него в кабинете минут пятнадцать, он вышел и через секунду вернулся с фотографией, которую бросил мне в лицо. «Узнаешь?» — спросил он. «Нет», — отвечаю. А он мне и выдает: «Вот его-то ты и прикончил».

Я не знал, что и думать. Все было как в тумане.

Жертвой Валачи стал некий Джон Джозэф Сопп, отбывавший в Атланте срок за ограбление почты и подделку документов и не имевший к организованной преступности ни малейшего отношения. Валачи был с ним даже не знаком, но тот, на свою беду, имел внешнее сходство с ди Палермо, которого Валачи приговорил к смерти. По мнению сотрудника ФБР, впоследствии проведшего с Валачи времени больше, чем кто-либо другой, это стало поворотным моментом во всей этой истории. «За исключением этого эпизода, — рассказывал ой, — Валачи не сожалеет ни о чем содеянном за всю свою жизнь. Он буквально раздавлен тем, что убил не того человека. Ему так хотелось посчитаться со своими обидчиками, что и теперь он не может успокоиться. Если бы его план удался, он, наверное, никогда бы не заговорил».

Несмотря на многочисленные трещины в черепной коробке, Сопп, не приходя в сознание, протянул еще 48 часов, а обвиненный в убийстве Валачи на допросах твердил, что «у него помутился разум». При этом один из работников тюрьмы весьма недальновидно заметил: «Похоже, Валачи… никогда не расскажет всей правды».

В свете решения Валачи заговорить, просто бестселлером выглядит заключение психиатров, сделанное в преддверии суда. «Несмотря на внешнюю дружелюбность, — писали, в частности, эксперты, — Валачи находится, по-видимому, в состоянии

серьезного стресса. Его настроение характеризуется умеренной тревогой и депрессией. Речь связна и последовательна. При обсуждении настоящей ситуации наблюдаются колебания и эмоциональная прерывистость в выражении мысли».

Далее в заключении говорится.

«Относительно возникших у него проблем субъект утверждает, что… он согласился «пройти в кабинет помощника надзирателя и сдаться». Он был так напуган, что прекратил принимать пищу и мыться. По его словам, в момент перевода в одиночную камеру он «был в плохой форме» и вряд ли кто сможет понять, что значит быть обвиненным в таком грехе. Его крайне мучило «клеймо стукача».

В отношении личности Валачи делается следующий вывод:

«Галлюцинаций и суицидальных тенденций не выявлено. Понимание и память не характеризуются непреодолимыми дефектами. Эксперту не удалось установить, являются ли его идеи относительно «клейма предателя» попыткой ввести власти в заблуждение или имеют реальную основу… В настоящее время его нельзя считать психически ненормальным. Он понимает суть ведущихся против него действий, может давать ясные показания, содействовать защите своих интересов и участвовать в судебном заседании».

Примерно на протяжении трех недель никто в Министерстве юстиции (ни в Вашингтоне, ни в Нью-Йорке, где велось следствие по делу об участии Валачи в наркобизнесе) вообще не знал об этих событиях. А тем временем местный прокурор в Атланте, которому было передано дело об убийстве Соппа, готовился потребовать для Валачи смертного приговора в связи с «жесткостью и бессмысленностью деяния».

В этот критический момент Валачи, наконец, удалось сообщить о своей беде Роберту Моргентау, прокурору южного округа Нью-Йорка, при помощи посредника, имя которого по известным причинам не раскрывается Министерством юстиции. В июле Моргентау была вкратце обрисована ситуация и было сообщено, что «Валачи желает сотрудничать с федеральными властями». После срочных консультаций с нью-йоркским отделением Бюро по борьбе с наркотиками Моргентау связался со своим коллегой в Атланте и сообщил ему о потенциальной ценности Валачи. Развязка наступила 17 июля, когда представляемому двумя адвокатами Валачи было разрешено признать себя виновным в менее тяжком преступлении (убийстве второй степени), после чего он был приговорен к пожизненному заключению. В тот же день в сопровождении Фрэнка Селваджи, сотрудника Бюро по борьбе с наркотиками, он был доставлен в

вестчестерскую окружную тюрьму, расположенную в нескольких милях от Нью-Йорка. Там ему было присвоено другое имя — Джозеф ди Марко, и предоставлено отдельное помещение в больничном корпусе тюрьмы.

Однако надежды на то, что он сразу все выложит как на духу, вскоре улетучились. В момент совершения убийства в тюрьме Валачи отбывал два одновременных срока (15 и 20 лет) за торговлю наркотиками. Признавая участие в ряде конкретных преступлений, включая нераскрытые убийства в ходе гангстерских разборок, он продолжал утверждать, что в отношении второго срока, в связи с которым он в конечном итоге получил ярлык предателя, его явно подставили. Поэтому, уйдя из рук Вито Дженовезе, он немедленно обратил всю свою враждебность против Селваджи, который его допрашивал. «Это из-за тебя я попал в беду, — глумился Валачи. — Где ты был, когда мне было плохо?».

Надо отметить, что Валачи был достаточно умен, чтобы все-таки выдавать крупицы интересной информации, чтобы Селваджи не потерял к нему интереса. Поэтому Бюро, остро нуждавшееся в агентурных сведениях о торговле наркотиками, получило даже больше, чем первоначально рассчитывало. Постепенно «торговля» между Селваджи и Валачи привела к появлению на свет темных очертаний национального преступного картеля, объединяющего целый ряд направлений незаконной деятельности. И вот в конце августа комиссар Бюро по борьбе с наркотиками Генри Л. Джордано позвонил Вильяму Хандли, руководителю специального отдела Министерства юстиции, созданного прокурором Кеннеди для межведомственной координации борьбы с организованной преступностью и рэкетом. «Мы тут беседуем с одним парнем, — сказал Джордано. — Это может статься важным. Я направляю вам копии протоколов».

Почти сразу Хандли оказался в эпицентре ожесточенной бюрократической борьбы. Пронюхав в чем дело, с просьбой взглянуть на протоколы обратилось ФБР, после чего, по словам Хандли, интерес ФБР к Валачи стал «безграничным». ФБР официально обратилось с просьбой получить доступ к Валачи на том основании, что его информация «переступает границы» наркобизнеса. В неофициальном порядке Хандли было сказано: «Мы должны его заполучить». Такое давление было крайне неожиданным. «Меня это озадачило, — вспоминает Хандли. — Ни с того ни с сего самое могущественное в мире ведомство по охране закона буквально сбилось с ног из-за одного человека. Обычно они так не заводятся».

Но у ФБР была причина заинтересоваться Валачи. До прихода

Кеннеди на пост генерального прокурора ФБР практически не занималось организованной преступностью. Например, в 1959 году на этом участке работало всего четыре сотрудника, причем их функции практически сводились к «ведению учетов», например, местонахождения известных рэкетиров. С другой стороны, около 400 сотрудников работало против американских коммунистов. Хотя формально директор ФБР Эдгар Гувер и подчинялся генеральному прокурору, при целом ряде занимавших эту должность лиц он действовал так, как будто их не существовало вообще. Кеннеди в этом отношении удалось многое изменить, по крайней мере в течение срока исполнения своих обязанностей. Он не только знал о су шествовании оргпреступности и был полон решимости пресечь ее распространение, но и имел еще в Белом доме родного брата. Итак, к 1962 году на участке борьбы с оргпреступностыо в Нью-Йорке было уже примерно 150 сотрудников ФБР, активно занимавшихся расследованием конкретных дел и наводок, наружным наблюдением и т. д. И все же ФБР, застигнутое врасплох требованиями Кеннеди добыть настоящие разведданные о преступном мире, было вынуждено развернуть широкомасштабную кампанию подслушивания и приписывать получаемые сведения источникам типа «тайный информатор Т-3, ранее отличавшийся высокой надежностью». И вот появляется Валачи, первый «живой» источник, информация которого совпадала с данными электронной разведки и обещала заполнить все «белые пятна».

Тем не менее при поддержке Кеннеди Хандли решил дать Бюро по борьбе с наркотиками больше времени для самостоятельной разработки Валачи. Однако две недели спустя, когда отчеты Селваджи перестали вселять надежды на какие-либо результаты из-за враждебности Валачи к Бюро по борьбе с наркотиками, просьба ФБР была удовлетворена и на арене появился Джеймс П. Флинн, специалист из ФБР по «раскалыванию», который подключился якобы для выяснения обстоятельств убийства в Атланте. На протяжении некоторого времени Флинн и Селваджи вместе допрашивали Валачи, который на гребне славы начал беззастенчиво сталкивать двух следователей лбами. К тому времени Валачи еще не назвал «Коза ностру» по имени, поэтому многие считали, что он лжет. Дело в том, что слова «Коза ностра» время от времени звучали на пленках, поэтому по крайней мере уже за год до появления Валачи ФБР имело основание полагать, что они обозначают широко известную «мафию».

Валачи подтвердил эту версию при драматических

обстоятельствах. Оставшись 8 сентября на непродолжительное время с ним наедине, Флинн неожиданно сказал: «Джо, кончай валять дурака. Ты ведь знаешь, что я здесь, потому что информация нужна генеральному прокурору. Я хочу говорить о конкретной организации, зная ее название, порядковый номер и все остальное. Как ее называют? Мафия?

— Нет, — сказал Валачи, — это не мафия. Так ее называют только чужаки.

— Настоящее название итальянского происхождения?

— Что вы имеете в виду? — парировал Валачи.

— Мы знаем гораздо больше, чем ты думаешь, — сказал Флинн. — Я скажу первое слово, а ты все остальное. Это — «Коза…»

Валачи побледнел. Почти минуту он сидел молча, потом выпалил: «Коза ностра»! Значит вы о ней знаете ![4] «По мнению Хандли, Флинн был просто незаменимым человеком во всей этой истории. «Без него, — рассказывал Хандли, — у нас ничего бы не вышло. Флинн — это одареннейший работник, обладающий огромным воображением и инициативой. В завоевании доверия Валачи он проявил необычайное мастерство. Он безошибочно угадывал, когда нужно на него давить, а когда умаслить. Например, если Валачи был нездоров, Флинн сам давал ему лекарство. Если Валачи в очередной раз охватывала депрессия, Флинн обязательно находил способ, чтобы вывести его из этого состояния. Он часто приносил Валачи его любимые лакомства — сыры и острые колбасы. Это может показаться мелочами, но именно они делали погоду. На протяжении восьми месяцев Флинн практически делил с ним кров, и в конечном итоге Валачи пришел к мысли, что Флинн — его единственный друг. Честно говоря, Валачи был абсолютно прав».

Успешное проведение допроса — сложное искусство. В некоторой степени отчет офицера по надзору за условно освобожденными, представленный им в 1960 году, когда Валачи ожидал решения суда по делу о его участии в наркобизнесе, дает представление о том, насколько с ним трудно иметь дело. «Мало что можно сказать в его пользу, — говорится в отчете. — Валачи как личности не присущи ни мораль, ни желание жить по законам общества. Он никогда не мог полностью адаптироваться в обществе, в котором жил, причем сейчас, с учетом его возраста, вряд ли можно найти какие-либо основания тому, что ему удастся вообще это сделать».

Главным для Флинна было выделить мотивы решения Валачи сотрудничать с властями и постоянно играть на этом. «Большую роль играла идея мести, — вспоминал позднее Флинн, — но не

менее важно было его четко рассчитанное желание выжить. Ни на секунду не сомневаюсь, что он был неисправимым грешником. Это был убийца, способный на крайнюю жестокость. Это был изворотливый противник законно избранной власти, обитавший в мире страха и подозрения. Страх для него имеет особое значение. Страх наказания за то, что натворил за свою жизнь, и страх перед тем, что ему никто не поверит».

К концу сентября Валачи стал безраздельной собственностью ФБР, и вплоть до января следующего года Флинн, которому для подкрепления был придан еще один сотрудник ФБР, допрашивал Валачи в среднем четыре дня в неделю. Как правило, допрос продолжался три часа, после чего Валачи становился раздражителен и малоуправляем. Было установлено, что для прекрасной памяти Валачи оптимальным был режим, в котором ему позволяют говорить в стиле монолога, несмотря на многочисленные ссылки на неких «их», «его», «нас», устанавливать личности которых приходилось уже на следующих допросах.

После первого прорыва Валачи достаточно безболезненно выдал организационную структуру «Коза ностры», в результате чего Министерство юстиции получило довольно ясную картину огромных масштабов ее деятельности. Он поведал, что «Коза ностра» подразделяется на «семьи», контролирующие свой географический регион — Бостон, Буффало, Чикаго, Кливленд, Детройт, Канзас-сити, Лос-Анджелес, Ньюарк, Нью-Орлеан, Нью-Йорк, Филадельфию, Питтсбург и Сан-Франциско. По словам Валачи, курорты типа Майами и Лас-Вегаса (а также докастровская Гавана) считаются «открытыми зонами». Это означает, что любая «семья», независимо от базовой принадлежности, имеет право иметь там своих людей и вести дела.

Во главе «семьи» стоит «капо» или «босс», имеющий заместителя — «субкапо». Затем следует «капорежиме» или «лейтенанты», каждый из которых возглавляет «режиме» или «команду». «Команда», в свою очередь, состоит из «солдат», чей статус в значительной степени зависит от личного опыта, связей и возможностей. Одни «солдаты», например, работают непосредственно на «лейтенантов», а другие имеют свой собственный бизнес. При этом всех членов «Коза ностры», от «солдата» до босса, тесно связывают друг с другом неразрывные узы, ибо все они итальянцы. Это, однако, никоим образом не означает, что «Коза ностра» ограничивает сферу своей деятельности этническим фактором. Она представляет собой закрытое общество в более масштабной системе, где кого только

нет — евреи, негры, ирландцы, французы, пуэрториканцы, англичане и так далее.

Примерно треть членов «Коза ностры» сосредоточена в Нью-Йорке, где действуют целых пять «семей». Валачи назвал имена боссов каждой из них. Полиция и ранее считала их крупными рэкетирами, однако их истинное положение в преступном мире было для нее загадкой. Внешне все они выступали в роли респектабельных бизнесменов и были так надежно защищены густой сетью более мелких преступников, что попадали в тюремную камеру лишь в исключительных случаях. Поэтому приговор Вито Дженовезе был настолько неожидан, что «Коза ностра» единодушно решила, что его подставили. Однажды Дженовезе, который внешне напоминает дружелюбного старьевщика, спросили, испытывает ли он угрызения совести из-за убийства человека. Он дал классический для мафиози ответ: «Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, ибо ответ может быть использован против меня».

Вторым боссом Валачи назвал Джозефа Бонанно (Джо Банана). Для получения легального статуса Бонанно поселился в штате Аризона, где представлялся в качестве удачливого торговца недвижимостью, пока ему не пришлось вернуться в Нью-Йорк, чтобы подавить мятеж в своей «семье». Названный третьим Карло Гамбино обычно называл себя «консультантом по трудовым отношениям».

Двое из названных Валачи боссов были к тому времени уже на том свете. Одним из них был Джозеф Профачи, якобы импортер оливкового масла, который возглавлял свою бруклинскую «семью» на протяжении более 30 лет и был похоронен с огромными почестями в лучших мафиозных традициях. Еще один, Томас Люччезе, довольствовался прикрытием процветающего производителя готового платья. Свой последний срок за крупную кражу Люччезе отбывал в 1923 году. Через несколько лет после освобождения жена и мать одной из его жертв опознали в нем убийцу, однако накануне суда они вдруг изменили свои показания. Им можно только посочувствовать: когда в убийстве был обвинен Вито Дженовезе, главный свидетель обвинения был отравлен, даже находясь под охраной.

«Коза ностра» не имеет общенационального главаря, хотя перед тем как попасть в тюрьму, на его роль претендовал Вито Дженовезе. «Межсемейное» регулирование осуществляется в последние годы «комиссией» или «правящим советом», в который входят 9-12 боссов, функционирующих в различных регионах страны. «Комиссия» имеет одну главную задачу — обеспечивать

работоспособность «Коза ностры» в целом. Она является последней инстанцией в разрешении споров между «семьями». А когда босс умирает или устраняется другим путем, «комиссия» утверждает в должности его преемника. Так, по словам Валачи, знаменитый съезд «Коза ностры» в 1937 году, проходивший вблизи небольшого городка Апалачин (штат Нью-Йорк), созывался для того, чтобы объявить Карло Гамбино преемником Альберта Анастазия, известного читателям бульварной прессы как «Верховный Палач Корпорации Смерти» и убитого впоследствии в одной манхэттэнской парикмахерской.

Выложив эти сведения, Валачи начал, как водится, пытаться выведать, что именно известно ФБР об обстановке в «Коза ностре». Флинну пришлось затратить огромное количество времени на игру в кошки-мышки. Каждый раз, когда это начиналось снова, он терпеливо увещевал Валачи: «Давай, ты будешь нашим учителем. То, что нам известно, не имеет никакого значения. Рассказывай, не стесняясь».

Флинн твердил Валачи, что он должен говорить только правду, ибо единожды солгав, он дискредитирует все свои показания. Иногда Валачи обижался, а в некоторых случаях даже не мог сдержаться. Однажды он в гневе проорал: «Правду! Правду! Что ты заладил одно и то же. А что я, по-твоему, тебе рассказываю?».

Тем не менее подобная тактика приносила плоды, и Валачи стал давать показания по четкой схеме. Если он давал информацию, известную ему лично, это делалось в форме недвусмысленного заявления. Если данные были вторичными, он обычно замечал: «Это мне рассказывал один парень». Если был он уверен в правдивости информации, он характеризовал источник как «надежный».

Валачи был под жутким прессом, и его настроение часто резко менялось. Не проходило и дня без упоминания о Вито Дженовезе и подписанного им смертного приговора. В состоянии депрессии Валачи обычно жаловался: «Какая сволочь! Ну почему он это сделал?». В приподнятом настроении он горько усмехался и говорил: «Я же не глупее его. Я следил за ним и тоже готовился». Однажды он сказал Флинну: «Я уже покойник и знаю это. Но чем дольше я проживу, тем глубже позор Вито».

В самые плохие моменты Валачи ходил взад-вперед по камере, курил одну сигарету за другой и рассуждал о тщетности борьбы против «Коза ностры». «Какой прок от того, что я вам тут рассказываю? Никто и слушать-то не будет. Вы понимаете, о чем я говорю? Эта «Коза ностра» — второе правительство. Ее не свалишь».

В ответ на это ему неизменно напоминали, что он имеет надежную поддержку в лице Кеннеди и Гувера. Иногда удавалось играть на особенностях его характера, например на привычке валить на других вину за свои несчастья. «Джо, — вспоминает Флинн, — считал, что в ответе все, только не он. Например, преступником он стал только потому, что в детстве другого пути у него не было. Совершенно незнакомого ему человека он убил исключительно по вине тюремной администрации. Предателем по отношению к «Коза ностре» он себя тоже не считает. С его точки зрения, истинный предатель — Вито Дженовезе».

Еще одним моментом, который имел большое значение, были нереализованные амбиции Валачи в рамках преступного синдиката. «Ну почему, — часто жаловался он, — меня должен обходить парень, который вложил гораздо меньше в общее дело?». И, наконец, надо было постоянно льстить его самолюбию. «Ты говоришь, что хочешь свалить нынешних боссов, — говорили ему, — этим ты здорово их трясанешь».

Вот так, получая то кнут, то пряник, Валачи продолжал живописать свою жизнь в таинственном и жестоком мире мафии. При этом он самым чудесным образом преображался физически. «Сначала, — вспоминает один из его охранников, — он выглядел, как бродяга, и был отвратительно толст, весил фунтов на 40 больше нормы. Казалось, он совсем опустился. Жить — вот единственное, чего он хотел. Белье он менял только по приказу и почти совсем не брился. И вот он вдруг сел на диету. Потом попросил спортивные снаряды и по крайней мере час в день занимался на тренажере. Прямо как будто готовился к схватке».

Духовное возрождение Валачи явно отставало от физического. По вероисповеданию он был католик, и ему несколько раз предлагали встречу со священником. Он неизменно отказывался. «На это у меня нет времени», — говорил он. С другой стороны, он совершенно неожиданно проявил себя рыцарем, отказавшись назвать хотя бы одну из женщин, с которыми он был близок. Когда разговор подошел к этой теме, он сказал: «Давайте ограничимся тем, что девушек я никогда не обижал. И больше никаких вопросов. Что мое, то — мое».

В отношениях с Валачи федеральные власти пошли всего на одну уступку — не стали «впутывать в это дело» его семью. Валачи был женат и имел сына. Его жена Милдред — дочь босса по имени Гаэтано Рейна, застреленного в 1930 году. Сын Валачи занимался строительством в Нью-Йорке. Валачи, у которого было несколько совершенно легитимных прикрытий — три ресторана, швейная фабрика и сеть музыкальных автоматов, утверждает, что его сын ничего не знал о преступной деятельности отца.

«Мальчик, — однажды сказал он, — абсолютно чист. Я не хотел, чтобы он хоть что-то знал обо мне. Не хотел бы я видеть его приговоренным к пожизненному заключению».

Во время допросов ничто не льстило самолюбию Валачи больше, чем возможность выглядеть примадонной, хотя он и был всегда достаточно осторожен, чтобы не переиграть. Находясь в подобном настроении, он обычно говорил в начале допроса: «Я не хочу сегодня ни о чем говорить. Хочется отдохнуть». Будучи фанатично преданным болельщиком команды «Янки», каждую беседу он начинал бейсбольными новостями. Иногда начинал вспоминать. Однажды он рассказал Флинну о своем первом преступлении. По его словам, у отца не хватало денег, чтобы заплатить за квартиру. И вот, девятилетний Валачи и его брат украли в одной лавке ящик мыла и за полцены продали его в соседней. Обладая просто феноменальной памятью, он вспомнил даже сорт мыла и несказанно расстроился, когда выяснилось, что Флинн о таком никогда не слышал.

Каждое утро ему доставляли его любимую нью-йоркскую газету «Дейли ньюс». Первым делом он изучал результаты скачек. Одно время Валачи был владельцем четырех чистокровных лошадей и с тех пор посвящал скачкам все свободное время. Флинн всегда знал, что день будет особенно продуктивным, если его подопечный с утра хвалился, что угадал несколько победителей. Потом он просматривал колонку некрологов. Иногда это давало ему повод мрачно шутить. Однажды Валачи наткнулся на извещение о смерти одного гангстера, с которым они вместе ходили на дело. Давясь от смеха, он вспоминал, как его покойный друг никак не мог решиться нажать на курок, когда жертва была уже поставлена к стенке.

При любых обстоятельствах Валачи не покидала его природная хитрость. В бытность активным членом «Коза ностры», получив «контракт» на убийство, Валачи никогда не жалел времени, чтобы выяснить, утверждено ли задание «официально», а не мотивируется, как это часто бывало, личной жадностью или местью, что могло бы навлечь на него огонь со стороны различных группировок. В тюрьме Вестчестера он применял такую же тактику — неожиданно начинал жаловаться Флинну, что здесь ему «жутковато». Во-первых, мол, здесь сидит человек, знавший его в «старые времена», а во-вторых, «все знают, что эта тюрьма регулярно используется Бюро по борьбе с наркотиками для бесед с осведомителями, и «Коза ностра» вот-вот на него выйдет. Затем он приводил свой главный довод: «Если ребята узнают, в какой халупе меня содержат, сдохнут от смеха».

Несомненно, истинным мотивом Валачи было желание

проверить интерес к себе со стороны генерального прокурора Кеннеди и его реальные возможности, но в то же время это полностью совпадало с планами его перевода из вестчестерской тюрьмы. После нескольких недель поисков по всей стране ФБР, наконец, договорилось с командованием сухопутных войск временно разместить его в центре связи Форт-Монмут (штат Нью-Джерси), выглядевшем идеальным местом благодаря своей прекрасной системе охраны и близости к дому Флинна. Кроме того, перевод в Форт-Монмут был выгоден для обеих сторон еще по одной причине — теперь Бюро по борьбе с наркотиками уже никак не могло до него добраться.

Справедливости ради необходимо отметить, что опасения Валачи по поводу надежности Вестчестера были не такими уж надуманными. По данным ФБР, «Коза востра» сумела разузнать, что он находится где-то в районе Нью-Йорка. Его бывшие товарищи, правда, думали, что его прячут в каком-нибудь отеле Манхэттэна и сосредоточили свои поиски на этом направлении.

После того как Вильям Хандли дал добро на перевод, в январе 1963 года Валачи был под охраной доставлен в Форт-Монмут. Переодетого в обычную одежду, взятую у него дома, сотрудники ФБР везли его в автомобиле. «Он выглядел как головорез из кинобоевика, — рассказывает один из его провожатых, — широкополая шляпа, петлицы во всю грудь и кашемировое пальто с гигантскими отворотами. Было на что посмотреть». В Форт-Монмуте Валачи был помещен на гауптвахту под охраной специально подобранных надзирателей из федеральной тюрьмы в Льюисберге (штат Пенсильвания). Начальнику караула было приказано обеспечить просто максимальный уровень охраны для особо важного заключенного, поэтому он выбрал чисто армейский вариант — крошечную камеру для рядового состава со стенами из металлических прутьев. Увидев ее, Валачи взорвался: «Что это, черт возьми, — буйствовал он, — клетка, что ли?». Успокоить его удалось только на другой день, когда прибывший Флинн устроил для него перевод в более приемлемое помещение в офицерском отделении гауптвахты.

В определенном смысле этот инцидент укрепил доверие Валачи к Флинну и к ФБР в целом, потому что последовавшие допросы протекали без серьезных затруднений. Предполагалось продержать Валачи в Форт-Монмуте три недели, однако пробыл он там до конца зимы, пока не были стерты все «белые пятна», перепроверены основные эпизоды и собрана, по выражению Флинна, «мелочевка», необходимая для того, чтобы подработать показания Валачи и наверняка отделить членов «Коза ностры» от

преступников-одиночек. Беседам на эту тему уделялось особое внимание. Например, если Валачи описывал убийство, его заставляли давать все мельчайшие подробности, чтобы впоследствии сличить его показания с делами ФБР или полиции. Что же касается лично указанных им членов мафии, Валачи должен был сначала найти их фотографии, называя по имени или по известному псевдониму.

К тому времени Валачи уже созрел для публичных выступлений. Кеннеди и его сотрудники хотели этого по трем причинам. Во-первых, Валачи ни разу не дал показаний, противоречивших фрагментарной информации, которой уже располагало Министерство юстиции. Во-вторых, его показания могли бы способствовать принятию жесткого законодательства по борьбе с организованной преступностью и, возможно, узаконить подслушивание под контролем федерального суда. И, в-третьих, имелась твердая уверенность в том, что Конгресс и вся страна должны услышать то, что было известно лишь нескольким избранным сотрудникам правоохранительных органов.

Пока все «за» и «против» оживленно обсуждались в различных инстанциях, вопрос о целесообразности разглашения откровений Валачи превратился в чисто академический. Потеряв возможность контролировать ход допросов, Бюро по борьбе с наркотиками испугалось, что не получит за Валачи вообще никаких очков. Поэтому бюро начало потихоньку подбрасывать кое-какие подробности надежному репортеру, подчеркивая при этом свои заслуги в этом деле.

Это и решило вопрос. После внушительных приготовлений 9 сентября Валачи был доставлен вертолетом в тюрьму округа Колумбия в Вашингтоне для слушаний в подкомитете под председательством Джона Маклеллана, сенатора от штата Арканзас. Сам перелет и принятые меры безопасности произвели на Валачи неизгладимое впечатление. Поскольку к тому времени его пребывание в Форт-Монмуте уже перестало быть секретом, он и его охранники при выезде из гауптвахты были переодеты в форму военной полиции. Гораздо меньшее впечатление произвел на него визит сенатора Маклеллана накануне слушаний. По словам Валачи, сенатор с глазу на глаз попросил его не упоминать Хот-Спрингс, расположенный в его родном штате. И действительно, в отчетах нет ни единого слова о пресловуто известном в то время городе.

Слушания перед оком телекамеры закончились полным провалом, но Валачи никак нельзя в этом обвинить. Имея отличную память, он не был способен быстро переключиться с одной темы на другую, а сенаторы как один бросились задавать

ему совершенно не связанные друг с другом вопросы. Более того, несмотря на предупреждения не выходить за рамки компетенции Валачи, как только зажглись юпитеры, он был буквально атакован вопросами, которые мыслились сенаторами как средство завоевания голосов в своих штатах.

Абсурд достиг своего апогея, вероятно, когда сенатор от Небраски Карл Кертис спросил Валачи об уровне организованной преступности в Омахе. После некоторого раздумья Валачи аккуратно прикрыл рот рукой, повернулся к сидевшему рядом сотруднику Министерства юстиции и что-то прошептал. Свидетелей этой сцены можно вполне оправдать, если они решили, что сенатор Кертис затронул очень важный вопрос, и Валачи желает перед ответом что-то уточнить. На самом деле он спрашивал: «Где эта, черт ее побери, Омаха?».

Глава 2

Я впервые встретился с Джозефом Валачи 6 января 1966 года в тюрьме округа Колумбия, где он содержался на последнем этаже в отделении, номинально отведенном смертникам, хотя казни не совершались там уже много лет. Для того, чтобы попасть к Валачи уже внутри тюрьмы, я должен был пройти проверку у дистанционно управляемых дверей. Затем надо было позвонить по телефону одному из надзирателей, выделенных Бюро тюрем для его круглосуточной охраны. Потом меня проводили по коридору до тяжелой стальной двери с массивным замком и далее вверх на три лестничных пролета еще к одной стальной двери со стеклянным глазком, через который меня внимательно рассмотрели и только после этого впустили в помещение, где он содержался. Такие меры были выбраны не для того, чтобы предотвратить возможный побег, а чтобы сохранить ему жизнь, поскольку «Коза ностра» назначила 100 000 долларов за его голову.

Моей первой реакцией было удивление, как этому маленькому кривоногому человечку удалось наделать столько шума. Вместо обычной тюремной робы он был одет в один из двух составлявших его гардероб тренировочных костюмов, белые носки и спортивные туфли. Уже похудев после Атланты до 145 фунтов, он продолжал истово заниматься изометрическими упражнениями. Его брюшной пресс был тверд как железо, а плечи бугрились мышцами. Несмотря на свои 63 года, он мог без труда отжаться от пола 30 раз. Его единственным недостатком было курение — более 60 сигарет в день. «Я знаю, что лучше бросить, — говорил он мне, — а что я тут еще буду делать?». И все же курение вызывало у него беспокойство, и он сменил «Кэмел» на «Салем», полагая, что последний сорт не так вреден для здоровья. «А вы как считаете? — спрашивал он. — Вы согласны?».

С 6 января по 19 марта 1966 года я виделся с Валачи 22 раза, причем каждая встреча длилась 4–5 часов. После беседы я оставлял ему вопросы, на которые он отвечал письменно. Стиль его отличался простотой, декларативностью и практическим отсутствием пунктуации. Он всегда виновато просил прощения за ошибки. «Вы не должны забывать, — говорил он мне, — что я закончил всего 7 классов. Но, должен сказать, что после того, как все это началось, я стал писать процентов на 65 лучше».

Все наши беседы протекали довольно гладко, за исключением одной. Он очень разволновался, когда я спросил его об

использовании физической силы при вышибании денег у должников. Меня на этот вопрос навел один из протоколов ФБР, где упоминалось, что на такие дела он часто отправлялся с бейсбольной битой. «Ну, может, раз или два! — взъярился он. — Зачем мне это было нужно? Я имел дело только с теми, кто наверняка заплатит — букмекеры, игроки и так далее. Я всегда держался подальше от бизнесменов. Что толку было от битья? Главное, чтобы деньги не задерживались».

Не менее непреклонен он был и в отношении своего участия в убийствах. Принимая во внимание его почти полную неподчиняемость, Валачи было бы нелегко вписаться и не в такую крутую организацию, как «Коза ностра». Поэтому в Министерстве юстиции были убеждены, что ему удалось продержаться так долго благодаря высокой квалификации профессионального убийцы и личному участию в не менее, чем 33 акциях. Валачи не отрицает причастности ко многим таким «контрактам» [5], но при этом настаивает, что в молодые годы он использовался, как правило, в качестве водителя для бегства с места преступления и, за исключением считанных случаев, никогда не присутствовал при ликвидации жертвы. На более позднем этапе своей карьеры его роль якобы заключалась в разработке акции, так что если он и присутствовал при ее исполнении, убивал всегда кто-нибудь другой. Мне ни разу не удалось сбить его с этой мысли. «Мне незачем врать, — отвечал он с обезоруживающей логикой, заодно стремясь произвести хорошее впечатление на публику. — Что я выигрываю? С точки зрения закона, я виновен в такой же степени».

Валачи имел разрешение свободно перемещаться по отделению смертников. По коридору можно было пройти мимо помещения охраны к трем камерам и душевой, где он мог воспользоваться своей единственной наградой за сотрудничество — плиткой, на которой он мог готовить себе еду. Продукты, хранившиеся в имевшемся там холодильнике, приносили охранники, редкие посетители из отдела по борьбе с оргпреступностью и рэкетом или сотрудники ФБР, нуждавшиеся в информации о каком-нибудь рэкетире. Валачи так хорошо готовил, что охранники часто просили его записать рецепты для своих жен. Своему самому популярному творению он дал название «Особый рецепт для спагетти с тефтелями Джо Валачи». Все его рецепты сопровождались массой ценных советов. В отношении мясного фарша он рекомендовал «купить фунт говядины и лично проследить, как проворачивают мясо, чтобы не подсунули тухлятину». При приготовлении тефтелей он советовал новичку «капнуть на ладони немного оливкового

масла, чтобы мясо не прилипало». Как настоящий педагог, он был против подавления в учениках творческого начала. «Тефтели, — говаривал он, — могут быть любого размера». Большую часть времени Валачи проводил в узкой комнате, находившейся в другом конце коридора. Именно там мы и беседовали. В комнате была армейская койка, два стула, письменный стол, радиоприемник и телевизор. В холодную погоду у Валачи мерзли ноги, и он заклеил клейкой лентой дверные жалюзи в надежде избавиться от сквозняков. К стене над своей койкой он приклеил той же лентой кусок ткани. Однажды, оставшись на короткое время в комнате один, я из любопытства отклеил уголок, чтобы заглянуть под него. Причина оказалась более чем веской — ткань скрывала прямоугольное окошко, через которое был виден электрический стул. Комната прежде использовалась свидетелями для наблюдения за ходом казни. Единственный раз он признал присутствие поблизости этого стула, когда я попросил его попозировать для фотографии на его фоне. «Нет, — наотрез отказался он. — Не буду. Плохая примета».

Изо дня в день Валачи с утра занимался физическими упражнениями, спал после обеда, а потом трепался или играл в карты с охранниками, которые работали посменно, а вечером писал письма или смотрел телевизор. При условии хорошего поведения осужденные имеют право на телевизор, однако Валачи он был предоставлен прежде всего в связи с изолированностью его содержания. По этому телевизору он смотрел и свои выступления перед сенатским подкомитетом. Более других его оскорбила телепередача под названием «Неприкасаемые». «Это все вранье, — говорил он мне. — Как можно такое показывать?».

Валачи никогда не терял чувства собственного достоинства. Несмотря на то, что я был для него наиболее очевидным каналом получения любимых деликатесов, он никогда не просил ничего первым. В конце концов мы пришли к соглашению, что мне как жителю Нью-Йорка, разрешено покупать для него лакомства, которые трудно раздобыть в Вашингтоне. Одним из них была густо приправленная неаполитанская ветчина, а другим — пирожное с кремом под названием «канноли». Как-то раз он упомянул «канноли», и я рассказал ему, что буквально несколько дней назад заходил в первоклассную итальянскую кондитерскую на Грэнд-стрит в Манхэттэне, однако я никак не мог вспомнить ее название. Услышав о Грэнд-стрит, Валачи расплылся в улыбке: «Это кондитерская Феррара. Самая лучшая. Да, с Нью-Йорком не потягаешься».

Один раз Валачи всерьез вспылил из-за того же чувства собственного достоинства. В наших беседах постоянно

упоминалось слово «уважение», которое символизирует весь без исключения морально-этический кодекс чести «Коза ностры» как во взаимоотношениях между «семьями», так и между отдельными членами организации. Однажды я приехал в тюрьму беседовать с Валачи без предупреждения. Очень скоро стало ясно, что он не может скрыть своего недовольства. Когда я спросил его, в чем дело, он сказал: «Я не знал что вы едете. Я бы побрился». Я ответил, что мне все равно. «Знаете, — сказал на это Валачи, — мне тоже хочется проявить уважение к людям».

Как и практически всем, с кем ему приходилось общаться, Валачи стал мне очень симпатичен. В начале нашей беседы он неизменно задавал мне вежливые вопросы о моем здоровье, о благополучии моей семьи и подробностях моего перелета из Нью-Йорка. Напротив сидел необычайного кроткого вида старичок, сложивший руки на животе и сдвинувший очки на самый кончик носа. Для полноты картины не хватало только ватаги окруживших его внуков, с нетерпением ожидавших от дедушки очередной увлекательной истории, поэтому я не переставал удивляться, слыша свой собственный вопрос типа «Джо, в прошлый раз вы рассказывали, как Стив Франсе был задушен у вас на кухне. Давайте вернемся к этому эпизоду».

В то время прорабатывались планы заменить Валачи тюремное заключение вывозом из страны, скорее всего на остров Терк в западной части Тихого океана, переданный США Японией после второй мировой войны. Таким образом предполагалось и обеспечить его надежную защиту и вознаградить за сотрудничество. Заинтересованный в получении новых информаторов отдел по борьбе с организованной преступностью более других приветствовал такое решение, поскольку Валачи предоставил ему считавшийся необычайно ценным список своих бывших коллег, которые, по его мнению, могли бы пойти на аналогичное сотрудничество.

Однако все это, конечно, сорвалось, когда под давлением итало-американских организаций Белый Дом решил не допустить публикации воспоминаний Валачи. В результате 22 марта его неожиданно лишили относительного комфорта окружной тюрьмы и перевели в федеральную тюрьму в Милане, штат Мичиган, в сорока милях к юго-западу от Детройта. Его поместили в камеру 18 на 18 футов с бетонными стенами, выкрашенными в голубой цвет. Через три зарешеченные окна были немного видны пропыленные тюремные здания из красного кирпича. Камера делилась пополам перегородкой, выступавшей от стены футов на восемь. По одну сторону были установлены открытый унитаз, раковина и душевая кабина, а по другую — железная койка, стол

с радиоприемником, телевизор, два стула, маленький деревянный шкафчик и тренажер, прикрепленный к радиатору.

В этой одиночной камере Валачи было суждено провести остаток жизни [6]. Когда об этом узнал один мой знакомый работник отдела по борьбе с организованной преступностью, он просто в отчаянии врезал кулаком по стене. «Вот как надо разрабатывать информаторов, — сказал он. — Можно себе представить, как я теперь предложу кому-нибудь сотрудничать, да еще с гарантией, что мы обо всем позаботимся».

При крайне маловероятном стечении обстоятельств Валачи мог бы получить право на досрочное условное освобождение только в 1980 году, когда ему стукнуло бы 76 лет. Его карманные расходы были установлены в размере 15 долларов в месяц. Из-за полной изоляции от окружающего мира он не мог, подобно прочим заключенным, зарабатывать в тюремных мастерских, поэтому попал в полную зависимость от различных людей, которые вступили с ним в переписку после его «бегства» из «Козы ностры». В основном это женщины, преклоняющиеся перед его «мужеством» и решением «покончить с прошлым». Беспокоить Валачи могла только еще одна финансовая проблема — нищенские похороны.

Единственным, что объединяло миланскую тюрьму с вашингтонской, были сверхстрогие меры безопасности, призванные сохранить ему жизнь. Почти бесконечная вереница запертых дверей отделяла его не только от внешнего мира, но и от остальных заключенных. Его пища не готовилась специально, а выбиралась наугад в общей столовой. Помимо стандартных стальных прутьев, окна в камере были закрыты тяжелой металлической сеткой. Жизни Валачи существовала еще одна угроза, о которой раньше никто и не думал — он сам. И вот рано утром 11 апреля 1966 года он вырвал электропровод из своего радиоприемника, потом пошел в кабинку якобы принимать душ, привязал провод к распылителю и попытался повеситься.

От смерти его спасла чистая случайность. Плохо обработанный металлический диск распылителя оказался достаточно острым, чтобы надрезать провод под весом тела самоубийцы. Потом охранник начал удивляться, почему это душ включен так долго. Буквально ворвавшись в камеру, он обнаружил самого знаменитого в стране заключенного распростертым на полу без сознания.

До этого происшествия мне было запрещено посещать Валачи в миланской тюрьме, однако теперь власти сделали исключение, надеясь, что мне удастся отговорить его от последующих попыток свести счеты с жизнью. Когда я увидел Валачи, глубокий рубец

красного цвета вокруг почти всей шеи еще не сошел. Вывихнутая после падения нога распухла, а оба колена и левое плечо были иссиня-черного цвета от ударов об стенки и пол кабинки.

Почему же такой ценный узник, охраняемый день и ночь от посягательств на его жизнь, решил наложить на себя руки? Причина была столь же неприятна, как и рубец на его шее. Всю свою взрослую жизнь Валачи прожил в убеждении о непобедимости «Коза ностры». Однако он открыто бросил ей вызов, а предстоявшая публикация его воспоминаний стала главным доказательством того, что он был не совсем прав, что в стране есть силы, на которые ее власть не распространяется. И вот, как оказалось, он снова ошибся. 6 апреля, через две недели после перевода из Вашингтона в Милан, ему объявили, что затея с книгой отменяется. Кроме того, его лишили любимой плитки. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство стало для него символом конца его благоденствия. Через пять дней он попытался покончить с жизнью.

Во время следующего визита, который стал и последним, я застал совершенно сбитого с толку человека. «Никак не пойму, — говорил он. — Вроде делал все правильно, а теперь оказалось, что все не так».

Способность Валачи полностью восстановить в памяти события давних лет неоспорима. За исключением некоторых деталей, показания на допросах полностью проверялись информацией ФБР. Я могу это подтвердить, потому что лично читал отчеты о допросах в вестчестерской тюрьме и в Форт-Монмуте в том виде, в котором они поступали в Вашингтон для приобщения к делу. В вопросах, не связанных с преступностью, Валачи тоже был предельно точен. Он отлично помнил имена полицейских, арестовывавших его в 20-е годы, заголовки в газетах начала 30-х и ставки на скачках в 40-е годы.

В попытках поймать Валачи на неточностях я был жестоко наказан. Во время одной из бесед Валачи коротко обрисовал картину борьбы между вестчестерскими шайками за музыкальные автоматы. Все сложилось таким образом, что некий Лихтман, друг детства Валачи, который не был членом «Коза ностры», потерпел в этой борьбе поражение и был вынужден отступить. Однако ради старой дружбы Валачи решил попробовать ему помочь, но как оказалось, безуспешно. Поскольку этот эпизод показался мне не особенно интересным, я уже был готов сменить тему, когда Валачи загадочно бросил, что его друг Лихтман «все про него рассказал» сенатору Маклеллану.

Весь вечер я провел за изучением материалов слушаний подкомитета Маклеллана по делу Валачи, но не смог найти ни

единого упоминания об этом Лихтмане. Я был уверен, что наконец-то поймал Валачи на вранье, хотя и ничего не значащем. Однако через несколько дней я вспомнил, что ранее Маклеллан возглавлял еще один подкомитет, который занимался расследованием взаимодействия между профсоюзами и преступным миром. И вот в документах этого расследования, к моему несказанному удивлению, среди буквально сотен тысяч имен, фигурировавших в различных показаниях, нашлось и имя Чарльза Лихтмана. Допрашивал его не кто иной, как Роберт Кеннеди, бывший в то время главным советником подкомитета, и произошло это событие 4 декабря 1958 года, задолго до того, как стало известно истинное лицо Валачи. Ниже приводится частичное изложение состоявшегося тогда допроса:

КЕННЕДИ: Значит, вы решили вернуть в свои руки контроль над профсоюзом операторов музыкальных автоматов. Вы снова пошли туда?

ЛИХТМАН: Я ходил туда несколько раз, но оказалось, что мистер Гетлан там прочно обосновался, потому что привлек на свою сторону гангстеров.

КЕННЕДИ: Вы поговорили с человеком по имени Валачи?

ЛИХТМАН: Да, сэр.

КЕННЕДИ: Кто такой Валачи?

ЛИХТМАН: Я знал Валачи по Гарлему. Он считал, что сможет помочь мне поправить дела.

КЕННЕДИ: Он имеет общие интересы с Энтони Строллo (он же Тони Бендер) и с Винсентом Мауро. В 1956 году по обвинению в нарушении федерального законодательства о наркотиках он был осужден сроком на пять лет. На его счету 17 арестов и пять судимостей. И он сказал, что поможет вам поправить дела?

ЛИХТМАН: Да, сэр.

КЕННЕДИ: Что произошло после этого?

ЛИХТМАН: Он велел мне идти в бар на углу 180-й улицы и Южного бульвара. Я пошел в этот бар.

КЕННЕДИ: Кого вы встретили в баре?

ЛИХТМАН: Ну, там я встретил Гетлана и этого Блэки. Потом пришел мистер Валачи, и они вместе пошли в заднюю комнату поговорить.

КЕННЕДИ: Кто был в задней комнате?

ЛИХТМАН: Я не знаю, кто еще там был.

КЕННЕДИ: Вы знали, что там был Голубоглазый Джимми Ало?

ЛИХТМАН: Сам я его не видел. Я видел только Томми Мило.

КЕННЕДИ: Хорошо известный в Нью-Йорке гангстер?

ЛИХТМАН: Можно и так сказать.

КЕННЕДИ: Они совещались о том, кому контролировать профсоюз операторов музыкальных автоматов в Вестчестере?

ЛИХТМАН: Да.

КЕННЕДИ: И что они решил?

ЛИХТМАН: Из того, что они мне сказали и что мне сказал потом Валачи, я понял, что мой партнер Джимми Каджиано принял от них 500 долларов взамен моей доли, поэтому мне больше ничего не причиталось. Если у тебя нет связей с рэкетом, то ты никто. Выбросят на улицу.

КЕННЕДИ: У вас был мистер Валачи, который выглядит вполне достойной опорой…

Спустя 5 лет Кеннеди, уже занимавший пост генерального прокурора, говорил о Валачи: «Впервые в истории владеющий информацией член гангстерской организации нарушил кодекс молчания, принятый в преступном мире. Однако откровения Валачи гораздо более важны по другой причине. При составлении картинки-загадки каждый ее элемент позволяет вам получить частицу информации обо всей картинке и установить дополнительные связи между ними. Аналогичная ситуация и в деле борьбы с организованной преступностью. Предоставленные Валачи сведения добавляют важные детали и делают общую картину гораздо яснее. И картина эта отвратительна. На ней проступает, как было тонко подмечено, правящая структура организованной преступности, которая имеет миллиардные доходы и зиждется на человеческом страдании и моральном разложении».

Сведения, предоставленные Валачи, носили прежде всего разведывательный характер, хотя его свидетельские показания в суде в апреле 1968 года сыграли решающую роль в осуждении Кармине Персико-младшего [7], быстро продвигавшегося вверх бруклинского гангстера. К тому времени, когда Валачи был склонен к сотрудничеству, срок давности истек практически по всем раскрытым им в ходе бесед преступлениям, за исключением убийств. А по законам штата Нью-Йорк, где были совершены убийства с его участием, в отсутствие физических улик необходимо присутствие дополнительного свидетеля. Так вот, по двум делам об убийстве, которые выглядели наиболее перспективными в плане передачи в суд, названный им соучастник таинственным образом исчез и, как представляется, был убит после того, как стало известно, что Валачи «раскололся».

Насколько же важен был Валачи? Вильям Хандли, осуществлявший в Министерстве юстиции оперативный контроль над борьбой с организованной преступностью до, во время и

после того, как Валачи начал говорить, высказался следующим образом: «То, что он сделал, не измерить никакой меркой. До появления Валачи у нас не было ни единого свидетельства тому, что подобное явление вообще существует. До того мы просто слышали от кого-нибудь, что мистер Х. является человеком синдиката. Вот практически и все. Если говорить честно, я всегда думал, что все это трепотня. Однако Валачи дал имена. Он дал структуру и методы ее работы. Одним словом, он показал нам лицо врага.»

Валачи обладал всем необходимым для того, чтобы нарисованная им картина была достаточно полной. В полувоенной структуре «Коза ностры» он занимал должность старшего сержанта, действовавшего на передовой, и вряд ли можно сейчас найти многих активных «бойцов мафии», способных похвастаться 33-летним стажем преступной деятельности. Кроме того, его служба делу мафии по времени совпала с рождением и становлением «Коза ностры» в ее современном обличии. Как говорится, он был в самой гуще событий, он знает, где погребены все трупы.

Глава 3

Итальянцев нельзя винить ни в том, что они изобрели преступность, ни в том, что они привезли ее в Соединенные Штаты Америки. Когда первая большая волна итальянской эмиграции хлынула в Америку в конце прошлого века, там уже имелся хорошо развитый преступный мир, находившийся в руках ирландцев и евреев, хотя в разное время его активными членами были почти все проживающие в стране этнические группы, включая представителей добропорядочных семей из числа первых переселенцев, например, братья Джеймс. Однако эта небольшая по численности группа итальянцев (в основном из Неаполя, Калабрии и Сицилии) привезла с собой и нечто здесь пока не виданное — традиционную клановость, презрение к законно избранной власти и блестящие организаторские способности, которые в конечном итоге позволили им встать во главе всего американского рэкета.

Первый весомый шаг в этом направлении был сделан в 90-е годы прошлого века, когда шайке сицилийцев удалось взять под свой контроль порт Ныо-Орлеана. Без отчислений в ее пользу грузы оставались в доках без малейшего движения. Вскоре был убит начальник городской полиции, который начал слишком энергично вмешиваться в их дела. Перед судом предстали 19 членов шайки, и, как казалось, возмездие не заставит себя долго ждать. Однако уже тогда прекрасно сработала хорошо известная в наше время схема. Нанятым по всей стране лучшим адвокатам удалось добиться оправдательного приговора шестнадцати обвиняемым, причем не последнюю роль сыграл при этом подкуп присяжных заседателей. Правда, на первый раз такая тактика оказалась не совсем надежной — после оглашения приговора разъяренная толпа линчевала одиннадцать из них, что чуть не привело к разрыву дипломатических отношений между Вашингтоном и Римом.

Однако в те дни столь дерзкое поведение преступного мира было явлением все же исключительным. Первые преступные группы итальянского происхождения в Америке (шайки вымогателей под общим названием «Черная рука») грабили преимущественно своих добропорядочных соотечественников, которые обосновались в Америке и зарабатывали на жизнь тяжелым трудом. Название этой преступной организации происходит от ее обыкновения рисовать черную руку вместо подписи в письмах, требовавших денег от определенной жертвы и обычно угрожавших смертью или увечьем ее детям, если выплаты

не последует. Прекрасно помнившие о сицилийской «мафии» и неаполитанской «каморре» родители не заставляли бандитов долго ждать и платили. В Нью-Йорке «Черная рука» превратилась в столь серьезную проблему, что в городе было создано специальное полицейское подразделение во главе с лейтенантом Джозефом Петросино для охоты за шайкой. Разъяренный до нельзя самой мыслью о том, что горстка негодяев чернит честное имя всех итальянцев, он явно перестарался: находясь в 1909 году на Сицилии для обмена информацией с местными властями, он был убит выстрелом в спину.

В год кончины Петросино Валачи было пять лет от роду. Он родился 22 сентября 1904 года в восточной части Гарлема в Манхэттэне, где до сих пор можно обнаружить остатки некогда многочисленной итальянской колонии. Родители Валачи приехали в Америку из Неаполя. У них было 17 детей, выжило из которых только шесть. Валачи был в семье вторым ребенком. Его отец-алкоголик был сначала торговцем овощами, но затем был вынужден стать рабочим на свалке. Вот как вспоминает Валачи о своем детстве:

Мою мать звали Мария Казале. Это была полная женщина ростом 5 футов 7 дюймов, однако с годами она похудела до 120 фунтов. Имя моего отца — Доминик. Ростом он был примерно с меня и весил 160 фунтов. Одевался он всегда очень неопрятно и носил большие усы. Мой брат Джонни был бродягой, и я ничего не мог с ним поделать. Его нашли мертвым на улице, и полиция потом говорила, что это был автомобильный наезд. Я слышал, что они забирали его к себе для допроса и слегка перестарались. Все мои три сестры вышли замуж, и я говорить о них не буду. Старший брат Энтони, говорят, до сих пор в психушке.

Мой отец работал, как вол, но при этом пил сверх меры, поэтому мать постоянно ходила с синяком под глазом. В те дни в Восточном Гарлеме было круто — стреляли почти все время. Помню, отец платил за «охрану» доллар в неделю, чтобы его тележку не разбили.

Торговля овощами давала отцу неплохой доход, но, как я уже говорил, он все пропивал. Маленьким мальчиком я помогал ему торговать. Однажды я катил тележку, у которой было только два колеса спереди, и поскользнулся. Короче говоря, я высыпал все помидоры на дорогу, и отец избил меня как собаку. Позднее, когда он пошел работать на свалку на перекрестке 107-й улицы и Ист-ривер, я тоже ему помогал.

Семьи бедней нашей нельзя было найти. По крайней мере, так мне казалось. Мы часто меняли квартиры, но всегда жили в районе 108-й улицы. Один раз мы снимали квартиру в доме

номер 312 по 108-й улице. Могу описать ее: три комнаты, горячей воды и ванны нет. Туалет — в холле. Единственный источник тепла — плита на кухне. Со свалки мы приносили домой дрова и остатки угля и прятали их в комнате, где я спал с братьями. Зимой вся комната была завалена до потолка. Господи, какая там была грязь! Простыни мать сшивала сама из мешков из-под цемента, так что можете себе представить, какие они были мягкие.

О девушках я и подумать не мог. Боялся, что они попросятся в гости. Если бы хоть одна пришла в наш дом, думаю, я бы умер — от позора, конечно. Мне нравилась одна девушка из дома напротив. Она жила на последнем этаже, а мы — на первом. Когда горел свет, ей было видно, что происходит в нашей квартире. Когда она говорила мне, что видела меня поздно вечером в окне, у меня подкашивались ноги, потому что я чувствовал себя виновным за то, как у нас грязно. Часто посреди ночи я уходил из своей комнаты и прокрадывался на конюшню, где было полно фургонов. Почему мне хотелось спать в фургоне, а не дома? По правде говоря, хотелось избавиться от клопов.

Я всеми силами стремился к чистоте, но со всем этим углем, хранившимся в доме, это было нелегко. На углу 109-й улицы и Второй авеню были бани. Ходьбы до них было полтора квартала. Но времени помыться там давали столько, только чтобы раздеться и снова одеться. Поверьте, это не много.

Меня отправили учиться в школу, но, если честно, ходил я туда редко. Однажды меня поймал на улице учитель, но я получил только предупреждение. Когда мне было одиннадцать, я засветил учительнице в глаз камнем. Сделал я это не нарочно, хотел просто попугать. Как бы то ни было, меня отправили в католическую исправительную школу Нью-Йорка, куда суд упекал таких вроде меня или сирот. Находилась она в Бронксе, и порядки там были суровые. Что касается монахов, некоторые были нормальные ребята, но были и порядочные сволочи. Не поверите, что они проделывали с малолетками. Мне просто не хочется об этом говорить.

Самым жестоким был брат Эйбл. Он был главным в портняжной мастерской и бил нас как собак своим деревянным метром. Причем совсем не обязательно было быть виновным в чем-нибудь. От него просто надо было держаться подальше, если не хочешь напроситься на мордобой. И вот однажды брат Эйбл умер. Его тело выставили в церкви. Никогда не забуду этого. Все воспитанники школы были построены перед гробом, чтобы почтить его память. Было нас, по-моему, человек триста. Я был в конце очереди, и когда подошла моя очередь, я чуть не потерял

сознание. Вся грудь брата Эйбла была покрыта слюной. Ну что мне было делать? Я тоже плюнул.

Я вышел из исправительной школы в возрасте 14 лет и некоторое время еще ходил в обычную. Когда мне стукнуло пятнадцать, я выправил разрешение на работу и стал помогать отцу на свалке. В конце недели отец забирал и мою получку, и тогда вечером дома была драка. Меня это никак не устраивало, поэтому с парой соседских ребят я начал поворовывать, чтобы иметь собственные деньги.

К 18 годам из мелкого воришки Валачи уже превратился в полноправного члена банды грабителей-взломщиков, базировавшейся на 107-й улице и получившей название «минитмены» из-за стремительности их налетов. Валачи с ранних лет проявлял огромный интерес к автомобилям, поэтому в банде ему главным образом отводилась роль водителя. За период 1919-23 гг. банде удалось совершить буквально сотни ограблений. Методы были достаточно просты. Окна магазинов обычно разбивались мусорным ящиком, потом вся добыча (как правило, меха или драгоценности) сбывалась скупщику краденого. Поскольку в то время было еще крайне мало радиофицированных полицейских автомобилей, у взломщиков всегда оставалось несколько минут, пока полицейские из ближайшего участка прибудут на место преступления. Некоторые владельцы магазинов возлагали надежды на систему сигнализации фирмы «Холмс электрик протектив компани», но и она не давала блюстителям закона существенного выигрыша во времени. В деле Валачи указывается, что в течение этого периода времени он задерживался целых пять раз по подозрению во взломе или краже, однако в тюрьму он попал впервые только весной 1923 года:

В преступном мире «минитмены» были у всех на языке, и я совсем не преувеличиваю. Мы были настоящими ковбоями, лихими ребятами, и когда мы встречались с другими шайками в разных городских кабаре, все спрашивали, кто у нас за рулем. Ребята показывали на меня, а другие наливали мне выпить и говорили: «Удачи тебе, парень». Мне это здорово нравилось, ведь годков-то мне было всего девятнадцать. Так было и когда мы пошли в заведение Сэди Чинк на Манхэттэн-авеню. У нее всегда было наготове пять-шесть девочек, и от легавых она всегда откупалась, так что было у нее всегда тихо. И вот одна девица говорит: «Уууух, я про тебя слыхала». Тут у меня совсем крыша поехала. Брали в заведении пять долларов, но мы всегда платили по десять. На других девиц я даже не смотрел, потому что такая перелетная жизнь вполне меня устраивала. На любовь и семью

времени совсем не было.

Должен объяснить, что нас прозвали «минитмены», потому что в течение минуты или около того нам всегда удавалось смыться. Больше времени даже и не нужно было. Даже если магазин и был оснащен сигнализацией «Холмс протектив», раньше чем через пять-семь минут к магазину все равно никто прибыть не мог. Я точно знаю, потому что проверял: бросил камень в витрину магазина на 125-й улице и засек время. Проблемы могли возникнуть только в том случае, если легавые были уже где-нибудь поблизости.

Так и случилось, когда брали магазин на углу Тремонт-авеню и 177-й улицы в Бронксе. Там было полно шелка. Мы пасли его пару недель, и все казалось в норме. Сигнализации там и в помине не было. Я поставил наш «паккард» перед магазином со стороны Тремонт-авеню. Не помню точно, чем били витрину, вроде молочной канистрой. Один парень забрался внутрь и стал передавать нам рулоны шелка. Двое сносили их в машину. Четвертый стоял на стреме на углу, чтобы просматривать 177-ю улицу. Вдруг этот малый с угла бежит ко мне и говорит, что по боковой улице едет автомобиль. Слушаю, а сам вижу, что по Тремонт-авеню к нам медленно приближается еще одна машина. Тут я жму на клаксон, чтобы ребята убрались из магазина. Только все собрались в «паккарде», прямо на нас сзади идет еще один автомобиль. Вот черт, думаю, кто-то нас сдал легавым. И тут чувствую, что к голове приставили пистолет. Это был легавый. Позже я узнал, что это был капитан Стеттер, который давно нас ловил. Он и говорит: «Не прошло и трех лет, как я вас застукал».

Двигатель у меня, конечно, работал, и вот тут-то и надо было показать все, чему я научился. Когда капитан Стеттер велел отключить двигатель, я говорю: «О'кей» и притворяюсь, как будто вылезаю из машины. А в это время я выкрутил руль, чтобы сразу выскочить с обочины на дорогу. Неожиданно для всех я нырнул под приборный щиток и нажал правой рукой на газ, держа руль при этом левой рукой. Вы понимаете, конечно, что проделано это было за пару секунд. Я надавил на педаль что было сил, и машина тронулась. Легавые сразу подняли пальбу, а наши все пригнулись. Ветровое стекло вышибли полностью. Ни обломочка не осталось.

Когда я поднял глаза, то увидел, что мы в самой середине Тремонт-авеню. Была только одна мысль — поскорее смыться. Полиция начала тогда получать новые «кадиллаки», и один из них мчался за нами, отставая квартала на два. А что, вы думаете, случилось потом? Перед самым перекрестком посреди улицы останавливается троллейбус. Не знаю, что делать. Если он снова

пойдет вперед — нам хана, потому что скорость у меня большая и повернуть вправо я не успею. Если он будет стоять на месте, я смогу сделать левый поворот. Но для этого нужно переехать через тротуар и прыгнуть через обочину. Троллейбус остался на месте, а больше мне ничего не нужно было, так что все вышло как надо.

Делаю 80 миль в час, а по тем временам это бешеная скорость. Легавые далеко отстали, потому что им пришлось притормозить, увидев троллейбус. В первый раз замечаю, что по запястью у меня стекает струйка крови. Я понял, что меня ранили в руку, но останавливаться было нельзя. Я свернул на Грэнд-конкурс и помчался снова по направлению к Гарлему. По этой улице тогда стояли полицейские будки, так что только они нас увидели, сразу стали палить из всех стволов. Не забывайте, что машина у нас была с брезентовым верхом, так что на скорости он весь задрался и висел на задней раме. Около моста на въезде в Манхэттэн я снова разогнался как надо, и легавые снова отстали. С рукой я провалялся всего несколько дней, потому что пуля прошла навылет, не задев кость. Но легавые нашли машину, хоть мы и сбили номер. До сих пор помню: 719864. Тут меня и повязали [8].

Примерно шесть недель меня продержали в окружной тюрьме Бронкса. Потом я предстал перед судом и признал себя виновным по обвинению в попытке взлома. При объявлении приговора присутствовал владелец магазина. Когда вызвали меня и огласили обвинение, он вскочил и начал орать на судью, что хочет знать, что это за «попытка взлома», если у него пропало шелку на 10 000 долларов. В его словах была доля истины. Но, вы знаете, я тогда уже начал изучать закон, и, поверьте, учить там надо было немало. Если признаешь себя виновным, то можно делать это по не самому серьезному обвинению. Но владелец магазина на это не пошел. Он сказал, что так не честно, что где, мол, его шелк. Мой адвокат Дэйв Голдстайн велел мне отвечать.

Я и говорю: «Выбросил на пустой стоянке».

Дело послали на доследование, а пока решали, следует ли мне отказаться от признания себя виновным и назначать ли новый суд. Было решено вынести мне приговор, исходя из результатов уже прошедшего заседания. Поскольку мне не было 21 года, судья мог бы приговорить меня к 18 месяцам в исправительном заведении «Эльмира». Но адвокат посоветовал мне при оглашении приговора выйти к судье наглой походкой, чтобы он подумал, что я крутой парень, и отправил меня в тюрьму Синг-Синг, где мне придется отбывать всего девять месяцев.

Такая была система. В исправительном заведении за хорошее

поведение мне бы ничего не скостили, а в тюрьме мне бы пришлось сидеть от одного года и трех месяцев до двух с половиной лет. При условии хорошего поведения я имел право на условное досрочное освобождение после 11 месяцев и 20 дней заключения. При этом в зачет шел и отбытый срок в окружной тюрьме Бронкса, так что если вести себя аккуратно, я мог бы выйти оттуда даже раньше, чем через девять месяцев.

Выслушав все это, я, конечно, предстал перед судьей самым настоящим блатнягой и сразу увидел, что судье это не понравилось. Как сейчас помню его слова: «Хочешь меня подурачить своим крутым видом? Вот что я тебе скажу. Я тебя отправлю туда, куда ты напрашиваешься. Знаешь, почему? Потому что чем скорее ты выйдешь, тем скорее снова туда попадешь».

Но мне было совершенно наплевать, что он там говорил.

Через несколько дней Валачи доставили в тюрьму Синг-Синг. Поначалу план спасения от более длительного заключения показался ему ужасной ошибкой. Его поместили в крошечную холодную камеру, где единственным удобством была параша. Правда, к своему облегчению он узнал, что сидеть ему в ней всего 10 дней, пока он не пройдет карантин. А на деле оказалось, что он почувствовал себя как дома даже до истечения этого десятидневного карантина. После благотворительного показа в тюрьме бродвейского мюзикла «На плантации» он «так повеселился, что даже не мог представить себе, что сидит в тюрьме».

Затем его включили в рабочую бригаду, занятую на строительстве нового тюремного блока. Обрадованный возможностью выбраться из своей темницы, Валачи даже не заметил, как пролетел срок его заключения. А потом дела пошли совсем хорошо. Освободившись условно через девять месяцев, он вернулся в Нью-Йорк и через несколько дней уже снова занялся грабежом магазинов, как в прежние времена.

Во время его отсутствия произошли некоторые изменения. Его старая банда теперь околачивалась в районе 116-й улицы, где «было по-настоящему весело». Валачи был просто опьянен новой жизнью, особенно ночными развлечениями в ресторане «Венеция»:

Там собирались ребята со всего города. Кроме нас, итальянцев, туда ходили братья Даймонд — Нога и его брат Эдди. Были и другие еврейские парни, и ирландцы из Йорквилла. Заходили Лепке, Гурра и даже Малыш Ауджи из Ист-сайда [9]. Но бугром на 116-й улице был Чиро Терранова, Король Артишоков, получивший свое прозвище из-за того, что ему удалось взять под

свой контроль торговлю артишоками во всем городе. Как я себе это понимаю, он скупал все поступающие в Нью-Йорк артишоки. Не знаю, откуда их привозили, скупал он все до единого. А артишоки ведь долго не портятся. Потом Чиро назначал свою цену, а итальянцы, как вам известно, без артишоков обойтись не могут.

К ужасу Валачи, новая шайка на 116-й улице во время его отсутствия обзавелась другим водителем, так что его место было занято. Он сколотил собственную небольшую шайку и совершил с ней несколько мелких краж, а на добытые деньги купил под чужим именем «паккард» выпуска 1921 года. Машина помогла Валачи переключиться на более прибыльные и технически сложные операции, заключавшиеся во взломе дверей в торговые помещения при помощи самодельных инструментов, чтобы не рисковать больше битьем витрин.

Успехи на этом новом поприще чуть было не обернулись для Валачи полным крахом. Взламывая дверь в набитый мехами склад в Бронксе, он сломал фомку. Другой член шайки предложил вернуться в Восточный Гарлем за новой. «Конечно, — сказал Валачи. — Почему бы и нет? Все в машину». Только они собрались отъехать, их заметил патрульный полицейский и открыл огонь. Пуля вошла Валачи в самое основание черепа. «Я слышал только один выстрел, — рассказывает он сам. — Потом слышу, кто-то кричит: «Он убит! Что с ним делать?» Потом Валачи потерял сознание. Товарищи выкинули его тело на 114-й улице вблизи Ист-ривер, шесть раз выстрелили в воздух в надежде, что полиция сочтет труп результатом разборки, не имеющий к попытке ограбления никакого отношения. Когда через час они снова проехали мимо того места, Валачи так и лежал на мостовой. В конце концов они заметили, что он еще дышит и отвезли его к знакомому доктору, готовому помочь в решении подобных проблем. В качестве обезболивающего при удалении пули служила бутылка виски. Валачи помнит, как он пришел в себя и ему предложили выпить, но его звездный час наступил тогда, когда сквозь пелену боли он услышал слова доктора: «Этот парень не умрет. Здоров как бык». «Меня спасло то, — вспоминает Валачи, — что в Синг-Синг мне пришлось здорово поработать с кувалдой. Я был просто в отличной форме».

Однако эта почти смертельная рана стала лишь первым эпизодом в полосе его злоключений. Вскоре после того, как Валачи прочно встал на путь грабежа, на его пути встретился человек, который впоследствии оказал огромное влияние на его судьбу — Доминик Петрилли (Редкозубый). Редкозубый предложил вместе взять одно складское помещение в Манхэттэне,

забитое до краев шелком и не оснащенное сигнализацией. Валачи сразу согласился, но его «паккард» был недостаточно вместителен для добычи. Поэтому пришлось подключить еще одного типа, Джозефа Гальяно (Слепого Пипа), у которого тоже был автомобиль. Кроме того, в шайку вошли еще двое. Все шло как по маслу, большую часть шелка уже перегрузили в машины, когда они заметили в углу сжавшегося в комок человека прямо рядом с телефонным аппаратом. Это оказался ночной сторож. Разъяренные столь неожиданным открытием, двое из шайки набросились на него с железными трубами. Увертываясь от ударов, сторож крикнул им, что он успел вызвать полицию. А когда они выбежали на улицу, Валачи обнаружил, что его «паккард» не заводится. «Тогда в другую», — сказал Валачи, прыгнув в «линкольн» Слепого Пипа, на котором им всем едва удалось уйти от погони. На следующий день один из членов шайки пришел к Валачи домой и попросил у него ключи, чтобы забрать «паккард», потому что терять его, мол, глупо. Не подумав, Валачи согласился выполнить его просьбу. «Нельзя забывать, что я только начал поправляться после ранения в голову, — рассказывает Валачи. — Соображал я тогда плохо». Хуже того, тот самый приятель взял младшую сестру Валачи покататься на машине. Полиция, конечно, взяла «паккард» под наблюдение, проводила парочку до дому, и Валачи в мгновение ока оказался под арестом.

Валачи был выпущен под залог, но неприятности продолжали окружать его со всех сторон. Во время ночных развлечений в ресторане «Венеция» он близко сошелся с ирландскими гангстерами, и вот однажды, когда он возвращался домой от приятеля, жившего на другом конце города, его внезапно остановила группа разгневанных итальянских юнцов, с которыми вместе рос. «В чем дело, черт побери?» — потребовал ответа Валачи.

«Ты знаешь, что произошло на 116-й улице? — зло сказал Винсент Рао. — Эти ирландцы сегодня утром затеяли у нас здесь пальбу, а за рулем был ты».

В конце концов Валачи удалось убедить Рао, что его поблизости в это время не было и не могло быть. Тогда Рао объяснил, что тем утром по их улице на большой скорости промчался автомобиль, из которого кто-то открыл бешеную стрельбу. Как оказалось, в машине сидели ирландские друзья Валачи, которых опознали оказавшиеся в это время на улице жители квартала. Извиняясь за свою ошибку, Рао отвел Валачи в сторону и сказал: «Как бы то ни было, эти ирландцы тебя любят. Я хочу, чтобы ты их подставил. Сделаешь?»

— Подумаю, — сказал Валачи.

С характерной для него осторожностью на следующий день он решил поговорить с одним из своих ирландских приятелей, которого он знал как Майка, и выяснить, нет ли в этой истории и другой правды. Не успев задать Майку первый вопрос, он увидел перед собой дуло пистолета и услышал приказ идти вперед, чтобы встретиться с остальными ребятами.

Попав под точно такое же подозрение, Валачи узнал от ирландцев, что стрельбу начали не они. «О'кей, — сказал он, — для меня этого достаточно. Вам нет выгоды врать. Я хочу работать с вами, ребята. Мне нравится ваш стиль. Вы — ребята отчаянные».

— Даже не знаю, — ответил один из ирландцев. — Ты ведь вырос с теми ребятами.

— Ты прав, — ответил Валачи. — Но я вас не заложу. Не заложу из-за своих принципов. Меня подговаривали вас подставить, но вы ведь мне ничего не сделали. Зачем же я буду вас подставлять?

Тем же вечером, доказав, что он может быть не только осторожен, но и строптив, Валачи позвонил Рао: «После этого, когда вы меня встретите, можете в меня палить, потому что иначе палить буду я сам.»

— В чем дело? — спросил Рао.

— Как это, в чем дело? Во-первых, у меня и без вас хлопот полон рот. Я выпущен под залог, и ты это прекрасно знаешь. И вот все, кому не лень, захотели меня пристрелить. И начал все ты, заставляя меня поступить как последняя сука. Почему ты хочешь, чтобы я подставлял этих парней? Мне это не нравится. Так что, берегись!»

— Господи, боже мой, — сказал Рао. — Мне надо с тобой поговорить.

— Пошел на…! — заорал Валачи и повесил трубку.

На деле ирландская шайка оказалась вполне интернациональной — кроме еще двух евреев, в нее входили и два итальянца. На протяжении примерно трех месяцев они время от времени затевали перестрелки с бандой со 116-й улицы. Пострадали при этом, правда, только двое неповинных прохожих, попавших под шальные пули. «Бедняги», — отзывался о них Валачи. Со временем Валачи начал горько сожалеть, что связался с такими «отчаянными» ребятами, которые так ему глянулись из-за своей дерзости. Они специализировались не на привычном ему взломе, а на вооруженном грабеже где попало — от станции метро до инкассаторов. «Выдержка у них была хоть куда, — вспоминает Валачи, — но здравого смысла — ни на цент. Я

понял, что с ними долго не протянешь». Он пытался убедить их переключиться на складские помещения и магазины и работать только по ночам. И наконец они согласились под его руководством отправиться в магазин готовой одежды. Взломав замок, Валачи взял внутрь большую часть банды, поставив двух оставшихся на стреме. Однако когда он вышел оттуда с охапкой костюмов, то увидел, что его часовые поставили лицом к стене с полдюжины прохожих и чистят их бумажники. Валачи немедленно прекратил всю операцию и срочно увел шайку. «Боже, — сказал он постовым, — что вы делаете с этими людьми? Так не играют. Это уже не грабеж со взломом, а вооруженное ограбление. Они ведь могут нас опознать».

— Знаешь, — услышал он в ответ, — нам такая работа не нравится.

Поняв, что ему их не переделать, Валачи стал подумывать о том, как ему от них отстать. Его последние сомнения исчезли после того, как во время ограбления один из членов шайки был ранен. «Когда мы привезли его к доктору, — вспоминает он, — он был уже плох. Как я понял, его ранили в легкое. Ему еще повезло, что дело было зимой. Было так холодно, что кровь застыла у него в жилах. Если бы не застыла, он бы истек кровью».

Все трудности Валачи были решены после того, как под патронажем Короля Артишоков — Чиро Терранова — между ирландцами и его бывшими сотоварищами со 116-й улицы был заключен мир. Само собой, в результате Валачи «соскочил с крюка», но через несколько дней он предстал перед судом по делу об ограблении, в котором полиция выследила его машину. Он был осужден и отправлен назад в тюрьму Синг-Синг отбывать не только новый срок, но и остаток прежнего — всего три года и восемь месяцев.

Прибытие Валачи в тюрьму стало чем-то вроде воссоединения со старыми товарищами после долгой разлуки. «Это был мой второй срок, — рассказывает Валачи. — Я был знаком с большинством заключенных, и прежде всего они хотели знать, на сколько я загремел. Вы должны понять, что все мои друзья в Синг-Синг были итальянцами, поэтому я очень удивился, что они рады меня видеть и не держат на меня зла из-за ирландцев». Но, как оказалось, эта идиллия была недолгой.

Сижу я в тюрьме Синг-Синг, все, вроде, в порядке, и тут читаю в газете, что шлепнули Фрэнка ла Плюма, итальянца, который был в ирландской шайке. Его пристрелили с утра пораньше, когда он спокойно сидел на крылечке. Как я ни прикидывал, ничего не мог понять. Так что оставалось только удивляться. И тут привезли одного из наших ребят, Голландца

Хоги, которого засадили на двадцать лет. Он ранил полицейского, и его самого ранили — так оно всегда и бывает, если лезть везде со стволами. Я пошел навестить его в тюремную больницу и поговорить о былых временах. Я говорю: «Надо было тебе меня слушать. Пит Хесслер уже в отделении смертников».

«Знаю, — говорит он, — ты прав, Джо». И тут Голландец говорит мне такое, что я даже поверить не могу. «Они тебя продали, — рассказывает он. — Заключили мир на том условии, что ты и Фрэнк должны умереть. Все устроил Чиро Терранова». Голландец велел мне быть начеку. Если уж они кокнули одного, говорит, то и второго должны, то есть меня. Но я думал, что в тюрьме буду в безопасности.

Сразу после этого мою я пол в спальном помещении с Куколкой. Его настоящее имя Кармине Клементи, но звали его Куколкой, потому что был он очень симпатичный парень, голубоглазый со светло-каштановыми волосами. В те дни были две певицы — сестры Долли (Куколки), крупные такие девицы, и нас в тюрьме тоже так звали, потому что мы все время ходили вместе. Ну вот, Куколка на минутку отлучился, а еще один парень, который помогал нам мыть пол — звали его Анджело, — был в туалете.

Слышу, стучат в дверь, и заходит парнишка по имени Пит ля Темпа и говорит, что ему надо кое-что достать из-под кровати. Я даже и в голову это не взял. Этого ля Темпа я знал. Он попал в тюрьму после меня, но мы с ним особо не общались, но я его впустил, а сам продолжаю орудовать тряпкой.

И тут чувствую, что меня как бы кто-то ужалил — точнее это не могу описать — под левую руку. Оборачиваюсь и вижу этого ля Темпа с ножом в руке. Анджело уже вышел из туалета, стоит и глаза у него чуть ли не выкатились. Он пытался мне сказать, что меня порезали, но так заикался, что я ничего не мог разобрать. Я приложил руку туда, где он показывал, и почувствовал, что рука вроде уходит внутрь. Потом я увидел лужу крови. Я, конечно, пошел на ля Темпа, а он заорал, что я сильно порезан, думая, что я от него отстану и займусь своей раной. Но я не остановился, а шел и шел, а потом врезал ему пару раз по морде. Он был меньше меня, и я бы задавил его голыми руками, но тут колени у меня подкосились, и он убежал.

Может, через минуту пришел Куколка. Приди он пораньше, ля Темпа бы не уйти. Я лежу на полу, а кровища все течет. Меня спасло тогда то, что больница была этажом выше. Куколка отнес меня туда на руках. Он сказал: «Не волнуйся, я этого гада достану». В больнице меня все спрашивали: «Кто тебя порезал, Джо? Кто тебя порезал?»

Я сказал, что не знаю.

Когда меня кончили зашивать, у меня было 38 швов, начиная от области сердца и до середины спины. Рубец остался до сих пор.

Через несколько дней после этого происшествия ля Темпа, явно опасаясь мести Валачи, обратился к администрации тюрьмы с просьбой перевести его в другое исправительное учреждение, и просьба его была удовлетворена. До конца срока больше покушений на жизнь Валачи не было. В тюремной школе он наконец закончил седьмой класс, научился читать, и хоть и коряво, но писать.

Однако ничто в тюрьме не впечатлило Валачи больше, чем несколько бесед с ветераном преступного мира Аллессандро Воллеро, который был одним из первопроходцев итальянской мафии в Бруклине, а теперь отбывал пожизненное заключение за убийство. Особенно привлекало Валачи в нем то, что его жертвой был родной брат Чиро Терранова. От Воллеро Валачи получил некоторое представление о неистребимой ненависти, существовавшей в те годы в итальянском преступном мире между сицилийцами и неаполитанцами [10]. Воллеро сказал Валачи: «Есть одна вещь, о которой мы, неаполитанцы, не должны забывать. Если ты дружишь на протяжении двадцати лет с сицилийцем, и повздоришь с другим сицилийцем, твой друг-сицилиец повернется против тебя. Другими словами, верить им никогда нельзя. Перед выходом на свободу заходи поговорить, и я направлю тебя к одному неаполитанцу. Его зовут Капоне. Он вообще из Бруклина, но теперь живет в Чикаго».

От Воллеро Валачи также услышал намеки на существование некоего тайного преступного сообщества, которое однажды предстанет перед ним как «Коза ностра». Однако когда Валачи попробовал узнать подробности, Воллеро просто сказал: «Не спеши, парень. В свое время узнаешь все, что тебе полагается. Я не имею права тебе рассказывать».

Второй срок Валачи в тюрьме Синг-Синг истек 15 июня 1928 года. По его мнению, он провел там время совсем не даром. «Я вернулся домой, — говорил он, — грамотным человеком. В школе я особенно не напрягался, но по крайней мере мог слегка читать и даже понимал, что читаю. До того, как я во второй раз попал в Синг-Синг, я с трудом разбирал уличные вывески. Но самое главное, что я научился там жизни. Что это такое, можно объяснять целый день. Это всего навсего изучение человеческой натуры в другом мире, а Синг-Синг, поверьте мне, это и есть другой мир».

Немедленно после освобождения у Валачи снова возникли

проблемы. Вернуться к ирландцам он не мог, даже если бы захотел. Материализовались все его опасения по поводу их зверских методов работы: из семи членов шайки один повесился в тюрьме, другой просто исчез, третий попал на электрический стул за убийство полицейского, четвертый, Фрэнк Ла Плюма, был убит по приказу Терранова, а двое оставшихся поубивали друг друга в пьяной драке. В живых остались только сидевший в тюрьме Синг-Синг Голландец Хоги и сам Валачи.

Он мог бы отправиться в Чикаго, как ему предлагал Воллеро, и работать на Капоне, но ему не улыбалось покидать хорошо знакомый Восточный Гарлем. Однако в этом случае жизненно важным для него вопросом было утрясти все дела с Чиро Терранова, Винсентом Рао и остальными членами шайки со 116-й улицы. Определенные надежды на это у него были. Вскоре после покушения на его жизнь в Синг-Синг попал его друг Редкозубый, осужденный за грабеж, и Валачи обратился к нему за советом. «По-моему, тебе не стоит беспокоиться, — сказал Редкозубый. — Как ты знаешь, время лечит. Прикинься дурачком и какое-то время не высовывайся. Многие считают, что ты пострадал ни за что».

Помня об этом, Валачи вышел на Фрэнка Ливорси, шофера и телохранителя Терранова. Валачи передал ему слова Редкозубого и добавил: «Я только что вышел. Попробуй узнать, какой у меня расклад».

Через несколько дней Ливорси докладывал: «Не лезь в чужие дела, и тебя никто не тронет. На тебя никто зла не держит. Что было, то прошло».

Однако это было далеко не приглашение присоединиться к его бывшим дружкам со 116-й улицы, многие из которых занялись рэкетом [11]. «Иными словами, — отмечает Валачи, — они бросили воровство. Организовались в группы. Но меня к себе не брали, поэтому я точно не знал, чем они занимаются. Я был вынужден выбираться сам по себе. Ну, я и подумал, чему быть, того не миновать».

Оставленный на произвол судьбы Валачи вернулся к хорошо знакомому ему делу — грабежу и сколотил для этого шайку из шести итальянцев. Они работали две-три ночи в неделю, и их общий «навар» составлял примерно 1500 долларов в неделю. «После дележа оставалось немного, — говорит Валачи, — но мы оставались на плаву, а большего мне и не надо было».

В начале 1929 года из тюрьмы вернулся Редкозубый. «Редкозубый, — рассказывает Валачи, — был для меня вроде школьного учителя по предмету «уголовщина». Валачи в нем нравилось все — дорогие костюмы, внешний вид, «крутость»,

поэтому он и попросил Редкозубого помочь ему поправить дела. «Я знал, что Редкозубый в команде, — говорит Валачи. — Когда я спросил его, как мне тоже туда попасть, он велел подождать. Велел сидеть тихо и не пропадать, а со временем все, мол, образуется».

Вдохновленный обещанием Редкозубого вовлечь его в рэкет, Валачи продолжал свои налеты, а тем временем денежные затруднения усилились. Он снял отдельную квартиру рядом с родительской. Для родителей Валачи был единственным источником существования, потому что его старший брат, патологический одиночка, был к тому времени приговорен к пожизненному заключению за участие в четырех вооруженных грабежах.

Потом умер отец. Однажды среди бела дня он обнаружил его в своей квартире в подавленном состоянии и щедро выделил 10 долларов на вино. К тому времени, когда Редкозубый зашел за Валачи, чтобы вместе отправиться в город развлекаться, старик уже отключился на полу. Приятели, смеясь, переложили его на кровать и ушли. Вернувшись вечером домой, Валачи увидел отца лежащим в точно таком же положении, только вокруг рта застыла какая-то подозрительная пена. Перепугавшись до смерти, он сделал немыслимое — побежал к участковому полицейскому и попросил его вызвать скорую помощь. Но было поздно. Отец не смог выйти из алкогольной комы и скончался в возрасте 52 лет.

Появилась у Валачи и его первая любовница, официантка, которую он называл просто Мэй — «Какого черта, она ведь замужем». Она работала в дансинг-холле на 125-й улице под названием «Радужные сады». «Это была моя первая постоянная девушка, — говорит Валачи. — Она была еврейкой, но мне на это было наплевать. Она была прехорошенькая, да и подругой была что надо. Как сейчас помню, она носила двенадцатый размер, поэтому когда мы залезали в швейные мастерские, я всегда оставлял для нее несколько платьев.»

Совсем неожиданно они стали вести совместное хозяйство. Молодой Валачи гулял с Мэй месяца полтора, когда она вдруг сообщила ему, что подобрала для них квартирку в Бронксе и уже заказала мебель. Он предпринял слабую попытку уклониться, заявив, что не имеет постоянного дохода, однако Мэй на это по всем правилам возразила, что с работы она уходить не будет. «Ну, я и согласился, — вспоминает Валачи. — Я подумал, что если у нас не сладится, она всегда может вернуться к матери».

Близость с Мэй и смерть отца в совокупности помогли Валачи сгладить натянутые отношения с итальянскими гангстерами, которые образовались в результате сотрудничества с ирландцами.

Лучшей подругой Мэй была любовница Фрэнка Ливорси, поспособствовавшего Валачи утрясти конфликт после освобождения. А когда эти две парочки начали регулярно проводить вместе вечера на квартире в Бронксе, Ливорси даже повел разговор о том, чтобы полностью уладить отношения с Чиро Терранова. По поводу этой перспективы у Валачи был целый ряд сомнений, прежде всего потому что он ненавидел Чиро больше всех на свете.

Смерть отца также помогла Валачи восстановить дружбу со старыми приятелями. Некоторые из них пришли на похороны отдать дань уважения покойному, а после похорон уже многие начали его сердечно приветствовать на улице. И вот вскоре после этого произошла судьбоносная встреча.

Через какого-нибудь одного парня, как это бывает, всегда знакомишься еще с кем-нибудь. И вот Редкозубый представляет меня Бобби Дойлу. Его настоящее имя было Джироламо Сантуччи. Был он когда-то боксером и выступал под именем Бобби Дойл. В те времена многие боксеры-итальянцы выступали под ирландскими именами, наверное, потому что их легче произносить. То, что Бобби Дойл бывший боксер, было видно по его разбитому носу. Он был очень вежлив, говорил медленно, к делу подходил издалека. Один раз он меня спрашивает: «Как твои ребята, с которыми ты воруешь?» и все такое прочее. Потом спрашивает, могу ли я срочно собрать шесть-семь надежных парней. Я отвечаю: «Могу собрать дюжину». Потом он спрашивает, какие у меня отношения с Фрэнком, имея в виду Фрэнка Ливорси. Я отвечаю: «Самые наилучшие. Это ведь он помог мне утрясти дела, когда я вышел на свободу. Меня тогда никто не тронул. А что?»

«Да, ничего, — говорит он. — Просто хотел узнать». Но по тому, как он говорил, я понял, что он о Фрэнке не слишком высокого мнения.

Я, конечно, иду к Редкозубому и говорю, что расклад мне не нравится. А сам все время думаю о том, что мне рассказывал в тюрьме Алессандро Воллеро о сицилийцах и неаполитанцах, а Бобби Дойл — сицилиец. Но Редкозубый говорит: «Ты спятил. Теперь все по-другому. Вся эта вражда в прошлом!» Другими словами, он говорит, что все теперь заодно.

Вообще-то, Алессандро был по-своему прав, но я тогда этого не знал. В душе они по-прежнему враги, только не показывали этого. Они, как и раньше, «любили» друг друга, но в отличие от времен Воллеро скрывали. Я говорю Редкозубому: «Не знаю, куда я лезу. Похоже, только я встану на чью-нибудь сторону, как сразу становлюсь лишним. Помнишь ирландцев?» Редкозубый говорит:

«Если бы я был тогда рядом, у тебя не было бы неприятностей. Бобби Дойл и я за тебя ручаемся. Больше тебе ничего знать не надо».

Черт его знает, что происходит. Проходит еще время, и неожиданно Бобби велит мне повидать Тома Гальяно. Я знаю, что это бугор, но не знаю, где и у кого. Такой здоровый высокий парень, немного лысоват. Выглядел он как бизнесмен, да еще и занимался строительством. Впервые я встретил его здесь на 116-й улице через одного вышибалу. Мы с Ники Падовано, который был в моей шайке, однажды отделали пару профсоюзников, потому что те вставляли ему палки в колеса. Я ему понравился за то, что отказался от денег. Я не взял, потому что хотел, чтобы меня считали другом. Искал тогда людей, которые помогут бросить воровство, а за деньги друзей не найдешь. Надо, чтобы тебя считали достойным человеком.

Встречаюсь я с Томом Гальяно, а он говорит: «Пахнет дракой, и я уверен, что замешаны здесь те, кого ты не любишь», Спрашиваю: «Кто замешан?» А он и отвечает, что ребята вроде Чиро Терранова. Больше мне ничего не надо, и я говорю: «Записываюсь.» Он говорит, что один к миллиону, что у нас ничего не выйдет, но если выйдет, то дела пойдут, как по маслу. Потом прямо спрашивает, буду ли я стрелять, если меня попросят. «А вы для меня такое сделаете?» — спрашиваю. Он говорит, да. И я говорю, да. Вот и весь разговор.

Я так и не понимаю, куда впутался. Но с воровством пора завязывать. Дела-то все хуже. Пошел разговор о радиосвязи для полицейских автомобилей. Светофоры теперь работают всю ночь, а это тоже против меня. Например, гонится за мной легавый, проезжаю на красный, сразу меня замечает, а там еще легавые. Жуть!

Понятное дело, если я против Чиро Терранова, то и против своего друга Фрэнка Ливорси. А через пару дней получаю от Бобби Дойла первый «контракт» на убийство Фрэнка. Я говорю: «Не буду». Бегу к Редкозубому, рассказываю, какие мы с Фрэнком кореша. Редкозубый говорит, что утрясет все с Бобби. Встречаемся втроем в «Радужных садах», и Редкозубый объясняет расклад насчет Фрэнка Ливорси и что я не хочу этого делать. Через некоторое время Бобби Дойл говорит, что все понимает, но отводит Редкозубого в сторону, чтобы я не слышал, о чем они толкуют. Мне это не нравится, и когда Редкозубый вернулся, я ему так и сказал. Редкозубый говорит: «Не волнуйся. Бобби просто боится, что ты все выложишь Фрэнку. Я за тебя поручился».

Но Фрэнку я просто должен был дать знать. Поэтому говорю

ему, что если я когда-нибудь съеду с квартиры в Бронксе, значит, на меня вышли. Он знал, что это такое, так что когда Редкозубый нацелился на Фрэнка, я сменил квартиру. Если нам доводилось потом встречаться на улице во время всей этой заварухи, мы махали друг другу рукой и расходились.

Я не собирался продавать друзей.

Глава 4

Вся «нависшая опасность», как впоследствии осознал Балачи, заключалась в необычайной активности преступного мира Италии в 1930 году, получившей название Кастелламмарской войны. В то время как блюстители Закона понимали ее историческую значимость, они ни в коей мере не владели полной картиной того, что в действительности происходило. Валачи долго воспроизводил подробности. Это был увлекательный экскурс в мир варварства, алчности и предательского обмана, которые все еще и сегодня характерны для деятельности «Коза ностры», несмотря на ее возрастающие изощренность и восхваляемую сплоченность.

Организованный преступный мир Италии в действительности не стал национальной силой до 1920 года. Естественно, что введение сухого закона в США явилось катализатором. В дополнение к таким древним и испытанным видам бизнеса, как проституция и спекуляция, теперь появился новый нелегальный продукт, за которым охотились миллионы американцев, — спиртное. А оно приносило преступникам богатство и уважение сверх всякой меры, в результате большинство американцев стало участвовать в этом деле. Весь преступный мир, монополизованный в те времена ирландцами, евреями и, в меньшей степени, поляками, получал барыши на запретной зоне. Однако, в первую очередь, для итальянских преступников это стало шансом наконец-то развернуться по-настоящему. Контрабанда спиртными напитками явилась тем самым делом, в котором они разбирались. В течение многих лет, вне зависимости от отсутствия или наличия запретов, тысячи самогонщиков-надомников занимались своим ремеслом в похожих на гетто городских квартирах, которые итальянцы-иммигранты, как до них и другие этнические группы, создавали после появления в этой стране. Таким образом, у них было бурное начало на безграничном желающем утолить жажду рынке, который открылся перед ними и который с этого момента они не уступили никому.

В конце десятилетия, несмотря на поднятую в последнее время шумиху вокруг Альфонсо (Меченый Эл) Капоне, ничем не приметный, коренастый, небольшого роста человек по имени Джузеппе (Джо Хозяин) Массерия проявил себя как самая влиятельная фигура в итальянском преступном мире. К его окружению, помимо Капоне, принадлежала внушающая трепетное благоговение группа имевших большое будущее участников

криминального объединения, включая Чарли (Счастливчик) Лючиано, Вито (Дон Вито) Дженовезе, Вильяма (Вилли Мур) Моретти, Джозефа (Джо Красавчик) Дото и Франческо (Фрэнк Костелло) Кастилья.

Однако таким же могущественным, каким являлся Массерия, был целый ряд враждующих группировок, которые впоследствии превратились в «Коза ностру», а высшим проявлением традиционных разногласий, существовавших между сицилийцами и неаполитанцами, явилось то, что организация была раздроблена теми, кто объединялся по признаку принадлежности к определенной местности или региону на Сицилии или в Южной Италии, оттуда они иммигрировали. Ни одна из них не была столь представительной, столь обособленной, как кастелламмарская, группа людей из сицилийского города Кастелламмаре дель Гольфо и его окрестностей, которая обосновалась в Америке в Чикаго. Даже будучи столь разбросанными, они остались прочно связанными со своим шефом Сальваторе Маранзано в Нью-Йорке.

В 1930 году, стремясь к абсолютному превосходству в итальянском преступном мире, Джо Хозяин собирался устранить Маранзано, как и другие силы кастелламмарцев, также как Джозеф (Джо Банан) Бонанно и Джозеф Профачи в Бруклине, Стефано Магаддино в Буффало и Джозеф Айелло в Чикаго. И, по всей вероятности, ему бы это удалось, если бы он не совершил роковую тактическую ошибку.

Но в то же самое время, когда он действовал против кастелламмарцев, Массерия пытался оказать давление на одного из своих собственных руководителей преступной группы, Гаэтано Рейна, на дочери которого намеревался жениться Валачи и который впоследствии контролировал большую часть снабжения Нью-Йорка льдом, что было сверхприбыльным делом во времена, пока не появились электрические холодильники. Когда Рейна отказался подчиниться, Массерия убил его.

(В документах полиции Нью-Йорка содержится запись о том, что 26 февраля 1930 года в 8 часов 10 минут вечера Гаэтано (Том) Рейна, мужского пола, белый, сорока лет, проживавший в Бронксе на Рошамбо авеню, 3183, при выходе из дома номер 1522 на Шеридан авеню был обстрелян и убит неизвестным мужчиной, который стрелял в Рейна из двух стволов своего обреза, что явилось причиной смерти).

Убийца Рейна, видимо, объединил свою группу с силами Маранзано для борьбы против Джо Хозяина Массерия. Это также непосредственно способствовало вступлению Валачи в ряды «Коза Ностры». Массерия заменил Рейна напрямую подчиненным себе

человеком по имени Джозеф Пинцоло. В то время как старые «лейтенанты» Рейна, среди которых были Том Гальяно, Томас Люччезе и Доминик (Редкозубый) Петрилли, внешне признав назначение Пинцолло, в тайне же они замышляли его устранение.

— В этот период, — говорит Валачи, — мне ничего не было об этом известно, однако идея заключалась в том, чтобы ввести в группу новых подобных мне членов, на содействие которых они могли бы рассчитывать. Все, что мне известно, так это то, что однажды ко мне подошел Редкозубый и сказал, что я должен встретиться с этим Джо Пинцоло, который является новым руководителем группы. Редкозубый сообщил, что он хочет со мной познакомиться.

Валачи испытывал постоянную антипатию к Пинцолло. Он характеризовал его как уродливого «грязнулю» — обычное определение «Коза Ностры» для пожилых членов, родившихся не в Соединенных Штатах, с густыми, спутанными, свисающими, закрученными на концах усами и распространяемым вокруг себя неприятным запахом. Ситуация не предвещала ничего особенного, когда Пинцоло сказал ему: «Привет, я слышал, тебе известны все девчонки в ресторане «Рэйнбой Гарденс». Пригласи нескольких из них».

Валачи, взбешенный тем, что ему была предложена роль, как он ее называл, сводни, направился к телефонной будке, намереваясь позвонить. Приблизительно через минуту подошел Редкозубый и спросил: «Заказываешь девиц?» «Ты что, сошел с ума? — отпарировал Валачи. — Взбесился, что ли? Я уважаю этих девиц. Если они прибудут сюда и увидят этого выродка, они упадут в обморок. Если это тот сорт людей, с которыми мы имеем дела, то я немедленно выхожу из игры».

«Заткнись, — прошептал Редкозубый. — Этот парень должен умереть. Он из той же категории многих других парней, от которых мы собираемся отделаться». Валачи возвратился к Пинцоло и объяснил ему, что в «Рейнбой Гарденс» все очень заняты, и ни одна из девиц не может покинуть ресторан. Тогда Пинцоло попросил Валачи отвезти его в гостиницу в центральной части города. Это было в последний раз, когда Валачи видел его.

(Согласно документам полиции Нью-Йорка, около 9 часов вечера 9 сентября 1930 года тело Джозефа Пинцоло найдено на полу в помещении номер 1007 в здании Брокко по адресу: Бродвей, 1487, Нью-Йорк. Помещение номер 1007 принадлежало компании по импорту сухофруктов из Калифорнии и было арендовано неким Томасом Люччезе. Причина смерти: раны от огнестрельного оружия в левой стороне груди и в затылке).

Хотя Лючеззе подозревался в этом убийстве, обвинение

фактически было отклонено. Настоящим убийцей, по словам Валачи, был Бобби Доил. «Мне крупно повезло, — привел он слова Дойла, сказавшего: — Он был в помещении один».

Сальваторе Маранзано и его кастелламмарцы должны были нанести ответный удар Массерия. В качестве своей цели они избрали безжалостного исполнителя поручений Маразано Питера Морелло по прозвищу Клешня. Его убийцей, как впоследствии стало известно Валачи, был проживающий в Чикаго «стрелок», которого Валачи знал исключительно в качестве «Палача из Чикаго»: он выглядел как студент колледжа и традиционно носил свой автомат в футляре из-под скрипки. «Палач поведал мне, — вспоминал Валачи, — что этот Морелло был очень живучий. Он сказал, что он стал метаться по офису, и «Палачу» пришлось выстрелить несколько раз, прежде чем он упал. Он рассказал также, что в здании находился еще какой-то парень, так что пришлось убирать заодно и его».

(В деле номер 1226 полицейского участка 23 Нью-Йорка зафиксировано, что около 3 часов 30 минут пополудни 15 августа 1930 года Пьетро Морелло, проживающий в Нью-Джерси, Палисейде, Аркэдиан Вэй, 1115, 50 лет, был обстрелян и убит в своем офисе в восточной части Нью-Йорка на 116-й улице, 362, неизвестным лицом. Причина смерти: множественные огнестрельные раны. Убит был также посетитель оффиса, некто Джузеппе Париано).

Два предательских убийства — людьми Маранзано и приверженцами Рейна, возглавляемыми ныне Томом Гальяно, были осуществлены независимо друг от друга. «Они объяснили мне это, — сказал Валачи, — так: когда Морелло получил свое, люди Гальяно знали, что это не их рук дело. Потому, естественно, они вычислили кого-то еще, кто причастен к делу Джо Хозяина. Впоследствии они решили, что это явилось деянием Сальваторе Маранзано». Данное обстоятельство свело обе соперничающие группировки воедино под общий патронаж Маранзано. Для скрепления своего союза против Массерия, еще не подозревавшего об объединении, они договорились вместе убрать ближайшее окружение Массерия. Впервые Валачи был вовлечен в дело, и он живо вспомнил подробности:

«В то время я был только «предложен», что означало, что я был на пути приобретения членства, но пока еще не являлся таковым. Другими словами, они присматривались ко мне, с тем, чтобы узнать, что я собой представляю. Они предложили мне снять квартиру на Пелхэм Парквэй, поскольку выяснили, что это был адрес одного из парней Массерия. Его имя было трудно произносимым — Ферриньо. Они хотели, чтобы я снял квартиру,

поскольку те, другие парни, не догадывались о том, кем я был на самом деле. Теперь мне самому прежде всего хотелось узнать, собираются ли они застрелить этого Ферриньо из квартиры. Они сказали мне, что нет, это необходимо для того, чтобы засечь его, и что они хотят стрелять в него из автомобиля, а я буду за рулем.

Итак, я покинул жилье, которое делил с Мэй. Я взял с собой мебель, за исключением одного из спальных гарнитуров, а у нас было здесь две спальни, одну из которых я оставил Мэй, поскольку знал, что ей не нравится обстановка в спальне ее матери.

Я поселился в квартире на Пелхэм Парквэй. Она находилась на третьем этаже. Окна выходили во двор, а на другом конце двора расположен вход в квартиру Ферриньо. Таким образом, мы могли видеть его входящим в квартиру и выходящим из нее. Одного из парней, который время от времени появлялся в моей квартире, звали Джо Профачи, и он рассказывал довольно много о той истории, которая происходила. Он сообщил мне, как Маранзано и Гальяно вложили по 150 тысяч долларов каждый в войну против Джо Хозяина. Кроме того, он сказал, что нам причиталось по 5 тысяч долларов в неделю от Стива Магаддино из Буффало и 5 тысяч долларов от Джо Айелло в Чикаго и кое-что еще, о чем я уже забыл. Однажды он пришел ко мне с кислым лицом и известил: «У нас нет больше денег из Чикаго. Капоне убрал Айелло».

(Запись в документах полиции Чикаго от 23 октября 1930 года гласит, что Джозеф Айелло, 39 лет; итальянец, женат, руководитель гангстерской группировки, был убит из автомата перед зданием номер 205 по кличке Престо с тем, чтобы сесть в такси. Огонь по нему был открыт из автоматического «гнезда», находившегося на противоположной стороне улицы по адресу Колмар авеню, 202, а когда он попытался скрыться за углом дома Престо, он был скошен огнем из второго «гнезда» в окне дома номер 4518 по Вестэнд авеню).

Мы находились в этой квартире уже около месяца, а Ферриньо все не появлялся. Я начал было ломать голову, где его черт носит, но мне объяснили, что это лишь один из его адресов, и нам остается только ждать. Приблизительно неделю спустя, получив столь «определенные» разъяснения, я сидел в своей квартире вместе с Палачом из Чикаго. Влетели двое парней и сообщили, что Ферриньо находится перед домом и сидит на скамейке в скверике, который проходит вдоль улицы. Они сказали, что настал тот час, и мне нужно вести автомашину. Мы все поднялись и сели в автомашину. Но мне не понравился план действий. Нам нужно было проследовать вплотную мимо портье,

который меня знал, поскольку я постоянно входил в здание и покидал его. «Хорошо, — сказал я Палачу. — Я поведу машину, но если вы увидите, что портье приветствует меня, уберите свое оружие. А если этого не произойдет, я быстро проскочу мимо. Я не хотел бы оказаться в тюрьме из-за этого».

— Какая муха тебя укусила? — спросил Палач. — Ты не в своем уме?

— Меня не волнует, как меня накажут, — ответил я. — Я излагаю свои ощущения.

Палач, который был настоящим снайпером, использовал на этот раз ружье. Он только взялся за ствол, как вдруг портье помахал мне рукой и я в ответ приветствовал его. Да, Палач был прекрасным малым, он опустил ружье. Теперь я мог нажить кучу неприятностей. Однако когда Палач пошел проведать старика Маранзано, и сообщил ему, что произошло, я только тогда осознал, что я сделал. Палач возвратился и сообщил всем, что старик на моей стороне, и нечего морочить голову.

Это случилось несколькими днями позже, когда я был где-то вместе с Палачом и он высадил меня из машины на углу Пелхэм Парквэй перед домом, где была расположена квартира. Палач уехал, но подкатил другой автомобиль и остановился рядом со мной. В то время у нас были все возможные фотографии Массерия с тем, чтобы опознать его даже на случай, если его ни разу не видели. Итак, к моему изумлению, я увидел, как Массерия выходит из машины, и сразу узнал его. Тот самый Ферриньо был с ним. Они оглядели меня, как мне показалось, весьма подозрительно. Следует учесть, что по соседству проживают только евреи, им должно было броситься в глаза, что я не еврей. Я пошел к зданию, они последовали за мной. Во дворе я повернул направо, чтобы попасть в свою квартиру, причем я знал, что они должны пойти налево к квартире Ферриньо. Однако они двинулись вслед за мной к моему подъезду. Я вошел в лифт, они сели вместе со мной. Тогда я спросил, на каком этаже они хотели бы выйти. В ответ послышалось: «Нажимайте на свою кнопку».

Так как я проживал на третьем этаже, то я нажал на кнопку шестого этажа с тем, чтобы попытаться отделаться от них. Поднимаясь на лифте, мы находились в кабине лицом к лицу. Я стоял, прислонившись спиной к одной стенке лифта, а они — прислонившись к противоположной. Никто не произнес ни слова. Когда мы поднялись на шестой этаж, я вышел из лифта, своим видом демонстрируя безразличие ко всему на свете. Как только двери лифта закрылись, а они остались внутри в кабине, я стремглав спустился на третий этаж, восклицая: «Джо Хозяин,

Джо Хозяин! Я только что видел его».

Они сказали, что это невозможно, чтобы я видел обоих. Во время нашего разговора один из парней, который смотрел в окно, заметил Массерия, пересекающего двор из одного конца в другой. Он воскликнул: «Бог ты мой, он прав! Это он вместе с Ферриньо. Они идут на квартиру».

В этот вечер я пожалел, что сказал о том, что видел Массерия. Они все единодушно решили стрелять в него из моей квартиры. Раньше они не собирались этого делать. Я разложил свои вещи по всей квартире, фотографии и все остальное. По плану мы намеревались убить его на улице, а не стрелять из квартиры. Теперь я убеждал Палача в необходимости сделать вид, что они его не видят. Я не помню, что я ему еще говорил. Он сказал: «Все это очень важно, Джо. Послушай, если сегодня он не выйдет, завтра мы снимем новую квартиру».

Я был настолько взволнован, что они решили дать мне поручение следить за лифтом. Я надеялся и молил о том, чтобы он не покидал квартиры в этот вечер. И он не сделал этого. Но значительное число его людей, возможно человек двадцать, входило в дом. Видимо, у них проходила какая-то важная встреча. Ох, как я был счастлив.

На следующий день по просьбе Валачи была арендована квартира на первом этаже. Новый план заключался в том, чтобы дождаться появления Массерия во дворе, и когда он будет проходить перед окнами новой квартиры, убить его выстрелами из ружей. В полдень встреча в квартире Ферриньо была завершена, участники покидали дом по двое. Но даже после того, как большая часть участников встречи разъехалась, Массерия все еще не показывал своего носа; впоследствии удалось понять, что Массерия дожидался момента, когда мог покинуть это место последним. В тот момент, когда нужная цель — Ферриньо — появился во дворе вместе с другим «лейтенантом» Массерия, замаскировавшиеся убийцы решили, что это была возможность, которую нельзя было упустить. Как рассказал Валачи, стреляли Палач из Чикаго, Джироламо (Бобби Дойл) Сантуччи и Ник (Ник Ворюга) Капуцци. Все трое стреляли из двенадцатизарядных ружей. Затем они исчезли в разные стороны. Валачи вспомнил, что после этого Палач был остановлен полицейским через квартал от места происшествия. Палач ему сказал, что стрельба произошла ниже по улице. Полицейский направился в ту сторону, а Палач, естественно, в другую.

(В документах полиции Нью-Йорка зафиксировано, что 5 ноября 1930 года в 14 часов 45 минут Стивен Ферриньо, известный также как Самуэль Ферриньо, и Алфред Минео, выходя

из квартиры Ферриньо по адресу Пелхэм Парквей, 759, были застрелены в восточной части двора неизвестными лицами, занимавшими квартиру С-1 по адресу Пелхэм Парквей, 760. Стрельба велась из квартиры на первом этаже через закрытые окна. Было обнаружено три ружья).

Через день после убийства Валачи решил, что настало время наконец-то посетить своего брата Энтони в тюрьме Даннемора в северной части Нью-Йорка. Валачи хотел взять с собой Мэй, которую за последние несколько недель почти не видел. Но она лежала в постели из-за сильной простуды, и ему пришлось поехать одному. То короткое время, которое он провел с братом, было не слишком приятным. «Уже было заметно, что у него не все в порядке с головой, — сказал Валачи. — Я ни слова не сказал ему о том, чем я занимался. Он бы ничего не понял. Единственное, о чем он говорил, так это о том, насколько я виноват во всех его неприятностях. Я даже не знаю, почему. Естественно, я чувствовал себя прескверно, но что я мог поделать? Единственное, что мне оставалось, так это возвратиться в Нью-Йорк».

Вернувшись с некоторой тоской в дом на Пелхэм Парквэй, он узнал от портье, что в его отсутствие «кое-что» произошло. Когда Валачи «с естественным любопытством» спросил, что же случилось, портье рассказал в подробностях об убийстве Ферриньо и Минео и сообщил, что полиция обследовала весь дом. «Я им сказал, что вы — новый жилец и находитесь в отъезде. Они попросили меня поставить вас в известность, когда вы возвратитесь, что вам необходимо зайти в полицейский участок. Вы знаете, господин Валачи, все это ужасно. Многие жильцы съехали из-за того, что произошло».

— Да-а-а, — произнес Валачи, — могу себе представить. Я тоже полагаю, что мне следовало бы уехать отсюда. Такие дела создают плохую славу этому месту. Ладно, не надо терять голову. Я схожу в полицию, только вряд ли я смогу им чем-нибудь помочь.

Валачи сразу же позвонил в транспортную компанию и сделал заказ на перевозку своего имущества в хранилище. Затем он побродил по Лексингтон авеню в Гарлеме, надеясь встретить кого-нибудь из друзей. Но никто не попадался. Неожиданно рядом с ним раздался визг тормозов автомобиля. За рулем сидел человек Гальяно — Фрэнк (Чик-99) Кэллас, который интенсивно жестикулировал, приглашая его сесть в машину.

— Христос, с тобой, — сказал Кэллас. — Ты с ума сошел, прогуливаясь подобным образом? Мы на прицеле. Джо Хозяин охотится за нами после этого дела на Пелхэм Парквэй. Я

удивляюсь, как тебе удалось остаться в живых до сих пор.

— Бог ты мой, — пробормотал Валачи, — а я тут болтаюсь как ни в чем не бывало. Я ничего не знал об этом. Я навещал своего брата в Даннемора.

— Да, — сказал Кэллас, — поставь свечку. Ты оказался счастливчиком.

Кэллас затем отвез Валачи на квартиру в Бронксе, где находились два парня из его бывшей воровской шайки образца 1929 года — Ник Падовано и Сальваторе (Сэлли Шилдс) Шиллитани, которых он рекомендовал Гальяно для участия в борьбе против Массерия.

— Не дергайся, — сказал Кэллас. — В надежном месте ты должен встретиться с остальными нашими парнями. Я сообщу тебе, когда это будет.

Наступил момент принятия Валачи в «Коза Ностру». Через два дня за ними приехал Кэллас.

Я настолько волновался, ожидая его, что даже не пытался позвонить Мэй, чтобы узнать, как она себя чувствует.

Чик сказал: «Готовься. Мы должны поехать в одно место в девяноста милях отсюда». Дорогу он знал и все время вел машину сам. Вместе со мной были Сэлли и Никки. Мы несколько нервничали, а потому в основном молчали. Мы приблизительно представляли себе, что должно было произойти.

Я не знал, куда мы попали, дом, однако, был построен в так называемом колониальном стиле. Во всяком случае, это был двухэтажный дом, выкрашенный в белый цвет, и находился он в пригородной местности. Мне не было известно, кому принадлежал этот дом. Чего не знаю, того не знаю. Был вечер, и я не обнаружил поблизости других домов. Помню, что когда мы вошли внутрь, Чик провел нас в небольшое помещение справа. Вошли «Доктор» — это все, что мне известно о нем, — он был с нами некоторое время в квартире на Пелхэм Парквэй, — и Громила из Чикаго и начали с нами болтать о том, о сем. Затем я, Сэлли и Никки остались одни. Через некоторое время какой-то парень, я забыл, кто именно, появился в дверях. Он помахал мне рукой и сказал: «Джо, пошли».

Я последовал за ним в другую комнату, которая оказалась весьма просторной. В ней почти не было мебели, кроме стола посередине, вокруг которого стояли стулья. Размеры стола составляли приблизительно пять футов в ширину и тридцать футов в длину. Сегодня я уже не могу сказать, был ли это один монолитный стол или несколько столов были составлены вместе, поскольку он был накрыт белым полотном. Стол был приготовлен для трапезы, стояли тарелки, бокалы и все прочее.

Около сорока человек сидели за столом, и, когда я вошел, все встали. Кастелламмарцы и люди Тома Гальяно находились здесь все вместе, так как представляли собой единое целое. Всех их я не помню. Здесь присутствовал Томми Браун, настоящее имя которого Томми Люччезе, я ни разу не слышал, чтобы кто-то называл его в глаза «Трехпалый» Браун. Здесь были Джо Профачи и Джо Бонанно, и Джо Палисадес, настоящее имя которого Розато, и Ник Капуцци, и Бобби Дойл, и Редкозубый, и Стив Руннелли, и много-много других.

Меня привели к другому концу стола мимо них, и тот парень, который меня сопровождал, сказал: «Джо, познакомься с Доном Сальваторе Маранзано. Он будет боссом для всех нас во всех делах, которые нам предстоит совершить». Впервые я увидел его. Ну и ну, он выглядел просто как банкир. Ни за что нельзя было догадаться, что это преступник.

После этого мистер Маранзано представил меня всем сидящим за столом: «Это Джо Каго» — по имени, под которым я был известен большинству парней [12]. Затем он предложил занять мне пустовавший стул справа от себя. Когда я сел, вслед сели все остальные. Кто-то положил на стол передо мной ружье и нож. Помню, что ружье было 38 калибра, а нож походил на кинжал. После этого Маранзано предложил всем снова встать, все мы подняли руки, и он сказал какие-то слова по-итальянски. Затем мы вновь сели, и он обратился ко мне все еще на итальянском и дал объяснения по поводу ружья и ножа. «Это означает, что твоя жизнь связана с ружьем и ножом». В следующий момент он спросил меня: «Каким пальцем ты стреляешь?» Я ответил: «Этим», — и поднял указательный палец правой руки.

Я все пытался понять, что он при этом имел в виду, когда он сказал мне сложить ладони пригоршней. Тут он положил в них комок бумаги и поджег его спичкой, а мне приказал повторять за ним, пока я перекатывал горящую бумагу в руках: «Я буду сожжен таким же образом, если предам тайны нашей «Коза Ностры». Все это совершалось на итальянском языке. На английском «Коза Ностра» означает «Наше дело». Она превыше всего — нашей кровной семьи, нашей религии, нашей страны.

После этого мистер Маранзано сказал: «Нынешнее время — время войны, а потому я буду краток. Существуют две наиболее важные вещи, которые ты должен запомнить. Вбей это себе в голову. Первая заключается в том, что предательство тайн «Коза Ностры» означает смерть без суда и следствия. Вторая, — насилие над чьей-либо женой из членов означает смерть без суда и следствия. Посмотри на них, восхищайся ими и действуй с ними».

Впоследствии я понял, что это делалось из-за того, что иногда в прошлом, если босс позарился на жену «солдата», он должен был убить несчастного мужа, независимо от того, хотелось ей этого или нет. Теперь мне разъяснили, что это не является обычным делом, и одного раза достаточно. Верно?

Мистер Маранзано затем скомандовал: «Всем встать. Выбросить пальцы от нуля до пяти». Все парни вокруг стола одновременно выбросили свою правую руку. У некоторых все пальцы были зажаты, у других выброшено по два или три пальца, максимум, естественно, пять. Когда все пальцы были выброшены, он начал их считать. Я забыл, сколько их оказалось. Допустим, сорок восемь. Тогда мистер Маранзано, начиная слева с первого от него человека, стал считать находящихся вокруг стола и, когда он дошел до цифры сорок восемь, она выпала на Джо Бонанно, известного также как Джо Банан. Когда Маранзано увидел, на кого выпал номер, он заулыбался и сказал мне: «Итак, Джо, это твой гомба», это означало, что он был своего рода моим крестным отцом и был за меня в ответе.

Тут Джо Банан тоже заулыбался, подошел ко мне и сказал: «Протяни мне тот палец, которым ты стреляешь». Я протянул ему палец, и он уколол кончик пальца иглой и давил до тех пор, пока не пошла кровь.

Когда это произошло, мистер Маранзано объявил: «Эта кровь означает, что теперь все мы — одна «семья». Другими словами, мы все повязаны друг с другом. Затем он мне объяснил, каким образом один член способен распознать другого. Если я где-то нахожусь вместе с другом, который является членом, и я встречаю другого друга, который является членом, но оба они не знакомы друг с другом, я говорю: «Хэлло, Джим, познакомься с Джоном. Он наш друг.» Однако в другой ситуации, когда третий парень просто друг, но не член, я говорю: «Джим, познакомься с Джоном. Он мой друг».

Наконец, церемония завершилась, и все заулыбались. Я думаю, она заняла около десяти минут. Я отхожу и освобождаю стул следующему, которым оказался Никки, и вся процедура повторяется заново. Затем приходит очередь Сэлли.

После этого ружье и нож были убраны со стола, и мистер Маранзано приказал внести еду. Я не заметил ни одной женщины в доме.

Я решил, что не время совать свой нос повсюду. Мужчины вокруг стола, являвшиеся членами, принесли еду на больших подносах. Сначала подали спагетти. Затем принесли цыплят, всевозможные мясные блюда, в том числе телятину. Было много виски и бутылей вина в плетеных корзинах, но никто чрезмерно

не пил. Во время еды Сэлли, Никки и я, став новыми членами, разговаривали между собой в основном о том, как это здорово быть в организации и как мы будем отдавать все силы общему делу.

После кофе мистер Маранзано поднялся и объявил: «Мы собрались здесь все вместе потому, что Джо Массерия приговорил к смерти всех кастелламмарцев. В то же время вы, ребята, ввязались в это дело, потому что он несправедливо убил Рейна. Теперь мы все, как один. Нас мало здесь, но через месяц нас будет четыреста-пятьсот человек. Нам придется напряженно потрудиться. Реальность — против нас. У наших противников много денег, и пока они развлекаются, мы будем питаться скромно. Вы все будете проживать в разных квартирах по всему городу. У нас будут наблюдатели на улицах. Эти наблюдатели получат номер телефона нашей основной штаб-квартиры. Штаб-квартира будет иметь все ваши телефонные номера. Если звонок последует из Бронкса, например, о том, что кто-то появился в поле зрения, то в квартире, которую мы имеем в Бронксе, должен раздаться звонок. И когда вы получаете такой звонок, вы должны действовать без промедления. Каждый из новых членов будет проживать с тем, который знает врага в лицо. Естественно, вас снабдят фотографией Массерия. Он — самый главный. Я хочу сообщить вам, что дело на Пелхэм Парквэй привело их в замешательство. Они недоумевают, каким образом нам удалось узнать об их сходке, и это наше преимущество. Они уже не знают, кому могут доверять. Мы должны сосредоточить наши усилия на том, чтобы добраться до их главных боссов и взять самого Массерия. Ни о каких сделках с Массерия не может быть и речи. Война будет продолжаться и десять лет, если мы не сумеем достать его».

После завершения нашей встречи Громила взял меня и Сэлли на квартиру, которая была подобрана и обставлена для нас на Ривер Парквэй в Бронксе.

В конце 1930 года и в течение 1931 разбушевалась Кастелламмарская война, и прежде чем кровавый период ее завершился, около шестидесяти трупов было найдено на улицах Соединенных Штатов. Хотя она и велась в общегосударственном масштабе, наиболее беспощадная борьба происходила все же в Нью-Йорке между силами Маранзано и Массерия. Свой первый звонок к действию Валачи получил, как он сам это назвал, «ни свет, ни заря» — около пяти часов утра; наблюдавший по телефону сообщил, что два человека Массерия, Джозеф Рао и Большой Дик Амато, вместе с двумя девицами находятся в

ресторане «Помпеи» в Гарлеме.

Большего удовлетворения Валачи не мог испытать. Как ему стало известно, Рао был одним из тех, кто стоял за спиной у авантюристов, которых Валачи возил на машине как членов ирландской группировки во время инцидента со стрельбой несколько лет тому назад, что принесло ему впоследствии массу неприятностей. Валачи и Шиллитани немедленно поехали к ресторану. Они прибыли в тот момент, когда Рао садился в машину со своей девицей. Валачи остановил свой автомобиль рядом с машиной Рао. «Кончай с ним», — скомандовал Валачи, но Шиллитани, вскинув свое ружье, «застыл в этой позе». Он забыл снять предохранитель на своем оружии. Взбешенный, Валачи выхватил пистолет и четырежды выстрелил в Рао, который уже убегал по улице. «Я был вне себя от того, — вспоминал Валачи, — что не мог прицелиться. Один выстрел достал его, угодив в зад, но этого было явно недостаточно, чтобы его остановить». И, так как публика стала выскакивать из ресторана, Валачи был вынужден тут же уехать со все еще целящимся в никуда несчастным Шиллитани. Даже в компании более опытного Стива Рунелли удача Валачи не получила положительной оценки.

Я был переведен на квартиры на Ривер Парквэй в Бронксе непосредственно в штаб-квартиру мистера Маранзано, расположенную в Йонкерсе. Нам сказали, что мы должны следовать за ключевыми фигурами Массерия, а не разменяться на мелкоту. Этот тот путь, на котором война может быть выиграна быстро.

Однажды Стив Руннели и я проезжали по Гарлему, когда Стив заметил человека, ехавшего в «линкольне» навстречу нам. Он приказал мне быстро развернуться. «Кто это?» — спросил я, и он ответил: «Это один из крупных боссов противника». Я сделал несколько маневров и приблизился вплотную к «линкольну». Когда я поравнялся с «Линкольном» справа, Стив дал по нему одиночный выстрел, и я увидел, как этот человек упал; позднее я узнал, что его звали Пол Гамбино. Я пытался сказать Стиву, что сомневаюсь в том, что он убит, но Стива после выстрела охватила паника и он стал кричать: «Жми на газ! Жми на газ!» Я был обескуражен. Эти парни из группировки всегда выражались высокопарно, но когда приходило время действовать, они сникали. Когда я пытался уйти, то задним бампером своей машины зацепился за его передний бампер. И в такой сцепке проехал почти пол-квартала, прежде чем мне удалось освободиться. Стив при этом все время орал: «Черт побери, сматывайся отсюда!»

Я высадил Стива где-то в районе Южного Бульвара и возвратился в Йонкерс, где находился мистер Маранзано. Он ждал меня. Боже, он был вне себя! Кажется, он уже знал, что произошло, и спросил: «Зачем вы преследовали этого парня? Что случилось?» Я ответил: «Стив сказал мне, что это крупный босс». Мистер Маранзано криво усмехнулся и заметил: «Этот парень никто для нас». Я попросил его не волноваться, поскольку сомневался в том, что парень убит. Когда я ему это говорил, раздался телефонный звонок. После разговора он сообщил мне: «Ты прав. Пуля лишь задела ему ухо. Как мне стало известно, он вышел из этого «линкольна» и куда-то исчез».

Итак, все складывалось вроде бы благополучно. Пол Гамбино оказался никем, но его брат Карло являлся крупной фигурой в группировке Массерия. Когда Карло узнал о покушении, решив, что он может оказаться следующим, он призвал всех своих людей покончить с нами.

Не все дела, в которые был вовлечен Валачи, имели такие запоминающиеся комедийные аспекты. Маранзано был, в частности, одержим идеей убийства «лейтенанта» Массерия Джозефа (Джо Пекаря) Катания. Впервые Валачи узнал об этом от Громилы из Чикаго. «Ты знаешь этого Джо Пекаря?» — спросил Громила. «Да, — ответил Валачи. — Он знаком мне по давним временам. Мне это импонирует». «Не дай бог, чтобы старик услышал твои слова, — порекомендовал Громила. — У него личная неприязнь к нему. Этот Пекарь увел несколько грузовиков со спиртным, принадлежавшим старику, и теперь его необходимо прикончить».

Успокоив себя мыслью о том, что Пекарь был племянником его заклятого врага Чиро Терранова, Валачи сказал: «Ну, если его нужно прикончить, то мне-то какое дело?» Однажды январским утром вскоре после этого разговора за Валачи зашел Громила и вместе с двумя другими стрелками они пришли в пустую квартиру в квартале Фордхэм в Бронксе. Квартира была расположена на другой стороне улицы наискосок от входа в контору по залоговым поручительствам, которую Пекарь, видимо, использовал как место для хранения денег, полученных в результате преступных деяний. Видели, как он входил в контору каждое утро в течение нескольких дней, где он находился пять-десять минут, и затем покидал ее с коричневым бумажным пакетом в руке. «Сегодня, — сказал Громила, — мы намерены лишь проверить информацию». Около 10 часов утра мужчина появился из-за угла, прошел расстояние в восемь футов до входной двери и вошел внутрь. «Это он, — подтвердил Валачи

Громиле. — Это — Джо Пекарь, отлично». Спустя приблизительно десять минут, как и было сказано, Пекарь появился из дверей конторы с бумажным пакетом и скрылся за углом.

В остальные дни недели Пекарь продолжал проделывать то же самое. Ожидавшие его убийцы, однако, столкнулись с рядом проблем. Пекарь всегда подходил к конторе по одному и тому же маршруту, а восемь футов, которые он преодолевал после появления из-за угла, оставляли Громиле слишком мало времени для выстрелов. Аналогичная ситуация возникла, когда он покидал контору. Хуже всего было то, что квартира, в которой они находились, располагалась на шестом этаже, и Громила, имевший в распоряжении всего секунды для стрельбы, опасался, что расстояние слишком велико, чтобы сделать точный выстрел.

Валачи полагал, что он нашел ключ к решению проблемы. Он заметил квартиру в цокольном этаже того же самого дома, которая казалась незанятой, и он предложил всем проникнуть туда на следующее утро до появления Пекаря. Громила сразу же согласился. Однако, когда они вошли в нее, то тут же остолбенели. Здесь прилежно работали три маляра. В то время как Громила направился к окну, Валачи и два других парня поставили маляров к стене, направив на них дула ружей. Вдруг он услышал, что Громила зовет его: «Подойди сюда, Джо. Что это за женщина вместе с ним?» Валачи успел подойти к окну как раз вовремя, чтобы разглядеть попутчицу Пекаря, и констатировал: «Черт, да это же его жена». Затем он вышел из квартиры, чтобы быть уверенным в том, что их машина, припаркованная за углом квартала, готова сорваться с места. Через несколько минут он услышал выстрелы, и как только его дружки появились, машина умчалась прочь. «Как это было?» — спросил Валачи.

«Он вышел из конторы вместе с женой, — рассказывал Громила. — Он целовал ее перед входом в контору, и я уже заволновался, что не могу выстрелить. Однако он повернулся и пошел к углу. Она просто осталась на месте и видела, когда я попал в него. Я думаю, что ни разу не промахнулся. Видно было, как пыль поднималась от его пальто, когда падали пули».

«Очень плохо, что его жене пришлось увидеть его смерть, — сказал Валачи. — Да, но представился ли бы нам другой шанс с этими малярами, которые разболтали бы обо всем всей округе?»

Жена или не жена, но Маранзано не мог испытать большего удовлетворения, когда вечером пришло сообщение о том, что Пекарь скончался в госпитале в Бронксе. Позднее один из стукачей Маранзано донес, что Терранова, положив руку на гроб своего племянника, поклялся отомстить за его смерть. Маранзано, раззадоренный этим, отослал стукача обратно

выяснить, существует ли возможность загнать Терранова в угол на поминках, но, как Валачи с горечью вспоминает: «Там ничего нельзя было сделать».

(Дело номер 122 46-го отдела департамента полиции Нью-Йорка гласит, что 3 февраля 1931 года в. 11 часов 45 минут некто Джозеф Катания, он же Джо Пекарь, проживающий на Белмонт авеню, 2319, в Бронксе, мужского пола, белый, двадцати девяти лет, проходя мимо дома номер 647 по Кресцент авеню, получил шесть пулевых ранений в голову и тело, что явилось причиной смерти в госпитале Фордхэм, куда он был доставлен. До того как он умер, несмотря на свои смертельные раны, он не мог или не стал называть виновников этого преступления) [13].

В течение недель, последовавших после убийства Пекаря, по мнению Валачи, чаша весов в этой битве склонялась в пользу Маранзано. К нему переметнулось так много дезертиров, таких как Карло Гамбино, что его силы уже явно превосходили силы противника. Более того, у тех, кто еще держал сторону Массерия, возникли растущие финансовые проблемы, связанные с борьбой, их хорошо отлаженная преступная система быстро разваливалась. Затем Валачи впервые услышал о том, что уже «витает идея о мирных переговорах». Но Маранзано не собирался вступать ни в какие переговоры до тех пор, пока Массерия оставался живым. Наконец, два наиболее близких и доверенных Массерия сообщника — Чарли Счастливчик Лючиано и Вито Дженовезе — тайно сговорились действовать против него. В ответ на их обещание убить Массерия Маранзано согласился прекратить войну.

Массерия буквально ничего не подозревал о том, что замышляется его убийство. Однажды ближе к вечеру Лючиано пригласил его пообедать в ресторане «Кони Айленд», который все называли «Скарлато». В полном спокойствии Джо Хозяин, окруженный преданными помощниками, наслаждался яствами, последними в его жизни.

(В деле № 133 60-го отдела департамента полиции Нью-Йорка констатируется, что около 15 часов 30 минут 15 апреля 1931 года Джузеппе Массерия, известный также как Джо Хозяин, последнее место жительства: Вторая авеню, 65, находясь в ресторане западной части города на 15-й улице, 2715, в квартале Кони Айленд в Бруклине, был поражен выстрелами в спину и голову неизвестными лицами, которым удалось скрыться).

Лючиано все еще находился в ресторане, когда появилась полиция. Лючиано пояснил, что он вряд ли сможет существенно чем-то помочь. Он рассказал, что после обеда он предложил сыграть в карты. Вместе с Массерия они играли приблизительно

сорок пять минут, и ресторан тем временем почти опустел. Затем Лючиано извинился, поскольку у него возникла потребность посетить туалет. Когда он мыл руки, то услышал какой-то «шум» и поспешил наружу, чтобы узнать, что происходит. Он увидел Массерия повалившимся на стол.

Ни один из служащих ресторана не мог описать кого бы то ни было из совершивших убийство Массерия. Однако, как утверждал Валачи, кроме Лючиано и Вито Дженовезе, в их число входили его старый друг Фрэнк Ливорси и Джозеф Страччи, он же Джо Длинный.

Таким образом, Сальваторе Маранзано, бывший всегда «темной лошадкой» для полиции, стал бесспорным лидером итальянского преступного мира в Америке. Его приход к власти предопределил также организацию современной «Коза Ностры»: мистер Маранзано решил собрать собрание.

Меня только известили об этом. Не помню, в какой форме, но я получил такое извещение. Собрание проводилось в Бронксе, в большом зале района Вашингтон авеню. Собралось очень много народу, четыреста или пятьсот человек наших. Здесь присутствовали члены, которых я никогда раньше не видел. Мне известны были лишь те, к которым я примкнул во время войны. Сейчас здесь было много незнакомых мне лиц.

Все мы стояли, потому что присесть было негде. Картины на религиозные темы украшали стены, а в конце зала над пьедесталом, где восседал мистер Маранзано, находилось распятие. Он организовал мероприятие таким образом, что, если кто-то посторонний захотел бы узнать, что это за собрание, то он подумал бы, что мы принадлежим к какому-то религиозному сообществу. Он перемещался с места на место в ожидании момента для произнесения речи, пока члены все еще подходили.

Джо Профачи рассказал мне о происхождении мистера Маранзано. Он родился в местечке Кастелламмаро и стал здесь заметной фигурой сразу после первой мировой войны. Он был образованным человеком. Учился на священнослужителя и, насколько я понял, владел семью языками. До этого я не знал, что он был помешан на Юлии Цезаре, а его квартира была забита исключительно книгами. Видимо, из них он почерпнул идею о создании новой организации.

Мистер Маранзано открыл собрание, рассказав, как Джо Хозяин постоянно уничтожал членов «из обоих стволов». Он сообщил, что Джо Хозяин приговорил всех кастелламмарцев к смерти безо всякого повода, и назвал имена около полудюжины других членов и боссов, которые действовали аналогичным образом.

Некоторые имена были мне неизвестны, и я даже никогда не слышал о них, но все ему активно поддакивали. Он говорил по-итальянски, подчеркнув: «Теперь все будет по-другому». В новой организации он намеревался стать боссом всех боссов. Он сообщил, что с нынешнего дня все мы будем объединены в новые «семьи». Во главе каждой «семьи» будут стоять босс и его заместитель. Ниже на этой иерархической лестнице должны стоять «лейтенанты». Нам же, рядовым членам, являющимся «солдатами», он сказал: «Каждый из вас будет подчинен одному из «лейтенантов». Когда вы узнаете, кто это будет, вы познакомитесь со всеми остальными участниками вашей команды».

Затем он рассказал нам, как мы будем действовать, например, если «солдату» необходимо переговорить с боссом, то сначала он обязан обратиться к своему «лейтенанту». Если вопрос действительно важный, то «лейтенант» организует встречу с боссом. Другими словами, «солдату» запрещено когда бы то ни было обращаться к боссу напрямую. Идея состояла в том, чтобы действовать по-деловому и соблюдать порядок.

Затем он изложил другие правила. Организация, данная «Коза Ностра», — превыше всего, над всем, вне зависимости ни от чего. Естественно, что мы уже знали, что наказанием за распространение сведений о «Коза Ностре» и за насилие над женой одного из членов является смерть, но он снова напомнил нам об этом. Он сообщил, что смерть будет наказанием за сообщение женам каких бы то ни было сведений о группировке, а также о том, что приказ, исходящий от босса «лейтенанту» и от «лейтенанта» — «солдату», должен беспрекословно исполняться, в противном случае неподчинившегося ожидает смерть.

Потом были названы правила, не предусматривавшие смерть в качестве наказания. Вместо этого тебя вызывают «на ковер», что означает, что ты провинился, и организуется расследование для принятия решения по твоему случаю. Самое главное правило заключается в том, что в случае бурного недовольства ты не имеешь права заниматься рукоприкладством в отношении другого человека. Это означает сдержанность, которая не должна привести к неприемлемому развитию событий. Запомните, что сейчас мы преодолеваем наши трудности, и это объясняет сказанные затем мистером Маранзано слова: «Все, что имело место в прошлом, позади. Больше между нами не должно быть никакого недоверия. Если кто-то из нас потерял близкого человека в этой нашей завершившейся войне, он должен простить и забыть. Если ваш собственный брат был убит, не пытайтесь выяснить, кто это сделал для совершения мести. Если вы это

сделаете, вы заплатите за содеянное своей собственной жизнью».

Установленный Маранзано порядок организации был впоследствии принят «семьями» «Коза Ностры» по всей стране. А результатом ванного собрания стала структура из пяти «семей» в Нью-Йорке, которая существует до сегодняшнего дня. Маранзано назвал пять первых боссов «семей» — Лючиано, Тома Гальяно, Джозефа Профачи, Джозефа Бонанно и Винсента Мангано. Валачи помнит только трех заместителей боссов, избранных в то время, — Вито Дженовезе в «семье» Лючиано, Альберт Анастазия в «семье» Мангано и Томас Луччезе в «семье» Гальяно. Сам Валачи был избран в гвардию личной охраны резиденции Маранзано, несмотря на то, что он вступал в «Коза Ностру» под эгидой образования, которое теперь называлось «семьей» Гальяно.

Изменения, по его словам, произошли под влиянием сложившейся ситуации. На собрании Маранзано объявил: «Что касается тех членов, кто был со мной, то они будут разделены. Часть группировки вернется к Тому Гальяно, а часть останется со мной. Если есть те, кто хотел бы остаться со мной, вне зависимости от того, был ли он со мной ранее или нет, или он был на моей стороне во время войны, тот имеет право пойти со мной, если у него есть такое желание. Те, кто желает пойти со мной, поднимите руку».

Раздасадованный тем, что Гальяно не попытался лично привлечь его в свою «семью», Валачи, по его словам, «непроизвольно» поднял руку. Тут он заметил, что два других человека Гальяно, Бобби Дойл и Стив Руннелли, тоже подняли свои руки. Почти сразу он пожалел об этом, вспомнив неудачное дело вместе с Руннелли, когда тот стрелял в Гамбино. Однако, когда Томас Люччезе тут же попытался убедить его изменить свое решение и остаться с Гальяно, он подумал, что, сделав это, он очень сильно повредил бы собственному авторитету. «Почему ты поступил таким образом?» — допытывался Люччезе.

— Вы же меня не предупредили, и я решил, что я вам не нужен.

— Пойдем поговорим со стариком и скажем ему, что ты ошибся.

— Нет, — ответил Валачи. — Слишком поздно. Я не собираюсь ничего предпринимать. Пусть мне самому будет стыдно.

Однако положительным моментом было то, что он был удовлетворен возможностью действовать вместе с Громилой из Чикаго и что он мог наконец-то отделаться от Сальваторе Шиллитани, решившего остаться вместе с Гальяно. Что касается других сомнений Валачи, то они исчезли в атмосфере

состоявшегося в Бруклине банкета в честь Маранзано, колоссального как по духу, так и по затраченным средствам. Как признание своего уважения боссы «Коза Ностры» по всей территории Соединенных Штатов жертвовали взносы на мероприятие. Даже Аль Капоне прислал 6 тысяч долларов. Как сказал Валачи, всего было собрано около 115 тысяч долларов. Когда представители различных «семей» прибывали на банкет, каждый выкладывал на стол свой взнос «Никогда в моей жизни я не видел такой кучи денег», — признался Валачи. Впоследствии он начал выполнять свои обязанности у Маранзано в качестве шофера и телохранителя. Но покой в царстве Маранзано продлился недолго.

Официальным прикрытием мистера Маранзано была компания по торговле недвижимостью. Ее конторы располагались в Гранд Сентрал Билдинг на пересечении 46-й улицы и Парк-авеню. Спустя приблизительно шесть месяцев после устранения Джо Хозяина, то есть в первой половине сентября, он приказал нам не входить в конторы с оружием, так как был предупрежден о возможном рейде полиции.

Мне пришлось не по душе такое распоряжение. Один из парней, кажется это был Громила, спросил: «Что ты имеешь в виду?»

— Не знаю, — ответил я. — Мне просто не нравится эта идея. Если что-то случится, мы окажемся беспомощными.

Он посоветовал: «Поговори об этом со стариком».

Я выжидал подходящий момент, чтобы сделать это, однако такой момент должен был быть благоприятным. Мистер Маранзано был не из тех, кому можно говорить, как следует поступать. Во всяком случае, когда через несколько дней я находился в конторе, он сказал, чтобы я пришел к нему вечером домой в Бруклин. Дом был расположен на авеню И, но номер дома я не запомнил.

Я прибыл туда около девяти часов. Когда я вошел в жилую комнату, он бинтовал рану на ноге своего младшего сына, которую тот порезал. На мой взгляд, мальчику было лет восемь. Мистер Маранзано сразу же приступил к делу. Он сказал: «Джо, мне известно, что ты удивлен, что не удостоился большего тогда, во время банкета». Он был прав. Все, что мне причиталось, так это компенсация моих расходов и еще около 100 долларов в неделю. Честно говоря, я даже немножко подрабатывал на стороне.

Он продолжал говорить: «Не беспокойся, ты получишь свою долю и даже больше. Но именно сейчас мы придерживаем деньги, поскольку нам снова предстоят дела». Другими словами, он

сказал мне, что мы вновь возвращаемся к войне. Во время кастелламмарских неурядиц нам приходилось таскать за собой матрасы, поскольку мы часто переезжали с одной квартиры на другую. Иногда мы получали указание за минуту до выезда из жилища, а потому нам всегда были нужны матрасы, чтобы на них спать. Это наше понимание выражения «перейти на тюфяки».

Я продолжал его слушать, пока он объяснял причины. Он сказал: «Я не могу доверять этим двум парням, — он назвал Чарли Счастливчика и Вито Дженовезе, — и нам необходимо от них отделаться, и тогда мы сможем контролировать все». Он говорил и о других, которых также следовало убрать, о таких, как Аль Каноне, Фрэнк Костелло, Вилли Моретти из Форта Ли, что в Нью-Джерси, Джо Красавчик и друг Чарли Счастливчика, не входивший в «Коза Ностру» Голландец Шульц.

Под словами «контролировать все» он подразумевал «итальянскую лотерею», которая в те времена была весьма распространена, а также контроль над строительными профсоюзами, тайную продажу спиртных напитков, ипподромные скачки и тому подобное. Являвшийся боссом евреев Голландец Шульц имел самый крупный лотерейный банк в Нью-Йорке, а Чарли Счастливчик контролировал лотерейный бизнес пригорода.

Неужели неясно, кто намерен осуществлять тотальный контроль? Нужно напомнить, что всего несколько месяцев мы жили в мире. Единственное, чего мне хотелось, так это нормальной жизни. Но, естественно, я не осмелился что-либо сказать.

После этого мистер Маранзано известил меня, что он намерен провести последнюю встречу с Чарли Счастливчиком и Вито на следующий день в два часа. Тут я получил возможность сказать свое мнение об отсутствии оружия: «Не стоит подвергать себя опасности. Представь себе, что этим парням известно кое-что о наших планах». Однако он продолжал пространно говорить о том, что нам предстоит сделать и какими могущественными мы станем, что он почти не обратил на это внимания, но в конце беседы сказал мне: «Хорошо, позвони в контору без пятнадцати два, чтобы уточнить, необходимо ли мне твое содействие».

Я вернулся домой и провел ночь, ворочаясь с боку на бок. У меня имелись все основания для беспокойства. Если что-то случится с мистером Маранзано, то для меня тоже все будет закончено. Удача не со мной, и мне нужно подчиниться судьбе. Единственное, что смогу сделать, это ждать своей кончины. В тот вечер я позвонил в контору, и Чарли Буффало — наш парень — взял трубку и сказал, что все отлично и нет необходимости

приезжать. Сразу же после моего звонка в контору заскочил Редкозубый — он остался с Гальяно, что явилось еще одной причиной того, что я должен был сделать то же самое — и сказал: «Привет, я искал тебя. Я познакомился с новыми девицами в Бруклине. Поехали туда, там и проведем с ними время».

Я ответил: «Хорошая идея. У меня нет никаких планов». Итак, мы поехали в Бруклин и развлекались с девицами почти до полуночи, а четверо из нас решили вернуться в Манхэттен поесть. Мы пошли в ресторан, который Чарли Джонс держал на пересечении Третьей авеню и 140-й улицы. Когда мы находились в ресторане, я заметил, что происходит что-то странное. Сначала один парень, а затем другой вошли в ресторан и пристально посмотрели на нас. Я спросил Редкозубого: «Ты обратил внимание на то, что бросилось мне в глаза?» Он ответил: «Да, но я не пойму, в чем дело». Тогда я подошел к Чарли Джонсу. Он не принадлежал ни к какой группировке, но у него были связи и он многое знал. Он шепнул мне: «Джо, уходи домой».

Это было все, что мне полагалось услышать. Я обратился к Редкозубому: «Что ты об этом думаешь?», и он ответил: «Что ж, уходи». Мы дали девицам денег, чтобы они смогли возвратиться в Бруклин. Редкозубый остался с Чарли, а я поехал домой один. По дороге я остановился на Лексингтон авеню, чтобы купить газету. Машинально положил ее рядом с собой на сиденье. Я вел машину очень медленно и обдумывал ситуацию. Я никак не мог понять, что должно было случиться. Это довольно сложно объяснить, я был взволнован, но не знал, почему я волнуюсь. Когда я приехал домой, то послал своего младшего брата на улицу, чтобы он поставил машину в гараж. Я же сел на стул и раскрыл газету — тут и была разгадка: все о том, как был убит старик в своей конторе на Парк авеню.

История гласила, что несколько мужчин, представившихся агентами сыскной полиции, вошли во внешнее помещение мистера Маранзано, которое являлось своего рода приемной, и поставили всех, кто здесь находился, к стене. Затем два псевдоагента вошли внутрь, где они застрелили его и перерезали горло. Первое, что я вспомнил, было требование мистера Маранзано не носить оружие в конторе, из-за возможного рейда полиции. Далее я прочитал о том, что, когда прибыли настоящие полицейские, они обнаружили Бобби Дойла на коленях около старика и забрали его как живого свидетеля.

И тут я сказал себе: неудивительно, что Редкозубый забрал меня в Бруклин. Ему должно было быть известно все о предстоящем деле и он держал меня подальше от места происшествия. Можете себе представить, что я ощущал в тот

момент.

Глава 5

Убийство Маранзано явилось частью запутанной, непостижимой цепочки из числа убийств, вдохновлявшихся тем самым франтоватым, вкрадчивым, с холодными глазами Чарли Счастливчиком Лючиано, который так тонко организовал устранение Массерия всего несколько месяцев тому назад. В день смерти Маранзано около сорока руководителей «Коза Ностры», являвшихся его приближенными, были умерщвлены по всей стране. Практически все они принадлежали к числу старых, родившихся в Италии функционеров, уничтоженных молодым поколением, стремившимся к власти.

Валачи тут же ушел в подполье, как только узнал о том, что трое парней, которых он завербовал для Маранзано, — Стефан (Щеголь Джонс) Казертано, Питер (Пити Маггинз) Мионе и Джон (Джонни Ди) Де Беллис, — едва избежали смерти, когда по ним был открыт огонь во время их прогулки по Лексингтон авеню. Валачи подумал: «Если они хотят устранить их, то мне остается предположить, что они будут охотиться и за мной». Первым, к кому он обратился, был Ник Падоваво, с которым его принимали в члены «Коза Ностры». Падовано без особого желания разрешил ему переночевать у себя, но слезно просил его уйти рано утром. «Я обязан поставить их в известность, если увижу тебя, — сказал Падовано. — А потому, ради Христа, не говори никому, что ты был здесь».

В отчаянии Валачи позвонил сыну Гаэтано Рейна и напомнил ему, как он боролся, чтобы отомстить за смерть его отца от рук Массерия. Молодой Рейна, будучи сам членом «семьи» Гальяно, согласился, что он многим обязан Валачи, вновь используя свои прошлые заслуги, позвонил Томасу Люччезе. «Оставайся на месте, — сказал ему Люччезе. — Ты в безопасности там, где находишься. Я подумаю, что можно для тебя сделать».

Через два дня Люччезе позвонил и сообщил, что он сам и Гальяно хотели бы встретиться с ним. Когда Валачи приехал, то, по его утверждению, говорил в основном Люччезе. Люччезе начал с того, что спросил Валачи о том, было ли ему известно, что Маранзано угонял принадлежащие Люччезе грузовики со спиртным. «Томми, — сказал Валачи, — мне ничего не известно об этом, да поможет мне Бог».

Люччезе продолжал давить на него. Видел ли он большие суммы денег, которые делили в конторе Маранзано? «Да, — ответил Валачи, — но я не задавал никаких вопросов. Ты знаешь, как к этому относился старик». Был ли ему известен тот факт, что

Маранзано тайно содержал внештатного убийцу вне структуры «Коза Ностры» — Винсента (Бешеный Пес) Колла, чтобы уничтожить Лючиано и Вито Дженовезе? «Нет, — отрицал Валачи, — я не знал об этом, поверь мне! Я ни разу ничего не слышал об этих делах. К чему вы все это клоните?»

— Джо, — обратился к нему Лючеззе, — я думаю, ты все понимаешь, но необходимо проверить тебя. Я должен сообщить тебе, что старик сошел с ума и собирался развязать новую войну. Он не мог спокойно переносить одиночество.

В этот момент Валачи совершенно отчетливо все вспомнил. Тем временем Люччезе продолжал: «Теперь Том Гальяно хочет, чтобы ты снова был вместе с нами, но при условии, что ты скажешь всю правду. Однако мы заинтересованы только в тебе, а не в Бобби Дойле или этих трех парнях, которых ты привел к старику. Обдумай все в течение нескольких дней, пока мы разберемся с твоей историей. До истечения этого времени тебе не стоит ни о чем беспокоиться».

Имея, как минимум, возможность попасть на чердак Рейна, Валачи возвратился в квартиру в Восточном Гарлеме, которую он содержал для своей матери, младшего брата и сестер. Однако почти сразу же возникли новые осложнения, когда Громила из Чикаго, который исчез после убийства Маранзано, однажды ночью нанес ему визит. «Что будем делать? — спросил Громила. — Будем бороться? Если нет, то они в любом случае перебьют нас одного за другим».

— Не знаю, что и подумать, — сказал Валачи. — Возможно, ты прав. Давай дождемся Бобби Дойла. Не попадайся никому на глаза и ни с кем не вступай в разговоры.

Громила, однако, не прислушался к совету. Через неделю, по утверждению Валачи, он был убит в восточной части Манхэттена по приказу Лючиано и Дженовезе. Куда делось его тело, остается загадкой; как отметил Валачи, гангстеры могут организовать убийство так, что в полиции никогда не появится никаких свидетельств. Между тем Дойл был, наконец, освобожден из-под стражи после убийства Маранзано.

Все это время я ждал, когда выпустят Бобби на свободу, и только тогда узнал, что произошло в конторе на Парк авеню. Он рассказал мне, что все они сидели в приемной, когда вошли те четверо евреев и предъявили эмблемы агентов полиции. Я полагаю, что одним из них был Голландец Шульц, ну а другие походили на настоящих ребят Майера Лански. Чарли Счастливчик вполне мог прибегнуть к их услугам, поскольку его «семья» действовала совместно с Лански в его еврейской войне с

Уокси Гордоном. Во всяком случае, сказал Бобби, услышав шум, старик появился из внутреннего помещения, чтобы узнать, что происходит, и один из псевдоагентов спросил: «С кем бы мы могли переговорить?» Старик ответил: «Вы можете решить вопросы со мной». Тогда двое из них прошли вместе с ним внутрь, а двое других зорко следили за оставшимися в приемной.

Через много лет после этого случая я встретил одного из парней, кто вошел вместе со стариком внутрь. Я столкнулся с ним на скачках. Звали его Ред Левайн. Я сказал ему: «Я слышал, ты был там». Левайн ответил: «Да. Он был крепкий орешек». Он рассказал мне, что они намеревались покончить с ним с помощью ножа, чтобы все было тихо, но старик стал сопротивляться, и им пришлось сначала воспользоваться оружием.

Естественно, Бобби Дойлу ничего не было известно об этом, поскольку он находился в приемной. Единственное, что он помнит, так это звук нескольких выстрелов, а затем Левайн и другой парень-еврей выскочили из кабинета и предложили всем уносить ноги. Однако Бобби сказал, что он вбежал в кабинет посмотреть, можно ли было еще чем-нибудь помочь старику. Тут нагрянули полицейские и схватили его.

(В документах полиции Нью-Йорка зафиксировано, что в 2 часа 50 минут 10 сентября 1931 года некто Сальваторе Маранзано, мужского пола, белый, проживающий в Бруклине на авеню И, 2706, был убит в конторе Игл Билдинг Корпорейшн в помещении номер 925 и 926 по адресу: Парк авеню, 230. Преступниками являлись четверо неизвестных мужчин, выдававших себя за служащих полиции. Причина смерти: четыре огнестрельных и шесть ножевых ранений).

И вот я обратился к Бобби: «Громила намерен бороться. Что ты думаешь по этому поводу?» Он ответил: «Бессмысленно. Все оружие нацелено на нас. Дай мне несколько дней сроку. Я знаю Вито достаточно хорошо». Я спросил: «Что ты замыслил?» И в ответ услышал: «Возможно, мы будем действовать вместе с Вито». Сказать по правде, я был потрясен, но поинтересовался: «Хорошо, а что я, по-твоему, должен делать?» Он произнес: «Просто позвонить мне через пару дней».

Тем временем я разыскал своего доброго друга Редкозубого, и мы немного прогулялись. Я обратился к нему: «Послушай, что мне делать? Я понимаю, что мистер Маранзано совершил массу грязных дел, и во всяком случае создается впечатление, что мы не собираемся добиваться возвращения. Том Гальяно хочет, чтобы я вернулся к нему под крылышко, а теперь Бобби говорит, что мы можем пойти к Вито. Что бы ты мне посоветовал?»

Редкозубый ответил: «Иди к Вито».

Но у меня еще не было полной уверенности. Тогда Редкозубый пояснил, что в случае со мной, кто был столь близок к старику, наилучшей возможностью выбраться из ямы, где я находился, — это работать с Вито, который действует вместе с Чарли Счастливчиком. В этом случае никто никогда даже не осмелится спросить, с кем я.

Итак, я позвонил Бобби, и он сообщил мне, что договорился о встрече с Вито Дженовезе на завтра. Затем он поинтересовался: «Как думаешь, ты мог бы найти для них других парней?» — имея в виду Щеголя Джонса, Пити Маггинза и Джонни Ди. Все мы встретились с Вито в отеле «Корниш армн» на западной окраине города на 23-ей улице. Когда мы туда прибыли, то Вито обратился к нам со словами: «Я хочу, ребята, чтобы вы были вместе со мной, поскольку намерен вернуть вам то уважение окружающих, которое вы заслуживаете». Другими словами, он подразумевал, что организует все так, что нам не нужно будет заботиться о собственной безопасности из-за того, что за нами кто-то охотится, поскольку мы были вместе с Маранзано.

Он сказал: «Ваша работа с нами обеспечит вам уважение, и все вернется на круги своя». Он объяснил нам, что его люди в тот период располагали большой властью. Кроме того, он сам являлся заместителем босса, Чарли Счастливчика. Поверьте мне, я много размышлял. Вы не знаете, что значит находиться на вершине славы и в один день оказаться у разбитого корыта. Мне известно, что на поминки к старику никто не пришел.

Затем Вито отметил: «Вы знаете, что мы сделали все за считанные минуты». Теперь я понял, что стояло за всем этим. Помню, когда я поехал в Бруклин для встречи со стариком, тот сообщил мне, что намерен встретиться на следующий день с Чарли Счастливчиком и Вито. Именно тогда он намеревался их уничтожить. У него был парень-ирландец Винсент Колл, пришедший, чтобы убить их. Он использовал Колла, поскольку тот ненормальный: расстреливал всех и вся повсюду в Нью-Йорке, а потому, кто бы смог заподозрить мистера Маранзано в причастности к такому убийству? Колл только входил в здание, когда старик уже был убит. Видимо, здесь шла двойная игра. Все это наводило на подозрение причастности к этому делу Бобби Дойла, но у меня нет никаких фактов.

Мне повезло, что меня не было в конторе. Редкозубый спас мне жизнь, вовремя подстраховав меня. Однако много других лиц из окружения мистера Маранзано, спавших в ту ночь в постелях, заснули навсегда. Они застали врасплох Джимми Марино, который сидел в кресле в парикмахерской в Бронксе, они сбросили Сэма Монако и некоторых других парней, бывших

ключевыми фигурами в Нью-Джерси, в реку Пассаик. Сэму забили в зад металлическую трубу.

(В документах полиции Нью-Йорка имеется запись, что в 17 часов 45 минут 10 сентября 1931 года, в день убийства Маранзано, Джеймс ле Поре, известный также как Джимми Марино, мужского пола, белый, когда он находился в дверях парикмахерской на Артур авеню, 2400 в Бронксе, был поражен шестью выстрелами в голову и тело, что привело к смертельному исходу. В документах полиции Нью-Джерси говорится, что 13 сентября 1931 года два трупа были обнаружены в воде у берега в заливе Ньюарк. Один труп был идентифицирован как Самуэль Монако, а другой — как Луис Вассо. У обоих были разбиты головы и перерезано горло. Они были обвязаны шнуром, к которому был прикреплен груз. Бюллетень о пропавших без вести сообщал об исчезновении Монако 10 сентября. Между тем его автомобиль был обнаружен припаркованным на 46-й улице недалеко от Парк авеню в Нью-Йорке).

Я спросил Вито, как так случилось, что прошли эти убийства. Он объяснил мне, что когда умирает босс, то все его приближенные следуют за ним, но теперь уже все закончено, и у нас нет поводов для беспокойства. После этого он вернулся к рассказу о том, как Маранзано угонял грузовики со спиртным, принадлежавшие Чарли Счастливчику, а также говорил еще о чем-то. Вито изрек: «Если бы старику удалось провести в жизнь свою политику, то мы все перегрызли бы друг другу горло».

Тогда я спросил: «Если вы все полагали, что он совершает так много ошибок, то почему вы не пытались сблизиться со мной?»

— Мы не могли сблизиться с тобой, — отреагировал Вито. — Старик полагался на тебя на все 100 процентов.

Другими словами, он дал мне понять, что опасался, что я предупрежу Маранзано, и он был прав. Я ему так и сказал. Затем объявил: «Если я принимаю вашу сторону, я хочу действовать не как обманщик». Мне было не по душе работать с Вито, но что оставалось делать?

Итак, я влился в «семью» Чарли Счастливчика. Вито взял нас с собой в Городок и представил Тони Бендера, настоящее имя которого было Энтони Стролло. Необходимо напомнить, что каждая «семья» подразделялась на так называемые команды. Вито поставил меня в команду Тони. Так что для меня он стал «лейтенантом».

Сальваторе Лючиано заплатил за кличку дорогой ценой. В незапамятные времена, когда он поднимался по иерархическим ступеням итальянского преступного мира, его выкрали конкуренты-бандиты, искавшие тайник с наркотиками, который

он прятал. Лючиано привезли в пустынное место на остров Стэйтен и подвесили за большие пальцы рук на дерево. Его пытали лезвиями от бритвы, зажженными сигаретами, но он отказался говорить. Полагая, что он скоро умрет, инквизиторы бросили его на произвол судьбы. Лючиано, однако, выжил, и родилась легенда о Чарли Счастливчике. Благодаря подобным, неоднократно повторявшимся, инцидентам он, естественно, стал наиболее влиятельным лидером, какие только были известны в «Коза Ностре», и устраивал приемы в сопровождении избранной свиты в гостинице «Валдорф-Астория», где он проживал как «Господин Чарльз Росс». Во времена, когда преступная деятельность — «купленные скачки», подпольная «лотерея», вымогательство, наркотики, ростовщичество и т. п. — осуществлялась в Нью-Йорке вяло, он не участвовал в ней и никуда не вмешивался.

После первоначальной чистки «преданных» Маранзано лиц широкомасштабное кровопускание, охватившее «Коза Ностру», в значительной мере сократилось. Действительно, как утверждает Валачи, Лючиано попытался быстро снять ту атмосферу напряженности, которая существовала в районе Нью-Йорка, учредив институт советников в составе шести человек, — по одному от каждой из пяти нью-йоркских «семей», а шестой представлял близлежащий Ньюарк; в обязанность советников входила защита отдельных «солдат» от личного возмездия со стороны различных «лейтенантов», которые могли оказаться их мишенью во время Кастелламмарской войны. Советники, как заявил Лючиано, должны были выслушивать аргументированное обвинение против каждого конкретного «солдата», прежде чем дать санкцию на исполнение смертного приговора. Если голоса разделялись поровну, любой из боссов имел право присутствовать и объявлять свое решающее слово. В то время как советников игнорировали или прислушивались к ним, создание этого института, по меньшей мере, способствовало созданию атмосферы стабильности, к которой стремился Лючиано.

Лючиано также упразднил пост босса всех боссов, столь близкого сердцу Маранзано; фактическая власть была для него гораздо важнее, чем ее формальные атрибуты. И сама организация его собственной «семьи» символизировала, по крайней мере для непосвященного глаза, окончательный разрыв со старой системой враждебности между неаполитанцами и сицилийцами. Лючиано был родом из Сицилии; его второй человек, Дженовезе, родился в Неаполе. Но наиболее существенным было то, как Лючиано изменил сферу деятельности и авторитет «Коза Ностры» в преступном мире США.

Проницательный, одаренный богатым воображением и, прежде всего, прагматичный, он упразднил традиционную клановость своих предшественников и стал участвовать в совместных действиях с такими преступными сообщниками итальянцев, как Голландец Шульц, Луис (Лепке) Бухальтер, Майер Лански и Эбнер (Длинный) Цвильман. Однако в то же самое время он тщательно оберегал индивидуальность «Коза Ностры», поскольку, как считал Лючиано, мирное сосуществование являлось, скорее, шагом в направлении полного доминирования организованной преступности.

Тем не менее с целью консолидации собственных сил Лючиано сразу же пришлось искать оправдание для успокоения ключевых фигур «Коза Ностры» в связи с устранением Маранзано. «Когда босса убивают, — подчеркивал Валачи, — необходимо объяснить остальным, почему это было сделано». И, к своему удивлению, Валачи узнал от Дженовезе, что Чарли Счастливчик хотел, чтобы Валачи лично давал показания против Маранзано в Чикаго, где Каноне, хотя и находился на грани ареста за уклонение от уплаты налогов, был еще в силе, с которой приходилось считаться.

— Почему я? — удивился Валачи.

— Во-первых, потому, что ты известен как приближенный старика, — объяснил Дженовезе. — А, во-вторых, будучи одним из его «солдат», ты не получил ничего, когда его убрали. Так какой смысл тебе лгать?

Валачи взмолился, поскольку он не был достаточно красноречив для столь деликатного дела, и предложил, чтобы более опытный член, например такой, как Бобби Доил, был направлен вместо него. В действительности боеспособный, но всегда осторожный, Валачи опасался, что подобного рода миссия предполагала непредсказуемый риск, если готовился новый переворот. Однако, какими бы неубедительными ни казались его сомнения, он свое сказал. Дженовезе согласился, и Дойл, вдохновленный авторитетом, который он завоюет в ходе поездки, был направлен для встречи с «нашими друзьями в Чикаго», как их называл Валачи.

Вскоре после этого Валачи вместе с Дойлом ощутил впервые реальное преимущество членства в «семье» Лючиано. Фрэнк Костелло, являвшийся в то время коварным «лейтенантом» Лючиано, стремился к политическому влиянию с тем, чтобы укрепить свои позиции. Нью-Йорк был идеальным местом для Костелло в те времена. При нерешительном правлении мэра Джэймса Уокера он «открыл» город для игровых автоматов и руководил этим бизнесом.

Валачи и Дойл обратились к своему «лейтенанту» Тони Бендеру и спросили, есть ли у них возможность обзавестись «несколькими игровыми автоматами». Бендер отвел их в контору вторсырья на Томпсон-стрит в Гринвич-виллидж, которую Вито Дженовезе использовал как легальное прикрытие. Это был один из тех дней, когда здесь находился Лючиано. Когда дверь во внутреннее помещение открылась, Валачи вдруг почувствовал, что его туда вталкивает Бендер, в то время как Дойл, страдавший в тот момент от сильной простуды, остался снаружи. Лючиано в величественной позе обратился не к Валачи, а к Бендеру: «Что ему нужно?»

«Он хотел бы получить несколько игровых автоматов».

Пока Валачи ожидал, молча нервничая в присутствии великих людей, он в конце концов услышал голос Лючиано: «Хорошо, дай ему двадцать штук».

Это однако не означало игровых автоматов в реальном смысле; Валачи и Дойл должны были сами оплатить их приобретение. Это лишь свидетельствовало, что Валачи получил право на двадцать специальных наклеек, которые ему должен был дать Костелло. Теоретически, поскольку игровые автоматы были номинально не запрещены, любой предприниматель мог установить один автомат в задней части кондитерской лавки, плавательного бассейна и т. п. Фактически, если на автомате не было наклеек Костелло, цвет которых периодически изменяли, он сразу же становился не только объектом действий со стороны группировки, но и конфискации со стороны полиции. Однажды, как рассказал Валачи, какой-то полицейский, обходя свой район патрулирования в Манхэттене, выплеснул, непонятно по какой причине, бутыль с томатным соусом на «защищенный» игровой автомат и был быстро переведен в отдаленный район Квина. «Теперь, — вспоминал Валачи, — нетрудно было догадаться, кто его туда отправил».

Валачи должен был сам позаботиться о том, где разместить автоматы. Он выбрал наиболее знакомый ему район — Восточный Гарлем — и вместе с Дойлом, как только они установили их в нужных местах, стал зарабатывать около 2,5 тысяч долларов в неделю. Валачи нанял брата своего бывшего знакомого, скупщика краденного Фэтса Уэтса, для обслуживания автоматов и сбора денег. Однажды Валачи сам поиграл на одном из них, удваивая или утраивая обычную ставку, чтобы убедиться, будет ли ему возвращено превышение суммы. К счастью для здоровья молодого Уэтса, он оказался честным парнем.

Валачи получал истинное удовлетворение, кроме, естественно, прибыли, от того, что он был «признан своим парнем

в группировке» и обладал связями. Первая возможность проявить себя, помимо того, что он уже имел, представилась, когда пожилой Александр Воллеро был освобожден из тюрьмы Синг-Синг, отсидев четырнадцать лет за убийство брата Чиро Терранова [14]. Воллеро, опасавшийся, что Терранова будет стремиться отомстить, направил эмиссара к Валачи с просьбой о содействии. «Старичок теперь никого не знает, — сказал эмиссар, — но он слышал, что вы с Вито и его людьми. Вы могли бы чем-нибудь ему помочь?»

Валачи вспомнил Воллеро с нежностью, пообещал подумать, что он сможет сделать, и обсудил вопрос с Вито Дженовезе. Поначалу Дженовезе не проявил желания быть причастным к этой волнующей истории: «Когда, черт побери, это случилось, двадцать лет тому назад?» Но в конце концов он сказал, что Воллеро может больше ничего не опасаться. Когда Валачи передал добрые вести, для него ничего не могло быть более приятным, чем сходить домой к Воллеро в гости. «Это было действительно кое-что, — вспоминает Валачи. — Он собрал всю свою семью, чтобы поприветствовать меня. Он называл меня своим спасителем. Мы пообедали, и это было в последний раз, когда я его видел. Позже я узнал, что он возвратился в Италию и умер в мире и покое».

Тогда будучи в возрасте двадцати шести лет, в последнее время разбогатевший и пользовавшийся уважением, Валачи был готов жениться. Его роман с владелицей танцевального зала Мэй продолжался, однако он узнал, что она проявляла неверность во время его частых отлучек из-за перипетий Кастелламмарской войны. «Я говорил ей, что побуду с ней некоторое время, но ни о чем постоянном не могло быть и речи».

Настоящая любовь охватила его, когда он скрывался в доме Рейна и встретил старшую дочь почившего преступника, Милдред. Ей было в то время двадцать два, она приходила на чердак каждый вечер, чтобы составить ему компанию. И когда он вышел из своего укрытия, то стал часто наведываться в дом Рейна. Но мать Милдред, ее брат и дядюшки, как только поняли, что происходит, отнюдь не порадовались возможности лицезреть Валачи в качестве будущего жениха. На долю Ромео и Джульетты не выпало столько страданий, которые вытерпели Джозеф и Милдред. Прежде чем все разрешилось, их роман походил на травлю зверя во время охоты, на попытку самоубийства и, наконец, привел к вмешательству самого Вито Дженовезе.

Когда я сидел на чердаке, Милдред поднималась ко мне по лестнице, напоминавшей шторм-трап, и мы болтали. Она сказала,

что много слышала обо мне. Я спросил ее, кто же ей все это наговорил, и она назвала Чарли Ковша, — парня, которого я использовал для продажи краденых вещей.

После того, как все было урегулировано с Вито относительно дел Маранзано, я был вновь приглашен в этот дом на обед ее братом. Я принял приглашение и пришел туда вместе с Джонни Ди. В течение всего обеда Джонни пинал меня ногой под столом и шептал, что Милдред по уши в меня влюблена и не может скрыть этого. Когда мы ушли, я сказал Джонни, что Милдред прекрасная девушка, с ней все в порядке, однако ее семья довольно холодно относится ко мне, и лучше, видимо, не связывать себя с ними узами родства. Во всяком случае, я сделал вид, что не знаю, как мне себя с ней вести, так как я привык иметь дело с девицами из танцевального зала. Я уже собирался забыть все эти дела, как вдруг идея — окончательно разрубить этот узел — начала овладевать мной. Я пытался проводить время с некоторыми жившими по соседству симпатичными девицами. Но это не помогло. Все они выглядели жалкими по сравнению с Милдред.

Через несколько дней у нас с Бобби Дойлом разговор каким-то образом зашел о ней. Бобби достаточно хорошо знал ее семью. Он даже был знаком со стариком до того, как его убил Массерия. Бобби рассказал мне, что его жена Лена говорила, что я очень нравлюсь Милдред. «Да, — сказал я, — с Милдред все в порядке, но ее мать — суровая женщина, а брат, по-моему, похож на мать. Ну, а о ее дядюшках я вообще не хочу говорить».

— Почему они тебя должны волновать? — спросил Бобби. — Самое главное, как она к тебе относится.

Я сказал, что не знаю, как мне быть. Кроме того, вся моя родня из Неаполя, а они — сицилийцы.

Через несколько дней жена Бобби сказала мне, что Милдред хотела бы, чтобы я поговорил о нас с ее братом. Я ответил, что не стану этого делать. В конце концов Лена сообщила, что Милдред намеревается уйти ко мне. Она имела ввиду, что Милдред готова покинуть дом и выйти за меня замуж. В то время я жил на 108-й улице, 335. Здание было только что отстроено, в нем имелись паровое отопление и горячая вода, а у нас было четыре комнаты, так что это было приемлемым вариантом для проживания на некоторое время. Я спросил Лену, как мне узнать, когда Милдред будет дома одна, но она сказала, чтобы я предоставил ей возможность все сделать самой.

Когда она мне все это сказала, я поспешил к Милдред. Все ее вещи были собраны для отъезда, но тут ее сестра Роуэ заявила, что ей тоже нужно уйти, или они изобьют ее до смерти. Как

только я услышал это, я попросил, чтобы Милдред распаковала свои вещи, и сказал: «Ладно, я поговорю с вашим братом».

Я был озадачен, когда ее брат сообщил мне, что он ничего не имеет против нашего брака. Но в следующий момент сказал, что Милдред находится в госпитале. Она выпила пузырек йода. Я спросил, почему она это сделала. Оказалось, что брат сказал ей, что я не хочу иметь с ней никаких дел. Теперь мне стало ясно, как они действовали. Ее брат говорил мне одно, а ей — противоположное. Лена попросила меня не подниматься на второй этаж, так как там не убирались. Я поинтересовался у нее, может быть, мне лучше следует бросить все, но она сказала: «Ты — хороший парень. Она выпила йод из-за тебя, а ты говоришь такие вещи».

Тогда я отправился к Вито в его контору на Томпсон-стрит по соседству с хранилищем вторсырья, владельцем которого он был, и рассказал ему все без утайки. Он заверил, что замолвит за меня словечко и намерен поговорить с дядьями Милдред обо всем. «Не переживай, — успокоил он, — я знаю, что им сказать».

— Но вы дадите мне знать о результатах? — спросил я.

— Конечно, — ответил он, — а пока иди занимайся своим делом и положись на меня. Не вступай с ними ни в какие разговоры. Не теряй голову, поскольку это как раз то, чего они ждут. Я знаю этих девчонок. Они росли, как птицы в клетке. Они никогда нигде не были. Единственное место, куда им разрешалось ходить одним, — в кино по соседству.

Через несколько дней Вито сообщил мне, что сицилийцы, имея в виду дядюшек Милдред, капитулировали. Он порекомендовал им не совать свой нос в это дело. Если им было дозволено жениться на своих женах, то Джо может взять в жены Милдред. Если Джо не подходит для этого, то никто из нас не может на это претендовать. Кроме того, он, как бы между прочим, сказал им, что они знают, как ко всему относится Джо, и сообщил им, что намерен быть моим ярым сторонником. Он известил их также, что Чарли в курсе событий и он поддерживает Джо. Упоминая Чарли, он, конечно, имел в виду Чарли Счастливчика.

Затем Вито сказал мне: «Я сделаю для тебя даже больше. Я заеду к ним домой и поговорю с матерью. Договорись с ней о моей встрече». Я выполнил его просьбу, и Вито приехал и сообщил ей, что он взял на себя всю полноту ответственности за мою судьбу. Все вроде бы разрешилось, но старая леди все еще не была готова подчиниться обстоятельствам. Она выставила условие, чтобы Милдред и я подождали шесть месяцев, когда можно будет объявить о помолвке. Ей запрещалось где-либо бывать вместе со мной, и единственным местом, где мне

разрешалось видеть ее, был их дом, причем приходить я мог только по воскресеньям.

Честно говоря, я чуть было не послал все это подальше. Когда я приходил по воскресеньям, у нас с Милдред не было никакой возможности остаться одним. После еды единственное, что мы могли, так это сидеть и разговаривать, старая леди или брат были все время рядом. Если мы с Милдред садились на софу слишком близко друг к другу, они всегда находили повод, чтобы позвать ее в другую комнату. Не знаю, как я все это вытерпел до празднования помолвки. Тогда было объявлено, что венчание намечено на 18 сентября 1932 года. В промежутке между помолвкой и венчанием продолжалась та же самая воскресная экзекуция с той лишь разницей, что Милдред и ее сестра Роуэ были заняты согласованиями относительно церемонии, покупали платья, осматривали апартаменты и занимались тому подобными делами. Ну, а я, естественно, был занят делами со своими игровыми автоматами.

После венчания наше торжество проходило в Паям Гарденс на 52-й улице рядом с Бродвеем. Оно было весьма пышным, и только за аренду зала пришлось заплатить почти тысячу долларов. Это были большие деньги в те времена. Я нанял две группы оркестрантов для того, чтобы все могли танцевать без перерыва. Были поданы тысячи сэндвичей и больше, чем на 500 долларов итальянских блюд и всяких сладостей. Несмотря на запрет, было много вина и виски. Я получил также двадцать пять баррелей пива в качестве подарка от одного из парней.

В тот период все еще помнили убийство Маранзано и все перипетии, которые этому предшествовали. Подспудно еще существовала напряженность, а потому мне пришлось осуществлять выбор приглашаемых весьма тщательно. Но я должен сказать, что оказалось много случайных людей, которые приходили или присылали деньги.

Вито Дженовезе не мог присутствовать на венчании, не помню, по какой причине, и он прислал вместо себя Тони Бендера. Однако на торжество он пришел. Здесь были Том Гальяно и Томми Браун. Чарли Счастливчик прислал конверт с деньгами, Вилли Мур, Фрэнк Костелло, Джо Банан и Джо «Док» из старой группировки, которая работала вместе с Маранзано, но Громила к этому времени был уже мертв. Здесь были Альберт Анастазия и Карло Гамбино. Присутствовал также Винсент Мангано, который впоследствии стал боссом, однако тогда в течение длительного времени нигде не появлялся. Джо Адонис прислал деньга. Пришел Джо Жук. Тут же были Бобби Дойл, Томми Рай, Фрэнк Ливорси, Джо Бруно, брат Вилли Мура Джерри, Джони Ди, Джо

Бруно, Пяти Маггинз и, конечно, Редкозубый, Майк Миранда, а также все ребята с Тони Бендером, которые входили в мою команду. Трудно вспомнить все имена, но зал был полон.

После всех расходов на аренду квартиры и покупку мебели, в том числе восточного ковра, у нас осталось еще около 3 тысяч 800 долларов от суммы, которую мы извлекли из конвертов, полученных в подарок. Единственная ошибка состояла в том, что Милдред выбрала квартиру на Бриггс-авеню в Бронксе недалеко от Мошолу Парквэй, другими словами, в двух шагах от своей матери.

Несмотря на этот романтический антракт, нужно было, как обычно, возвращаться к работе. Вскоре после своей женитьбы на Милдред Валачи получил свой первый «контракт» на убийство со времени вступления в «семью» Лючиано. В «Коза Ностре» солдату, такому как Валачи, никакой оплаты за подобное исполнение поручения не причиталось; это просто являлось частью его работы. Он был не знаком с жертвой и весьма поверхностно был осведомлен о причинах, по которым она должна была умереть. Его «лейтенант», Тонн Бен-дер, передал приказ. Информация носила фрагментарный характер. Подлежащий устранению субъект был известен под кличкой Мелкие Яблоки, и Валачи так никогда и не узнал его настоящего имени. Бендер сообщил, что ему приблизительно двадцать два года и он постоянно бывает в магазине, торгующем кофе, на 109-й улице. Бендер, как бы между прочим, упомянул, что два брата Мелких Яблок обманули Лючиано и Дженовезе несколько лет тому назад и в результате были убиты. Видимо, существовали подозрения, что он собирался предпринять попытку отомстить за их смерть. Валачи не пытался выяснить у Бендера подробности; это действительно его не волновало.

Когда «солдат» получает «контракт», он несет ответственность за его успешное исполнение. Он может, однако, привлечь других членов в помощь для выполнения «контракта». Валачи выбрал себе в помощники Пити Маггинза и Джонни Ди, которые присоединились к «семье» Лючиано в одно время с ним. Затем он начал постоянно бывать в магазине по продаже кофе и случайно завязал знакомство с Мелкими Яблоками. В течение следующих двух или трех дней Валачи заходил периодически в магазин с тем, чтобы приобрести кофе и поболтать с парнем. Тем временем он подобрал несколько подходящих для убийства мест и окончательно остановил свой выбор на взятой в аренду квартире на расстоянии одного квартала от магазина, на 110-й улице. Она отвечала целям Валачи. На первом этаже никто не

проживал, а на заднем дворе не было забора, который мог бы помешать быстрому уходу. Согласно его плану, Маггинз и Джонни Ди должны были сначала находиться в подъезде и затем завлечь Мелкие Яблоки в арендованную квартиру под предлогом того, что в квартире наверху играют в карты.

В день убийства Валачи договорился встретиться с Мелкими Яблоками вечером в магазине по продаже кофе. «Привет, — сказал он, — пойдем пройдемся. Я слышал, здесь где-то играют по-крупному, чуть выше по улице».

«Отлично! Мне как раз этого не хватало!»

Как рассказал Валачи, он шел сзади Мелких Яблок, когда они входили в квартиру, и вдруг он резко повернулся и убежал. «Я услышал выстрелы, но, естественно, продолжал идти по улице».

(В материалах полиции Нью-Йорка имеется запись о том, что в 21 час 20 минут 25 ноября 1932 года мужчина, белый, обнаружен в подъезде дома номер 340 по 110-й улице. Причина смерти: три огнестрельных раны в голову).

Валачи направился прямо домой. «Ведь я был женат всего пару месяцев, и мне не хотелось, чтобы Милдред думала, что я уже где-то шляюсь», — вспомнил Валачи.

Глава 6

Бизнес Валачи с игровыми автоматами, столь мило защищенный Фрэнком Костелло с помощью наклеек, рухнул вскоре после его женитьбы. Обвинения в коррумпированности муниципальных властей вынудили мэра Джимми Вокера уйти в отставку, и кандидат-реформатор Фиорелло ла Гардия клятвенно пообещал очистить город от игровых автоматов. Даже когда ла Гардия стал мэром Нью-Йорка, Костелло настойчиво боролся за продолжение незаконной деятельности. Его политического влияния оказалось достаточно для получения судебного решения, оградившего бизнес с игровыми автоматами от вмешательства со стороны ла Гардия. Но последний просто проигнорировал это решение и направил во все районы города специальные подразделения полиции для уничтожения автоматов, где бы их не обнаружили. Несколько обескураженный такими «противоправными» действиями, Костелло в итоге сдался и, по предложению губернатора штата Луизиана Хью Лонга, переместил основную часть своего бизнеса в Новый Орлеан.

Валачи стал заниматься автоматами для игры в китайский биллиард, но это было временным решением проблемы. Самое большое, что он мог на них заработать, было двести долларов. Свои автоматы он приобрел у оптового торговца, который предложил создать ассоциацию для контроля за местами их установки на Манхэттэне. Это показалось Валачи заманчивым, но он все еще не был уверен относительно своего положения в «Коза Ностре» после убийства Джо Хозяина и других его парней. Во время одной из наших бесед он с горечью вспоминал: «Я не должен был высовываться, так как старик обезумел, пытаясь контролировать все и вся».

В конце концов Валачи и Бобби Дойл обратились к Вито Дженовезе за разрешением подключиться к уже отлаженной «лотерее» или «страховке», как еще называли. «Лотерея» является, возможно, одной из самых примитивных массовых азартных игр. Название образовалось от дешевых страховых полисов, которые оформлялись в конце двадцатых — начале тридцатых годов, потому что игра в «лотерею» походила на получение такой страховки. Единственное, что нужно сделать играющему, это выбрать сочетание из трех цифр от 000 до 999, которые образуют выигрышную комбинацию в каждый конкретный день. С точки зрения математики, шансы на выигрыш равны естественно, 1000:1, однако реально это соотношение равно 600:1, а чаще и того меньше.

Выигрышная комбинация определяется в различных районах страны по-разному: вращением колеса, количеством долларов на товарной бирже в день тиража, результатами заранее условленного забега на ипподроме и так далее. Когда Валачи включился в это дело, в Нью-Йорке действовала своя собственная система, в основу которой была положена игра на скачках. Выигрыш, место и порядковые номера первых трех скачек суммировались, и первая цифра левее точки, отделяющей десятичную дробь от целого числа, становилась первой цифрой выигрышной комбинации; так, если результат равнялся 189.40 доллара, то «9» являлась первой цифрой. Такой же порядок применялся в отношении четвертого и пятого забегов для определения второй цифры, а на основе шестого и седьмого выявлялась последняя цифра.

Эта многоступенчатая система подбора выигрышной комбинации в Нью-Йорке предусматривает возможность различных вариантов «лотерей». Один из них называется «одинарной» игрой, когда игрок может делать ставку на отдельные цифры вместо всех трех сразу. Выигрыш выплачивается в соотношении 1:7. Для банкира «лотереи», такого, как Валачи, этот вариант имел особые преимущества. Если, например, первые две цифры выигрышной комбинации равнялись 58, то он быстро просматривал все записи, зафиксированные мелом на доске для данной конкретной игры. «Я принимал во внимание только ставки в двадцать пять центов и выше, — рассказывает он, — и не морочил себе голову десятицентовыми. Я выбирал из списка все записи, начинающиеся на 58. Мне везло, если таких записей не находилось. Мог быть вариант, когда на доске я обнаруживал цифру 580, но она не часто встречалась, и тогда я еще шел на риск. Однако были возможны ситуации, когда многократно указывалась цифра 589, и я бы разорился, совпади она с выигрышной комбинацией. Поэтому, чтобы подстраховаться, я выставлял пару сотен, или сколько там было нужно, на цифру 9 в банке для одинарной игры. Другими словами, я уходил от невыгодного мне варианта. Я все-таки рассчитывал, что девятка не выпадет, а если это и случится, то одинарной игрой хотя бы возмещу свой проигрыш.

В течение многих лет «лотерея» была наиболее популярной игрой у людей с низким уровнем доходов. Однако, к большому неудовольствию итальянского преступного мира, Голландец Шульц, знаменитый пивной король времен «сухого закона», первый сообразил, какое состояние можно было бы заработать, если объединить этот рэкет в один гигантский бизнес. И тогда, и сейчас, нигде эта игра не была столь популярной, как в Гарлеме.

Когда там объявился Шульц, в этом районе существовало более тридцати соперничающих друг с другом банков «лотереи». Он объединил их в одно целое. Методы Шульца были просты. Прежде всего он терроризировал независимых банкиров, вынуждая их платить ему за «охрану». Затем, когда они были основательно запуганы, Голландец прибирал их бизнес к рукам. «Для поддержания мира», как это назвал Валачи, Шульц взял к себе Чиро Терранова, который все еще являлся главным гарлемским мафиози. Он как бы стал младшим партнером Шульца. В городе работали еще два крупных «лотерейных» банка, созданных Вилли Моретти и двумя братьями из «семьи» Гальяно — Стефано и Вито ла Салле, но организация, созданная Шульцем, была намного могущественнее.

Валачи потребовалось благословение Вито Дженовезе, прежде чем его допустили в организованные структуры «лотереи». И хотя некоторые независимые или, как их охарактеризовал Валачи, «незаконные» банки продолжали существовать, они не только не могли участвовать в определении выигрышной комбинации, но и часто выплачивали деньги за использование этих комбинаций. Более того, они в отличие от организации, были не в состоянии оградить себя от потенциального риска крупных проигрышей и не могли позволить себе создать систему общей безопасности.

Даже в условиях «организованной лотереи» начальный период не был особенно простым для Валачи. Он слишком поздно пришел в «Коза ностру», чтобы, подобно многим другим мафиози, иметь возможность получать деньги от незаконной торговли спиртным, которые впоследствии использовались для создания преступных структур в промышленности и профсоюзах, а также для приобретения недвижимости и развития игорного бизнеса после снятия на него запрета. Хотя при длительной игре владелец «лотереи» имеет фантастическое преимущество над своими клиентами, все же время от времени ему приходится нести убытки. Валачи постигал это через собственный горький опыт.

Мы с Бобби работали всего около трех недель, стараясь понемногу кое-что сделать и надеясь, что нам удастся избежать значительных убытков. И вот один раз выпали номера, которые потянули 12 или 14 долларов на ставку, по-моему, 14. После того, как мы рассчитались с нашими «инспекторами» и «шестерками», у нас осталось всего около 1700 долларов. Сверх того еще пару тысяч имелось в банке. Можете представить, сколько мы были должны отдать. Мы проиграли 8400 долларов. Это довольно много по тем временам. Я не знал, что делать. Я заехал к Вилли Моретти и сказал ему:

— Завтра я перевезу свою жену в твой дом. Поддержи ее.

— Что случилось? — спросил Валачи.

— Я скажу тебе, что случилось. Мы обанкротились. Нам нечем платить.

— Ладно, — сказал Моретти, — никому ничего не плати. Попробуй потянуть резину.

И вот вечером, когда пришли «шестерки», мы сказали им, что пока ничего точно сказать не можем, но возникли проблемы, и выплата выигрышей откладывается на двадцать четыре часа.

После того, как на следующий день были зарегистрированы ставки, Вилли позвонил и попросил назвать пару нежелательных для нас номеров, по которым мог выпасть самый крупный выигрыш. Понимаете, он собирался забрать их у нас, чтобы мы не слишком много проиграли и имели лучшую возможность расплатиться за предыдущий день. Но это оказалось непросто. Он обзвонил другие конторы и сказал: «Послушайте, ребята, кое-кто из наших друзей может разориться. Вам не подойдут эти номера? Они вашу игру не испортят?»

Но у остальных контор тоже было много ставок на эти номера, и мы дали Вилли следующую нежелательную цифру. Чему быть, того не миновать. Вилли сообщил нам, что он лично ими займется. Он сказал, что покроет пять долларов с каждой ставки, но попросил рассматривать это как исключение. Мы весь день умирали от страха, пока все не обошлось. На этот раз нам повезло, но повезет ли в следующий? Игра, которую мы вели скорее походила на русскую рулетку, а не на «лотерею».

Босс «семьи», к которой принадлежал Валачи, Счастливчик Чарли Лючиано, выручил его из беды. У Лючиано умер отец, и Валачи пришел на поминки. Там к нему подошел Счастливчик и сказал: «Эй, Джо Каго, выше нос!».

Валачи максимально использовал редкий шанс лично поговорить с Лючиано. «Я сочувствую вашей беде, но честно говоря, немного обеспокоен своей судьбой. Я скоро разорюсь на «лотерее».

Лючиано сразу же дал указание старому другу Валачи Фрэнку Ливорси обеспечить своего приятеля оборотным капиталом. Ливорси дал Валачи 10 тысяч долларов. В свою очередь Ливорси, Джозеф Рао и Джозеф Страччи (Джо Стретч) стали партнерами Валачи и Дойла по бизнесу. За последними, однако, оставался общий надзор за «лотереей». Себе в помощь они взяли главного «инспектора» по имени Моу Блок, который, был опытным человеком в этом деле. «За Моу приходилось присматривать, — вспоминает Валачи, — но он знал свое дело и

привел с собой несколько хороших «инспекторов».

Эти «инспектора» были необходимы для успеха «лотереи». Большей частью евреи, они, по существу, выступали в роли менеджеров филиалов «лотерейных» контор. Как говорит их название, они отвечали также и за бухгалтерию. Эту должность члены «Коза ностры» занимали редко; неблагодарная бумажная работа считалась ниже их достоинства, хотя, возможно, она была просто не по зубам итальянским мафиози.

Каждый «инспектор» имел в своем распоряжении группу «шестерок», которые собирали ставки и выплачивали выигрыши. «Инспектор» получал тридцать пять процентов от собранной им за день выручки, если на него возлагалась обязанность рассчитываться с полицией в районе своей деятельности, и тридцать процентов, если контора этим занималась сама. «Инспектор», в свою очередь, выплачивал «шестеркам» от 20 до 25 процентов своей прибыли [15].

— Это дело «инспектора», сколько он платил «шестеркам», — рассказывает Валачи. — Все, что нас интересовало, это реальные ежедневные результаты их работы. А если они нас не удовлетворяли, мы вызывали «инспектора» и разбирались с ним.

С того времени, как «лотерея» привлекла серьезное внимание организованного преступного мира (то есть сразу же после «сухого закона»), она превратилась в дело, приносящее сейчас мафии более четверти миллиарда долларов ежегодно только в Нью-Йорке. Она, без сомнения, сегодня является и основным источником незаконных доходов полиции. В одном районе может быть от пятнадцати до двадцати «точек», где принимаются ставки — у газетного стенда, входа в ателье по пошиву одежды или продовольственный магазин. Чтобы работать без помех хотя бы в одном из таких мест, приходится платить мзду полицейскому, патрулирующему улицу (до двух тысяч долларов в месяц).

В наши дни минимальная ставка составляет обычно двадцать пять центов, обычно же она равна доллару. Банки покрупнее принимают у своих постоянных клиентов ставки и в десять долларов. Во времена депрессии, когда начинал Валачи, ставки обычно составляли пять-десять центов, но даже тогда банк Голландца Шульца имел средний дневной оборот, равный 80 тысячам долларов.

После притока капитала Фрэнка Ливорси бизнес Валачи, наконец, сдвинулся с мертвой точки. Еще одним солидным источником доходов стало партнерство с Ливорси по так называемому «лотерейному» контракту. При игре на нью-йоркском тотализаторе было трудно подтасовать результаты забегов. Зато сезон на местном ипподроме был гораздо короче,

чем сейчас, и как только он заканчивался, выигрышная комбинация вычислялась по результатам на других ипподромах, куда также просочились преступные элементы. Среди них, если верить Валачи, был ипподром «Фэр Граундз» в Новом Орлеане, «Хоторн» в Чикаго и «Кони Айленд» в Цинциннати. «Как я понял, — рассказывает Валачи, — у Голландца Шульца был какой-то парень, который умел высчитывать, сколько денег вкладывать в тотализаторные счетчики, чтобы выпадали правильные номера. Я не помню, как его звали. Это имя было трудно выговорить» [16].

Начав дело с ежедневной суммы ставок в пять тысяч долларов, партнерам удалось довести оборот своего банка до 60 тысяч. Валачи начал получать 1250 долларов в неделю, не платя при этом, естественно, никаких налогов. К тому же они пользовались всеми преимуществами, которые дает принадлежность к организованному «лотерейному» рэкету в Нью-Йорке. Однажды Валачи остановил свою машину, чтобы проверить, как идут дела у одного из «инспекторов». Выяснив, что сегодняшние ставки еще не собраны, он решил сам их отвезти в главную контору. Позже, когда он выбирался из автомобиля с деньгами и квитанциями ставок в руках, к нему подошли два детектива. Валачи постоянно платил двум местным полицейским, но эти детективы оказались из особого подразделения, подчиняющегося непосредственно комиссару, и с ними, по его словам, «было невозможно вести деловой разговор». Валачи задержали, но когда дело дошло до суда, у судьи не оказалось сведений о его предыдущем аресте. В результате он отделался приговором с отсрочкой исполнения. «Я не знаю, как это было сделано, — рассказывает Валачи, — и я не пытался ничего выяснять».

По информации нью-йоркского городского управления полиции, в досье Валачи имеется запись, в соответствии с которой 13 января 1936 года он был арестован за незаконную организацию азартных игр. 12 сентября суд вынес ему отсроченный приговор.

Несмотря на прибыльность своего дела и ту защиту, которой он пользовался, воспоминания Валачи о «лотерее» походят скорее не на рассказ набирающего силу мафиози, а на переживающего трудные времена бизнесмена. Есть только одно исключение: он с нескрываемым удовольствием вспоминает о «лотерейном» контракте. «Я до сих пор помню наше первое число — 661. Мы выиграли семь тысяч и славно повеселились на Рождество». Обычно же Валачи предпочитает говорить о проблемах, связанных с «лотереей». Постоянным источником тревоги являлись числа, на

которые делались регулярные и крупные ставки. «Многие ставили на 222 и 725. Я не знаю, почему, так что не спрашивайте, — вспоминает он. — Цветные же постоянно ставили на 000». Самым тяжелым потрясением для Валачи стал бум на одно число вследствие весьма примечательного события.

Число определялось на нью-йоркском ипподроме, так, что контракта не было. И тут как раз случилось это ограбление в Бруклине. Взяли получку у целого завода. Кажется, по производству мороженого. В общем, ребята ухватили 427 штук и смылись. Тогда все газеты на первых страницах писали, что это было самое крупное ограбление в истории [17].

И вот всем приспичило поставить на 427. Сумма ставок равнялась где-то сотне долларов. Если бы это число выиграло, нам пришлось бы отдать шестьдесят тысяч. Конечно, я и Дойл не смогли бы расплатиться, ведь мы только недавно начали свой бизнес. Короче, звоню я парню, который работал с братьями Ла Салле, и прошу принять у меня ставку на сто долларов. Он мне по-дружески и говорит:

— Пропадет твоя сотня. Судя по тому, как ставят на это число, никто не сможет расплатиться. Но, так и быть, сорок долларов я у тебя приму.

— А расплатишься?

— С тобой, да

— Ух ты, — говорю, — здорово. Спасибо.

Если в двух словах, это число так и не выпало. Но можете мне поверить, я его надолго запомнил. Ставить на 427 со временем стали все меньше и меньше. А потом, через три-четыре года, оно все-таки выскочило. Но много это число не потянуло. Я помню ставку. Она равнялась пятидесяти центам.

Но ничто так не расстраивало Валачи, как попытки его «наколоть», или, другими словами, обмануть, которые исходили как от его подчиненных, так и от посторонней публики.

Никогда не догадаешься, что с тобой еще могут выкинуть. Как-то раз мой основной «инспектор» Моу Блок пришел и сказал, что какие-то ребята с Лонг-Айленда поинтересовались у него, связан он с кем-нибудь или нет. В том смысле, связан ли он с мафией. Моу ответил им «нет».

— Почему же ты соврал? — спрашиваю я.

— Сам не знаю, — отвечает.

Моу объяснил мне, что эти парни хотят к нам подключиться и сдавать в наш банк свою «работу» — так мы назвали конверты с собранными ставками.

— И где же их «точка» на Лонг-Айленде? — спрашиваю я у Моу.

— Минут сорок пять езды отсюда.

Мне показалось, что здесь какой-то подвох, что-то было не то в этом раскладе. Но Моу сказал, что если у нас есть сомнения, эти ребята могут взять его с собой, чтобы он посмотрел, как собираются ставки.

— Хорошо, — говорю я. — То, что я пока знаю об этом деле, мне не очень-то нравится, но, как говорится, поживем — увидим. Если я выясню, что игра нечистая, они просто ничего не получат.

Вы, наверное, помните, что первая цифра выигрышной комбинации определяется по первым трем забегам. Что меня смущало, так это то, что к моменту, когда Моу возвратится с ними в город, первые три забега уже закончатся. Мы, конечно, могли бы поправить дела на следующих, так что я дал Моу «добро».

Случилось то, чего я боялся. В первый же день они нагрели нас на трехдолларовой ставке, а это 1800 долларов выигрыша. Я сразу же велел Моу лично переписать на доску собранную «работу». Понимаете, первой цифрой была четверка, значит, оставалось сто возможных комбинаций, от 400 до 499. Посмотрев на доску, после того как Моу записал все ставки, я увидел, что в «работе» парней с Лонг-Айленда присутствуют все сто комбинаций, начинающихся с четверки. Конечно, вперемешку, чтобы это не выглядело подозрительным, попадались и другие ставки, но когда «работа» была переписана на доске целиком, все сразу прояснилось.

Я стал ждать, когда эти парни придут за деньгами, но они вместо этого позвонили. Я и рта не успел открыть, как они начали орать: «Мы не знали, что вы в организации! Мы думали, вы сами по себе! Нам только что сказали». Потом они принялись просить, чтобы их простили. «С какой же это стати вас прощать?» — удивляюсь я, а они говорят, что, мол, спрашивали у Моу, связан ли он с кем-нибудь, и если бы Моу сказал правду, они ни за что не стали бы с нами связываться.

Конечно, мне интересно было узнать, что у них за система — вдруг еще кто-нибудь решит ее попробовать? Поэтому я сказал: «Ладно, вам ничего не будет, если вы объясните, как нас накололи.»

Один из них мне все рассказал: «Ну, в то время, когда мы проезжаем по мосту 59-й улицы, первые три забега уже закончились. Мы узнаем о первой цифре сразу за мостом. Там справа есть парикмахерская, и один из наших людей выходит оттуда и поднимает руку с тремя пальцами. А у нас запасено

десять конвертов, в каждом лежат все возможные ставки, которые начинаются с одинаковой цифры, от нуля до девяти. Проехав парикмахерскую, мы просто даем Моу конверт, в котором находятся все комбинации, начинающиеся на четверку».

Нет, вы можете представить, какая была выдержка у этих парней?

Моу Блок также фигурировал в одной гораздо более опасной для Валачи истории, которая могла бы прервать его преступную карьеру, не имей он поддержки со стороны «Коза ностры». Среди «инспекторов», которых он привел с собой в бизнес Валачи и Дойла, был некий «парень по имени Шапиро». Шапиро оказался полезным приобретением, так как он каждую неделю сдавал триста-четыреста долларов выручки. «Это были большие деньги в те годы, — вспоминает Валачи. — Как вы знаете, страна переживала трудные времена, наступила Великая депрессия, как теперь говорят. Тогда люди ставили в основном по пять-десять центов. Это сейчас каждая ставка — доллар, а то и больше. Так этот Шапиро производил на Моу большое впечатление. Можно сказать, убийственное».

У Шапиро, по-видимому, были амбиции стать кем-то большим, нежели простым «инспектором», и он присоединился к попытке рэкетировать бизнес Валачи, которую предприняли «два еврейских парня», Харольд Штейн и Харольд Грин. «Они были откуда-то из Бронкса, — рассказывает Валачи. — Эти ребята считали себя очень крутыми. Они прижимали «шестерок», букмекеров, да кого угодно — и тянули с них деньги». Впервые Валачи услышал о Грине и Штейне, когда заметно нервничающий Моу Блок сообщил, что эти люди собирают информацию о его бизнесе. «С ними шутки плохи, — добавил Блок. — Они задумали подмять под себя весь город».

Валачи очень мало рассказывал Блоку о себе и уж, естественно, совсем ничего — о «Коза ностре». Впрочем, это касалось не только Блока, но и всех остальных людей, работавших на Валачи. «Моу знал только о том, о чем я считал возможным ему рассказать, — говорит Валачи. — Я попросил его не беспокоиться, сказал, что я в состоянии справиться с любыми проблемами, которые могут перед нами возникнуть. Еще я велел ему прекратить рассуждать о том, какими крутыми были эти ребята, а то мне придется о нем самом призадуматься». Валачи спросил у Блока, что удалось выяснить Грину и Штейну.

— Они знают только, что ты занимаешься «лотереей» вместе с Бобби Дойлом.

— И кто же их просветил?

— Шапиро, — ответил Блок.

По словам Валачи, его не слишком удивила эта новость. «Шапиро в последнее время ломал какую-то комедию, — вспоминает он. — Дня за два до разговора с Моу он пришел ко мне и начал рассказывать, как я ему нравлюсь. «Да?» — спросил я и больше ничего не сказал. Но про себя подумал: «С чего это он меня умасливает?»

Валачи немедленно известил о происходящем своих троих партнеров, которые до сих пор находились как бы в тени — Фрэнка Ливорси, Джо Стретча и Джозефа Рао.

Не успели мы сообразить, что к чему, как двое парней из этой банды заявились в нашу главную контору в Гарлеме. Случилось так, что в этот момент из нас там был только Джо Рао. Они поинтересовались, какое Джо имеет отношение ко мне и Бобби Дойлу. Он объяснил, что все мы приходимся друг другу партнерами. Тогда эти ребята говорят Джо, что хотят охранять наш бизнес за пятьсот долларов в неделю.

«Охранять от чего?» — спросил Джо. Они ему начинают втолковывать, что, мол, всякое может случиться, заранее и не скажешь, и что они берутся защитить нас от любой беды. Джо им поддакивает и спрашивает, когда нужно уплатить первый взнос. Эти парни говорят, что придут за деньгами в субботу. Мы чуть со смеха не померли, когда Джо все это рассказывал. Если бы они пришли, их бы убили, конечно. Но эти ребята так больше и не появились.

Тогда Джо Рао решил взяться за Шапиро. Сразу, как его поймали, мне позвонили и попросили прийти, чтобы я с ним потолковал. Ребята держали Шапиро в гараже. Он лежал в кузове грузовика, весь избитый. Башка была разбита, и весь гараж забрызган кровью. На шею была накинута веревка, ее держал, по-моему, Голубоглазый Джимми, которого по-настоящему звали Винсент Ало.

Как только Шапиро меня увидел, он заорал: «Спаси меня! Спаси меня!»

Да что он, смеялся, что ли? Как это, интересно, я мог его Спасти? Ребята допытывались у Шапиро, был ли Моу Блок с ними заодно. Я и сам хотел это знать, но Шапиро только орал какую-то неразбериху, когда дергали за веревку. Так я и не понял, участвовал Моу в этом деле или нет. Ну, вот так и пришел конец Шапиро. Его засунули в бочку с цементом — большую такую, в какие обычно наливают нефть. Бочку бросили в Ист-ривер. Шапиро, наверное, до сих пор там лежит.

Другого такого «инспектора», как Моу, было трудно найти. Поэтому я его оставил у себя. Если он даже и был заодно с этими

ребятами, он получил хороший урок, и я подумал, что он больше ничего против меня затевать не будет. Правильно я рассудил?

Валачи еще раз поблагодарил судьбу за то, что был членом «Коза ностры», когда узнал, что за Грином и Штейном стоял Голландец Шульц. Несмотря на все свое могущество, Шульц, как и полагалось, ничего не знал о внутренних делах мафии. «Когда Голландец подмял под себя «лотерею» в Гарлеме, — рассказывает Валачи, — он втерся в компанию Чиро Терранова и ребят со 116-й улицы. Но все, что Шульц знал обо мне и Бобби Дойле, так это то, что мы были на стороне Маранзано, когда тот сцепился с Чиро, Счастливчиком Чарли и Вито. Поэтому, когда Голландец узнал о бизнесе, который мы затеяли под самым его носом, он считал, что я и Дойл считаемся в мафии вне закона». Но ни для кого не было секретом, что Джозеф Рао близок с Терранова. Поэтому Шульц, естественно, сразу отстал от Валачи, когда Грин и Шульц доложили, что Рао является его партнером по «лотерее». Как позже выяснилось, все это было очередным гамбитом Лючиано, который проводил стратегию, направленную на превращение «Коза ностры» в самую могущественную силу американского преступного мира.

Как я понял, Голландец пришел к Чиро и поинтересовался, что, черт побери, происходит. А Чиро и самому невдомек, что Джо Рао работает со мной. Он начинает разбираться и выясняет, что «лотереей» нам разрешили заниматься лично Счастливчик Чарли и Вито. Звонит, значит, Чиро Счастливчику, а тот и говорит, чтобы он сказал Голландцу, что нам дали развернуться только для того, чтобы Чиро и Шульц пришли на все готовенькое и прибрали наш бизнес к рукам. Ясно, Чиро все так и сделал, как приказал ему Счастливчик. Когда я про это узнал, то сразу догадался, что Счастливчик Чарли имеет какие-то планы в отношении Шульца, но Чиро Терранова, который считался важной шишкой, вроде бы в эти планы не входит, и ему ничего не грозит.

Так и оказалось. Вскоре Вито Дженовезе сказал мне и Бобби Дойлу, что Голландец должен уйти. Еще он сообщил, что евреи против этого ничего не имеют. Вито сказал, чтобы мы Шульца специально не искали, но если он где-нибудь нам попадется, сразу его пришили. Другими словами, Голландец не должен был заподозрить, что за ним охотятся.

Голландец Шульц был естественной мишенью для Счастливчика Чарли Лючиано. Для Шульца являлось практической необходимостью заключить рабочий альянс в

отношении Гарлемского «лотерейного» рэкета с кем-то наподобие Терранова. Поступи он иначе, и Голландцу пришлось бы иметь дело со всей итальянской мафией. Но Шульц упорно оставался в стороне от коалиций, которые Лючиано формировал вне «Коза ностры» с так называемой группировкой Жучка и Мейера, возглавляемой Мейером Лански и Бенджамином Зигелем (он же Жучок), а также бандой Лепке Бухальтера и Гурры Шапиро. В личном плане Лючиано ненавидел Шульца, представляющего собой карикатуру на гангстера: он любил привлекать к себе внимание, был крикливым и неумеренно эгоистичным. Но больше всего Лючиано раздражал его талант находить и реализовывать возможности нового бизнеса. Находясь на пике своей карьеры в качестве пивного короля в годы «сухого закона», он был одним из первых, кто понял перспективность «лотереи». Шульц кроме того организовал прибыльный ресторанный рэкет, пробив себе путь к контролю над профсоюзом официантов. Затем он открыл ресторан «Метрополитэн» и организовал «Ассоциацию владельцев кафе». Если хозяин ресторана хотел избежать забастовки или диверсии в обеденные часы (такой, как, например, пакет с тухлыми яйцами, раздавленными под столиком), он вступал в эту ассоциацию. Не бесплатно, конечно.

Лючиано всегда привлекала мысль о разделе империи Шульца. Но эту идею следовало воплощать весьма деликатно. Голландец был не из тех людей, с кем можно шутить. Родившись в Бронксе под именем Артур Флегенхаймер, он рано получил репутацию забияки. Из-за этого Голландец Шульц получил свое прозвище — так звали одного местного хулигана, который жил в Бронксе в начале века. Кличка прилипла — к большому смятению Шульца, когда даже ему пришлось признать, что он стал слишком «знаменитым». Однажды Голландец пожаловался, что его дурная слава во многом объясняется прозвищем, которое отлично подходило для газетных заголовков. «Если бы меня называли Артуром Флегенхаймером, — заметил он, — никто бы обо мне даже ни разу не услышал».

К концу двадцатых годов Шульц поставил под свой абсолютный контроль торговлю пивом в Бронксе. Методы, которыми он пользовался, делая свою карьеру, были невероятно жестокими. Последними оптовыми торговцами пивом, которые стояли у него на пути во время «сухого закона», являлись гангстеры-ирландцы Джон и Джозеф Рок. Джон Рок, прикинув возможности Шульца, решил оставить свой бизнес. Его брат, однако, предпочел бороться до конца. Вскоре он был похищен Шульцем и его людьми. Они избили Рока так сильно, что он на всю жизнь остался калекой. Но это было не все. Бандиты, прежде

чем выбросить свою жертву на мостовую в Бронксе, вымазали гноем бинт и туго замотали его глаза. В результате Рок ослеп. Подобные приемы облегчили дальнейшую деятельность Шульца. Любой банкир «лотереи», владелец ресторана или профсоюзный лидер, собирающийся перечить Голландцу, всегда имел Джозефа Рока в качестве примера, чтобы призадуматься, стоит ли это делать.

Наконец у Лючиано появился шанс сделать первый ход. Это случилось, когда Шульцу было предъявлено обвинение в неуплате налогов, такое же, которое отправило в тюрьму Аль Капоне. Шульц скрывался около полутора лет, а его адвокаты все это время пытались уладить дело. Пока Голландец находился в бегах, Лючиано обрабатывал главного «лейтенанта» Шульца, Эйба (Боу) Вайнберга, с тем, чтобы он начал проводить более сговорчивую политику, нежели его босс. Договориться с Вайнбергом оказалось нетрудно. Но это, казалось, не имело большого значения: когда Шульц в конце концов сдался властям, доказательства его вины выглядели неоспоримыми. Однако Шульц не скупился на взятки, и был оправдан [18].

Первым, кому пришлось ощутить на себе возвращение Голландца, оказался Боу Вайнберг. Валачи услышал эту историю от Боба Дойла.

— Помнишь Вайнберга, которого ты считал таким хорошим парнем? — спросил он.

— Да, — ответил Валачи. — Ну и что?

— Да вот, похоронили его. Шульца рук дело.

— Ого, то-то я его в последнее время не вижу, — сказал Валачи. — А что случилось?

— Говорят, что Голландец прознал, что он крутит дела с Сицилийцем.

Тело Вайнберга так и не нашли. Он просто исчез. Если верить Валачи, его труп вынесли из манхэттэнского отеля в дорожном сундуке после горячей перепалки с Шульцем. «Когда я об этом услышал, — вспоминает Валачи, — я решил, что самому Голландцу тоже недолго осталось жить на этом свете».

На какое-то время между Лючиано и Шульцем установилось напряженное перемирие. Затем власти, не разрешив Шульцу выплатить налоги задним числом, стали готовить против него очередное обвинение. Большой суд присяжных Нью-Йорка, кроме того, начал разбираться в его причастности к «лотерее», задействовав перспективного прокурора из Министерства юстиции Томаса Е. Дьюи в качестве обвинителя по особым делам. Шульц был вне себя от ярости. Один из его адвокатов предупредил, что Дьюи «всех нас засадит», если не принять

каких-то мер.

Однажды вечером перед Валачи на мгновение приоткрылось то состояние духа, в котором пребывал Шульц. Это случилось в ресторане «Фрэддиз Италлиан Гарден» на 46-й улице (к западу от Таймс-сквер), куда Валачи пришел сразу после того, как из ресторана уехал Голландец после ужина с Лючиано. Счастливчик остался и через некоторое время пригласил Валачи за свой стол. Когда кто-то из присутствовавших упомянул Шульца, Лючиано улыбнулся и заметил: «Все, о чем может сейчас говорить Голландец, это Том Дьюи. Дьюи сделал то, Дьюи сказал это…»

Выход из положения, который выбрал Шульц — убийство Дьюи, предоставил Лючиано долгожданный шанс. Почти все мафиозные лидеры согласились со Счастливчиком, что если Шульцу позволить убить Дьюи, это послужит толчком к фронтальному наступлению властей на организованную преступность, которого они изо всех сил хотели избежать. Поэтому было решено убрать самого Шульца. Как раз тогда Валачи и услышал от Вито Дженовезе, что Голландец должен быть убит сразу, как попадается кому-нибудь на глаза. Но, в конце концов, убийство было поручено конкретным исполнителям — трем боевикам из банды Лепке Бухальтера. Как заметил Валачи, «Счастливчик Чарли рассудил, что будет лучше, если сами евреи и займутся Голландцем».

23 октября 1935 года Шульц был застрелен в одном из гриль-баров города Ньюарк, штат Нью-Джерси. Он не умер на месте. Будучи евреем, принявшим католичество, Голландец получил последнее причастие в местной больнице. Вместе со священником там присутствовал полицейский стенографист, который записывал слова находящегося в полубреду Шульца. Впрочем, стенограмма напоминала сцену сумасшествия из «Короля Лира» и толку от нее было мало. Шульц воображал себя волевым и мужественным человеком, однако его последние слова походили на жалкое нытье: «Скажите им, чтобы они от меня отвязались».

Бухальтер унаследовал ресторанный рэкет Шульца, а Лючиано и Дженовезе забрали гигантский «лотерейный» банк в Гарлеме, к которому они уже давно присматривались. «Счастливчик Чарли разрешил заниматься «лотереей» всем членам «семьи», — рассказывает Валачи. — Нельзя было только работать не на своей территории или переманивать чужих «инспекторов» и «шестерок». Для контроля над «лотереей» вместо Чиро Терранова был назначен другой «лейтенант» из «семьи» Лючиано — Майк Коппола, по прозвищу Курок». Когда-то могущественный Артишоковый Король не стал протестовать;

стареющий и больной Терранова был рад уйти на покой. Как заметил Валачи с сожалением в голосе, «Чиро дали возможность умереть в постели».

По существу, стратегия Лючиано была безошибочной, и в «Коза ностре» постепенно стала устанавливаться атмосфера всеобщего преуспевания. «Лотерейный» бизнес Валачи процветал до такой степени, что даже он не имел ничего против расходов на подкуп полиции по мере расширения своих операций. На доходы от «лотереи» он содержал «лошадиную комнату» в Уайт-Плейнсе, где почтенные дамы из пригорода могли скоротать послеобеденные часы, делая ставки на скачках, которые шли в различных городах страны. Валачи также начал понемножку баловаться ростовщичеством. «Если бы вы меня спросили, как у меня тогда шли дела, — говорит он, — мне бы пришлось ответить, что дела шли хорошо».

Но Голландцу Шульцу еще представилась возможность улыбнуться в своем гробу. Американская общественность долгое время относилась к рэкету с безразличием, если не с любопытством. В самом деле, Лючиано, да и Шульц, были не меньшими знаменитостями, чем какой-нибудь популярный писатель или актер. Внезапно, как это иногда случается, по стране начал нарастать гул благородного негодования в связи с деятельностью мафии — причем в самый неподходящий для Лючиано момент. Нью-йоркский прокурор по особым делам Дьюи, упрямый и обладающий политическими амбициями республиканец, не стесняющийся копаться в делах коррумпированного руководства демократической партии, решил сделать имя на борьбе с рэкетом. Лишенный Шульца в качестве своей мишени Дьюи перевел прицел на Лючиано, который (ирония судьбы!), по-видимому, спас его от неминуемой смерти. И чтобы привлечь всеобщее внимание, Дьюи выбрал беспроигрышный вариант — он обвинил Лючиано в подрыве общественной морали.

Подозрения о грядущих неприятностях появились у Валачи во время одного из его редких визитов в манхэттэнский бордель. «Вообще-то я этим делом не увлекался, — говорит он, — но в тот вечер я просто не смог не составить компанию ребятам, которые туда собирались. В борделе он случайно услышал, как одна из проституток испуганно прошептала своей товарке, что они являются ребятами Чарли, и с ними надо вести себя поосторожнее. Валачи подумал, что Лючиано вряд ли понравится упоминание его имени всуе, да еще в подобных обстоятельствах. Поэтому он решил доложить об услышанной беседе. Но прежде чем Валачи успел это сделать, Лючиано по просьбе Дьюи

арестовали в Хот-Спрингсе, штат Арканзас, и доставили в Нью-Йорк, где Счастливчику предстояло предстать перед судом по многочисленным обвинениям в вовлечении в проституцию. «Я просто обалдел, когда об этом узнал, — вспоминает Валачи. — Счастливчик Чарли — это вам не какой-нибудь сводник. Он был боссом».

В каком-то смысле Валачи прав. Лючиано в общем-то не нуждался в проституции, как источнике доходов, но он занялся указанным бизнесом как раз потому, что к этому обязывало его положении в мафии. «Сухой закон», являвшийся для «Коза ностры» золотым дном, был отменен, и определенное количество мафиози осталось не у дел. В связи с этим поиск новых видов рэкета превратился в жизненную необходимость. В то время проституция в Нью-Йорке существовала на основе более или менее свободного предпринимательства. В городе имелось более двухсот независимых борделей, и бизнес там шел совсем неплохо. Вопрос стоял просто: либо Лючиано объединит их в один картель, либо инициатива будет упущена, и это сделает кто-либо еще, подобно Шульцу, перехватившему в свое время «лотерейный» бизнес.

Согласно документам, 17 июля 1936 года Лючиано приговорили к лишению свободы на срок от тридцати до пятидесяти лет. Особенно ужасным для отличавшегося привередливыми вкусами Лючиано было то, что наказание ему. Пришлось отбывать в Даннеморе. Эта мрачная, продуваемая ветрами тюрьма строгого режима расположена вблизи канадской границы и не без основания называется заключенными «Сибирью». Там Лючиано пробыл до 1942 года, когда началась его несколько скандальная деятельность, связанная со Второй мировой войной.

Военно-морские силы США стали проявлять озабоченность по поводу возможного саботажа и сбора разведывательных данных вражескими агентами в районе нью-йоркского порта. Каким-то образом возобладала идея, заключающаяся в привлечении членов портовых мафиозных группировок к борьбе с такой деятельностью. Но кто в этом деле мог лучше всех справиться с ролью посредника, как не сам мафиози номер один? Первой осязаемой выгодой от сотрудничества с властями для Лючиано стал его перевод из Даннемора в не столь отдаленную и более уютную тюрьму в Олбани, столицу штата Нью-Йорк. Широкой публике так и не удалось узнать, в чем конкретно заключалась помощь со стороны Лючиано. Но еще больше вопросов вызывают последовавшие события. В 1945 году адвокаты Лючиано стали добиваться его помилования в знак признания правительством

заслуг Счастливчика в военные годы. В конце концов, он его получил. С решением о помиловании тесно связан тот факт, что Лючиано перед арестом так и не удосужился получить американское гражданство, и, получив свободу, он был немедленно депортирован в Италию. При этом власти исходили из ложной теории, что, оказавшись за пределами США, Счастливчик перестанет быть американской проблемой.

Успешное обвинение Лючиано, которое осуществил Дьюи, произвело такой взрыв в «Коза ностре», что организация послабее, пожалуй, его бы не вынесла. После Капоне в мафии не было столь могущественной фигуры, которую удалось убрать со сцены. Падение Лючиано, однако, было более драматичным, чем Капоне. Тот, в конце концов, представлял из себя не более чем неотесанного горлопана, в то время как Лючиано, с его городским лоском, считался «рэкетиром нового поколения», предпочитающим выглядеть нормальным бизнесменом-магнатом, управляющим своими делами из-за стола из красного дерева.

Для Валачи история с Лючиано стала гигантской личной потерей. «Боже мой, — говорит он, — ну почему это должно было случиться именно со Счастливчиком? Почему на его месте не оказался кто-нибудь другой? Мои дела шли так хорошо. Он мне сильно помог с «лотереей», и я становился к нему все ближе. А что со мной будет дальше? Поверьте, я чувствовал себя ужасно. Всякий раз, когда ко мне кто-нибудь начинал проявлять слишком много интереса, я понимал, как мне не хватает Чарли».

Уход Лючиано с преступной сцены имел еще один аспект, оказавший такое влияние на дальнейшую судьбу Валачи, которое он в свое время не мог и представить. Осуждение Счастливчика открыло дорогу к власти для Вито Дженовезе, второго человека в мафии после Лючиано. Именно он приговорил к смерти Валачи двадцать лет спустя. Пока Лючиано, влекомый патриотическим порывом, делал все возможное для победы Соединенных Штатов (по крайней мере, так считается), Дженовезе пребывал — где бы вы думали? — в Италии. Как позже выяснилось, он стал таким фаворитом фашистского режима, что Муссолини лично вручил Дженовезе высшую награду, которой он имел право наградить гражданское лицо.

У Дженовезе были повадки византийского императора. «Если ты приходил к Вито, — рассказывает Валачи, — и говорил, что такой-то парень ведет нечестную игру, он приказывал пришить этого парня, а заодно и тебя за то, что ты его заложил». Дженовезе родился в 1897 году в пригородах Неаполя и получил образование, эквивалентное пяти классам в США. Он приехал в Штаты, когда ему было шестнадцать. Самым первым его

пристанищем, как говорят, стал нью-йоркский район Гринвич-виллидж, где предпочитали селиться итальянские иммигранты, а также артисты и писатели. Он женился до 1924 года, но его жена в 1929 году умерла.

Позже он повстречался с любовью всей его жизни, Анной Петильо. Она была замужем, но брак оказался неудачным. Потом, как бы по счастливой случайности, ее мужа убили, и две недели спустя Дженовезе женился на Анне Петильо. В качестве свидетелей на гражданской церемонии присутствовали Энтони Стролло (Тони Бендер) с супругой. Муж Анны был убит Питером Мионе (Пити Маггинз) и Майклом Баррезе по распоряжению Дженовезе.

В тридцать втором году я был близок к Пити Маггинзу. Если вы помните, он был одним из тех ребят, которые проводили меня к Счастливчику Чарли и Вито, после того, как убили мистера Маранзано. Однажды мы разговаривали о Майке Баррезе из Гринвич-виллидж, который все время ошивался у нас в Гарлеме. Пити сказал, что этот парень стал ходить туда после того, как они вместе задушили какого-то малого на крыше дома в центре города, на Томпсон-стрит.

Пити сказал, что несколько людей видели, как они это делали. Ничего страшного, все удалось уладить, но Баррезе продолжал волноваться и не покидал Гарлема, где его никто не знает. Другими словами, он боялся показываться в центре. Пити говорил Баррезе, что так не годится. Он должен вернуться, дать легавым себя допросить, если им этого захочется, и все утрясется.

— А я ничего не знал. Что это был за парень, которого вы пришили? — спрашиваю я.

Пити нервно так огляделся и говорит:

— Джо, только ни одной живой душе. Если бы вместо тебя был кто-нибудь другой, я бы и рта не раскрыл. Тот парень был мужем Анны Дженовезе.

— Ого, — говорю, — так вот оно в чем дело.

Этот Баррезе исчез. Я никогда его больше не видел. Не знаю, что с ним случилось, но догадаться нетрудно.

(В соответствии с архивами нью-йоркской полиции, некто Джерард Вернотико, 29 лет, проживающий по адресу Принс-стрит, 191, был найден мертвым 16 марта 1932 г. в 14.15 на крыше дома 124 по улице Томпсон-стрит. Вдова Вернотико, носившая имя Анна Петильо, двенадцать дней спустя вышла замуж за Вито Дженовезе; брак зарегистрирован в здании муниципалитета в Манхэттэне. Руки и ноги Вернотико были

связаны, шея туго стянута шнуром от фрамуги. На месте происшествия найден также труп некоего Антонио Лонцо, 33 лет, проживавшего по адресу 28-я улица, 305. Предполагается, что Лонцо был убит в связи с тем, что явился свидетелем убийства Вернотико. Следствие продолжается).

По крайней мере, любовь Дженовезе к Анне, похоже, оказалась вечной. Даже когда она во время бракоразводного процесса дала показания о преступной деятельности своего мужа, размерах и источниках его доходов, Анна (неслыханное дело) осталась невредимой. «Никто не мог взять в толк, почему Вито с ней ничего не сделал, — вспоминает Валачи. — Все только и говорили, отчего он ее не убьет? Но, видно, Вито по-настоящему любил свою жену. Что-то он в ней находил особенное. Я помню, когда мы — Вито и я — сидели вместе в Атланте, он иногда рассказывал о своей жене, и в это время по его щекам катились слезы. Я просто глазам своим не верил».

Если даже и так, Анна осталась единственным различимым следом сентиментальности в кровавой карьере Дженовезе. В двадцатые годы он периодически арестовывался по различным обвинениям, включая убийство и разбойное нападение. Однако он лишь дважды был признан виновным, в обоих случаях за незаконное хранение и ношение оружия (пистолета). В первый раз, когда ему было двадцать, он получил шестьдесят дней принудительных работ, во второй — отделался штрафом в 250 долларов.

После этого, по мере все более заметного возвышения Дженовезе в «Коза ностре», ему в основном удавалось избегать встреч с полицией. В те годы имело место лишь одно небольшое исключение. В 1934 году Дженовезе и «лейтенант» Лючиано по имени Майкл (Майк) Миранда «обули» одного легковерного коммерсанта на 160 тысяч долларов. Проделали это они в два этапа — сначала путем шулерства в карточной игре, а затем с помощью древнего надувательства с машиной, которая якобы делает деньги. К великому раздражению Дженовезе и Миранда, им начал докучать некто Фердинанд Боччия, требуя тридцать пять тысяч долларов, обещанные ему за заманивание жертвы в их лапы.

Боччия следовало оставить Дженовезе и Миранда в покое, тем более, что он сам влез в эту аферу в надежде вернуть себе благосклонность Вито. Она была утеряна после того, как Боччия и шпана по имени Вильям Галло ограбили винный магазин, принадлежащий приятелю Дженовезе. Чтобы застать Боччия врасплох, его убийство было поручено Галло и другому мелкому хулигану по имени Эрнест Руполо, он же Ястреб. Однако на этот

раз Дженовезе и Миранда слишком перемудрили. Они дали Руполо 175 долларов, чтобы тот убил Галло, после того, как с Боччия будет покончено.

Вскоре Дженовезе и Миранда, видимо, начали сомневаться, правильно ли они поступили, и в конце концов поручили убийство Боччия профессионалам из «Коза ностры». Валачи сгибается пополам от смеха всякий раз, когда вспоминает о нелепой цепи последовавших событий. После того, как Руполо услышал об убийстве Боччия, он приступил к осуществлению второго этапа первоначального плана. Дело было в Бруклине. Руполо и Галло в один из вечеров пошли в кино. После сеанса, когда они шли по улице, Руполо вытащил пистолет, приставил к голове Галло и нажал на спусковой крючок. Осечка. Когда Галло потребовал объяснить, что происходит, Руполо неуклюже обратил все это в шутку и сказал, что пистолет не заряжен. Потом они пошли к своему общему другу. В его доме Руполо осмотрел пистолет, обнаружил, что боек заржавел и смазал его. Выйдя из дома и миновав с Галло несколько домов, он выстрелил еще раз. Наконец пистолет сработал, но Руполо удалось лишь ранить свою жертву. Позже Галло показал, что Руполо пытался его убить, и тот получил от девяти до двадцати лет тюрьмы.

Какое-то время было тихо. Но потом начались разговоры о возможных участниках убийства Боччия, и Дженовезе вызвали в полицию. Следствию, впрочем, это ничего не дало. Затем возникла более угрожающая ситуация. После того, как Дьюи посадил Лючиано, он объявил Дженовезе «новым королем рэкета» и занялся расследованием его махинаций. Все это вместе взятое привело Дженовезе к мысли, что наступил самый подходящий момент на время исчезнуть. В 1933 году он пробыл три месяца в Италии. Говорят, ему там понравилось, и он снова уехал туда четыре года спустя.

Дженовезе рассказал Валачи в федеральной тюрьме Атланты, что прихватил с собой в Италию 750 тысяч долларов. Эта цифра вряд ли преувеличена. Жена Дженовезе показала на бракоразводном процессе, что ее муж имел гигантские суммы в различных банках Европы, включая полмиллиона, хранящиеся в Швейцарии. После того, как Дженовезе обнаружили в Италии в конце второй мировой войны, выяснилось, что он пожертвовал 250 тысяч на строительство штаб-квартиры фашистской партии.

Как-то Валачи сказал мне: «Когда посадили Счастливчика Чарли, а затем и Вито, мы все испытали огромный шок».

Глава 7

После того, как Лючиано и Дженовезе сошли со сцены, Фрэнк Костелло стал во главе «семьи» Лючиано. А это грозило Валачи скорыми и весьма серьезными последствиями. Но не потому, что у него не сложились личные отношения с Костелло. «Фрэнк, — отмечает он, — был миролюбивым парнем; дипломатом, можно сказать». Дело в том, что он не был очень близок с Костелло, и поэтому уязвим для придирок своего «лейтенанта», Тони Бендера, которого он невзлюбил с первого взгляда.

Более того, Костелло не очень-то заботился о делах «семьи», сосредоточив внимание на благополучии своего быстро растущего бизнеса. Он расставлял свои игорные автоматы уже по всей стране: создал широкую систему букмекерских контор, имел свой интерес в игорном бизнесе и казино, в частности, владея известным клубом «Беверли» в окрестностях Нового Орлеана. Еще с тех пор, когда он занимался нелегальной торговлей спиртным, он принимал живое, но непременно тайное, участие в деятельности фирмы по оптовой продаже алкогольных напитков, которая имела ежемесячный оборот в 35000 долларов, являясь монопольным поставщиком на рынок США шотландского виски «Кингс Рэнсом».

В своих интервью Костелло любил подчеркивать, что у него вполне легальные интересы в торговле недвижимостью, добыче нефти и других подобных сферах и, собственно говоря, он является одним из немногих руководителей «Коза ностры», которые смогли достичь большого успеха в легальном бизнесе. Ему было не чуждо чувство юмора. Когда его однажды загнали в угол вопросами о его роли в игорном бизнесе, он заметил:

— Есть обычные игроки, я игрок необычный [19].

Однако, когда ему этого хотелось, Костелло, не колеблясь, прибегал к силовому давлению. У него была привычка ходить в парную баню в один из отелей Манхэттэна, как только у него выпадала свободная минута. Однажды в бане к нему подошел распорядитель и сообщил, что другие посетители выражают недовольство его присутствием.

— Ты имеешь в виду, что мне больше не стоит сюда ходить? — спросил Костелло.

— Если бы это зависело от меня, — ответил банщик, — приходите, когда вам заблагорассудится. Но это уже не первая жалоба. Ну, вы знаете, есть люди, которым вы не по душе…

На следующее утро ни один из работников гостиницы не вышел на работу: горничные, официанты, лифтеры, ремонтники,

кухонные рабочие и так далее. В конце концов, генеральный директор, потрясенный случившимся, узнал, что именно произошло, и немедленно позвонил Костелло.

— А для чего вы мне обо всем этом рассказываете? — осведомился тот. — Я никоим образом не связан с профсоюзами.

— Я знаю, мистер Костелло. Собственно, я звоню вам, чтобы извиниться за досадное недоразумение, которое произошло вчера вечером.

— Вы имеете в виду, что я могу приходить в баню?

— В любое время, сэр.

Через несколько часов все служащие гостиницы прибыли на свои рабочие места.

Для увеличения своего богатства Костелло предпочитал использовать политические рычаги, нежели действовать грубой силой. Но послушать его, так у него влияние было не больше, чем у любого другого жителя округи, прожившего там много лет. Это тот самый Костелло, о ком руководитель «Таммани-Хол» сказал:

— Если я понадоблюсь Костелло, он пришлет за мной.

Вскоре после того, как губернатор Хью-Лонг предложил Костелло установить свои игровые автоматы в Новом Орлеане, мистер Лонг был убит; однако это совсем не обеспокоило Костелло — он просто стал делиться частью прибыли с политическими наследниками Лонга. Иногда политическая власть Костелло приводила к конфузам. Один из таких казусов случился, когда Костелло поддерживал назначение Томаса Аурелио в состав Верховного суда Нью-Йорка. В это время телефон Костелло прослушивался полицией. Помимо других звонков, подслушивающая аппаратура зафиксировала звонок от Аурелио, который тепло благодарил «дона Франческо» за поддержку и уверял его в своей преданности. Относительно своей сверхъестественной способности убеждать политических деятелей в своей правоте Костелло говорил так:

— Я их знаю, очень хорошо знаю, и, возможно, они мне тоже немного доверяют.

Бывший мэр города Вильям О'Дуайер предложил более прозаическое объяснение. Когда у него спросили, как он может объяснить причины такого влияния Костелло на политиков, О'Дуайер сказал:

— Не имеет значения, кто он — банкир, бизнесмен или гангстер, его бумажник всегда выглядит привлекательно.

Столь высокий уровень закулисных махинаций не оставлял ему времени для занятий текущими делами «Коза ностры», даже если он действительно хотел ими заниматься. Из-за этого небрежения делами мафии многие «лейтенанты» семейства

Лючиано, среди них Вилли Мур, Энтони (Малыш Ауджи Пизано) Карфано, Джо Адонис, Курок Майк Коппола, Доминик (Моряк Дом) де Кватро и Энтони (Тони Бендер) Стролло, набирали силу. Для Валачи ситуация усугублялась еще и тем, что помимо его непосредственного подчинения Бендеру, стали ухудшаться его взаимоотношения с партнером по «лотерейному» рэкету Бобби Дойлом.

Я и не подозревал, что имею дело с такой первостатейной сволочью. Я говорю об этом подонке, Бобби Дойле. С ним никто не сравнится в коварстве, разве что Тони Бендер; а в том, что Тони стал почитать себя большой шишкой, я лично виню Вито Дженовезе. Они все, как бешеные псы. Я очень жалею, что связался с ними.

После того как убили мистера Маранзано, Бобби уломал меня перейти под начало Вито Дженовезе, а он в то время был заместителем босса «семьи» Счастливчика Чарли. Вито поставил нас с Бобби в команду Тони Бендера. Он стал теперь моим «лейтенантом», его слово — законом. К кому мне было идти? Есть Фрэнк Костелло, но я с ним не встречаюсь. Он был занят только тем, что делал деньги. У меня никаких претензий к Фрэнку нет, но я должен сказать правду. Я проклинаю тот день, когда я отказался пойти к Томми Брауну, настоящая его фамилия Луччезе. Он был хорошим другом отца Милдред, и он бы помог мне.

С самого начала я понял, что Тони Бендер не даст мне житья. Вскоре выяснилось, что я был прав. Однажды из города приехал Бобби Доил, он в Виллидж встречался с Тони Бендером, и сказал, что братья Вэкки раскроили башку Эдди Старру из-за какой-то девчонки. Его настоящее имя Эдди Капобьянко. А кличка прилипла к нему, когда он ухаживал за одной танцовщицей, которую звали Мэри Старр. В общем, Бобби спрашивает:

— Ты знаешь братьев Вэкки?

— Да, — говорю, — они держат «лотерею» и работают на Винса Рао.

— Ладно, — говорит мне он, — Тони хочет, чтобы ты ими занялся.

Надо сказать, что братья Вэкки и Винс Рао были из «семьи» Томми Брауна. Я и говорю:

— Бобби, ты знаешь, как я отношусь к Томми. Почему выбрали именно меня? Зачем мне осложнять с ним отношения?

— Успокойся, убирать их не надо.

— А что же?

— Просто обработать их, как надо.

Что мне было делать? Только надеяться на то, что Тони Бендер знает, что творит.

— Ну, ладно, — спрашиваю, — где их искать?

— Не знаю, — отвечает. — Ищи сам.

Что же, думаю, если я их не смогу найти, то оно и к лучшему". Но на следующее утро мне звонит Толстяк Тони Салерно и спрашивает, нужны ли мне братья Вэкки.

— Да, — отвечаю, — нужны.

— А какой из них?

— Не все ли равно? Мне просто сказали, что надо найти братьев Вэкки.

Потом Толстяк Тони сообщил, что он должен встретиться по делу с одним из братьев на углу 97-й улицы и Третьей авеню в два часа дня. Он немного опоздает, так что у меня будет возможность прихватить одного братца. Понимаете, меня загнали в угол. Теперь я уже не могу сказать, что я их не смог найти. Они нарочно подставили мне Толстяка Тони.

Мне уже сказали, кто будет помогать. Один — Джонни Ди, вышибала Тони Бендера, всегда разбирался с теми, кто лез в их «лотерейные» дела. Хотя это я привел его в организацию. Джонни был полным идиотом. У него были выбиты все зубы, и однажды Вито Дженовезе сказал ему:

— Когда мы встретимся с тобой в следующий раз, мне бы хотелось, чтобы у тебя было хоть несколько зубов.

Потом Джонни говорит мне:

— Видишь? Он очень заинтересован во мне.

Вторым был Томми Рай. Его настоящая фамилия — Эболи, полиции он еще известен как Томми Райан, но я его знал под именем Томми Рай. Сейчас он большая шишка, а тогда был просто мелкой шпаной. Так или иначе, у обоих были бейсбольные биты. У меня с собой ничего не было: я был за главного. Мы немного поездили по округе, а потом остановились на 97-й улице.

Как и сказал Толстяк Тони, появился один из братьев, но с ним был еще один парень. Мы выскочили из машины. Он увидел нас и словно окаменел. Ну, Томми и Джонни Ди начали его обрабатывать, а я тем временем придерживал второго парня. Я ему говорю:

— Не лезь не в свое дело. Этот сукин сын стукнул одного парня по голове вчера вечером.

В таких случаях обычно обрабатывают ноги, но Томми и Джонни охаживали его по голове и по другим местам, пока я их не остановил. Если вам интересно, что в это время делали прохожие, то скажу: ничего. Они просто проходили мимо, как будто ничего особенного не происходило.

По-моему, он даже ни разу не вскрикнул. Просто пытался заслониться от ударов. Когда он свалился на асфальт, я оттащил от него ребят. Он свое получил. Ведь его надо было просто отделать, а не убить. Если бы он умер, то это было бы нечаянно: мы же не собирались его убивать. Я слышал, что после этого случая он полгода провалялся в больнице.

И вот теперь я попал в немилость к Томми Брауну, потому что братья Векки находились под его защитой, это я уже объяснял, а Тони Бендер ничего с ним не урегулировал. Вместо того, чтобы отправлять меня на разборку с одним из них, как это сделал Тони, надо было вызвать их на «суд»: это похоже на предварительное слушание дела в суде. Если что-то пойдет не так, как надо, Тони Бендер подстраховался: вся вина ляжет на меня. Я выяснил это, когда мне позвонил Бобби Дойл, и сказал, что мне придется ответить за это дело. «Почему это?» — спросил я, а Бобби говорит, что с этим делом Тони влип по самые уши. Я-то по этому случаю траур носить не буду, но и ничего хорошего из этого не получится.

Мне просто повезло, что Томми Браун был лучшим другом моего тестя, упокой, Господи, его душу. Ведь после того, что произошло, мне предстоял «суд». Было Рождество, и все это дело отложили до «после праздников». Обычно Томми приглашал нас с женой к себе на каждые рождественские праздники, и я просто изумился, когда Милдред сказала мне, что ей позвонила жена Томми, Китти, и пригласила нас в гости. Естественно, я доложил об этом Тони. Я и сейчас помню номер его телефона: Клифсайд, 6-7835 или 3570, что-то в этом роде. Тони сказал, что это хороший признак, и мне надо идти. Как будто я сам этого не знал.

Когда я приехал к Томми, мы немного выпили, а потом он пригласил меня наверх и спросил, кто дал команду на разборку. Тони Бендер был моим «лейтенантом», и если бы я его заложил, мне было бы только хуже. Может, началась бы новая война. Поэтому я сказал:

— Томми, все это я сам устроил. Если я скажу тебе что-то другое, что со мной будет?

— Слушай, — говорит он, — я могу убрать с дороги Тони Бендера.

— Томми, — отвечаю, — я тебе кое-что хочу сказать. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но давай договоримся: я это сделал по собственной инициативе.

Потом он снова сделал жест рукой, что, де-мол, все в порядке. После праздников состоялся «суд». Это было в ресторане Чарли Джонса на 14-й улице. Там были Томми и Винс Рао. С

нашей стороны были Тони Бендер и советник «семьи», Сандино. Последний, конечно, был большим засранцем, но голова у него варила неплохо. Когда назначался «суд», он всегда садился рядом с Тони, чтобы тот не сболтнул чего лишнего.

Пока они обсуждали это дело, я сидел в стороне. Мне составил компанию Бобби Дойл, он шепнул: «Ты только не волнуйся, если дела пойдут не так, как надо». Мне показалось, что он говорил это искренне, и я утешил себя, что мне удалось уладить свои отношения с Томми Брауном. Собственно, Томми не очень-то жаждал крови, но должен сказать, что после этого его ребята всегда относились ко мне прохладно. После «суда» все встали, попрощались, а Тони Бендер подошел ко мне и сказал: «Все в порядке», — имея в виду, что никаких выводов не последует.

Это был не последний случай, когда Тони меня подставил.

В течение некоторого времени после этого Валачи еще поддерживал какую-то видимость добрых отношений с Бобби Дойлом: их связывала совместная работа по организации игры в «полисы». Однако Джо начал заниматься и другими делами. Во-первых, он занялся ростовщичеством: стал давать деньги под проценты, причем большие проценты, тем, кто не мог или не хотел получить ссуду законным путем.

— Бобби мне уже изрядно надоел, но отказываться из-за него от «лотереи» я не собирался, — говорил Валачи. — Я решил, что надо немного подождать и осмотреться — насчет других дел. Вито больше нет, всем заправляет Тони; что же, я понял, что мне придется самому позаботиться о своем будущем. Я не говорю, что Вито — подарок, но соображал он все же неплохо. Одно я знал точно: от Тони Бендера надо было держаться подальше. Он в основном торчал у себя в Гринвич-виллидж, ну а я, естественно, в Гарлеме. И ездил к нему только тогда, когда меня вызывали.

Теперь у меня стали появляться кое-какие доходы от «лотереи», и часть денег я смог снова пускать в дело. Займы шли под 20 процентов, мы это называли «наваром». Например, вы даете взаймы 1000 долларов, клиент должен еженедельно возвращать 100 долларов, то есть ссуда погашается в течение двенадцати недель. Эти 200 долларов, что вы на этом заработали, и есть навар. Иначе говоря, за каждые 5 долларов, данные взаймы на одну неделю, вы получаете 6 долларов.

С чего я начинал? Ну, сначала вы даете одну или две ссуды — спрос на них всегда был. Боже мой, если давать деньги взаймы любому, кто попросит, то тогда вы должны, как минимум, стать владельцем Римского банка. А по округе тем временем идет слух.

Меня знали в Бронксе — я там жил, знали в Гарлеме, потому что там вертелись мои игорные дела. Там я и начал работать. Деньги, конечно, надо давать только тем, в ком ты уверен.

Иногда я сам попадал впросак: не хватало наличных, и приходилось самому брать взаймы. Мне давали деньги под 10 процентов, а я давал ссуду под 20, но ведь мой кредитор знал, что мне можно доверять. Он был уверен, что я верну ему долг при любых обстоятельствах. То есть он ничем не рискует.

В газетах много писали всякой ерунды о подпольных ссудных кассах, я имею в виду, про крутые дела. Я могу говорить только о себе. Каждый делал свои дела по-своему. Я старался вести дело как бизнесмен. Я не хотел никого избивать, только хотел делать деньги. Главное, чтобы средства все время были в обороте. Что толку, если они будут лежать без движения? Если вы мне не верите, спросите у людей. Истинная правда: меня ни разу не замели за ростовщичество, а я занимался этим делом многие годы. Правда, не постоянно, но я жил с этого дела. Оно было небольшое. В конце концов вы убедитесь, что это был как бы побочный приработок. Другими словами, это не было моим главным бизнесом.

На этом деле я не потерял ни единого цента. И всегда получал обратно свои деньги. Дело в том, что я очень аккуратно выбирал клиентов. С бизнесменами, то есть с легально действующими деловыми людьми, я обычно не связывался. Через какое-то время такой человек начинает размышлять о размере процентов, которые он платит по ссуде. Получив одну ссуду, он потом приходит за второй и влезает все глубже и глубже. А потом вдруг вы узнаете, что он побежал в полицию или к окружному прокурору. То же самое с работягами. Как раз к ним-то и приходится применять силу, поэтому с ними я тоже дела не имел.

Одно время у меня было сто пятьдесят постоянных клиентов. Я потихоньку избавлялся от тех, у кого вечно были какие-то проблемы, и обслуживал тех, с кем можно было спокойно работать: букмекеров, «шестерок» из «лотерейных» контор, всяких подпольных дельцов, иногда содержателей питейных заведений, в общем, такого рода людей. Честно говоря, к ним силу применять не приходилось. Поэтому я слыл лучшим ростовщиком в округе. Я вел дела с умом. Почему было не позволить кому-то задержаться с платежом на недельку? Остальные деньги все равно были в обороте, потому я не волновался, когда кто-то попадал в трудное положение, ну, например, если букмекер попадал в передрягу. Кто мог точно сказать, что там у него стряслось? Мне казалось, что в таких случаях лучше всего было дать ему передышку. Именно так я и поступал.

Скажем, клиенту нужна тысяча долларов, но выплачивать еженедельно по сто долларов он просто не может. Если у него хорошая репутация, я, допустим, могу установить выплату в 80 долларов, и никаких дополнительных процентов с него за это не брать. Естественно, когда он возвращает деньги, я снова отдаю их в ссуду. Деньги опять в обороте. Когда мои деньги ходили по рукам, я никогда не мог точно сказать, какой процент с них я получаю. Это было просто невозможно. Для этого мне бы потребовался бухгалтер.

Валачи предпочитал стабильную клиентуру, у которой не приходилось выколачивать долги. Он отмечал:

— По мере того, как вы работаете в этой области, вы убеждаетесь, что большинство клиентов приобретают привычку снова брать ссуды, причем до того, как погашен предыдущий долг.

Для ростовщика, каковым и был Валачи, такие варианты были сущим кладом: повторный заем, или как его называли в этих кругах, «сладкая» ссуда. Если клиенту, не расплатившемуся по старой ссуде, снова требуются деньги, ростовщик просто вычитает из новой ссуды причитающуюся ему сумму непогашенного долга, а ссудный процент берет с полной суммы займа. Практически это означает, что он удваивает свой «навар».

Я приведу один пример. Был один букмекер по имени Хьюго. Однажды он попал в тяжелейшее положение, причем в это время он был мне должен 300 долларов по пятисотдолларовой ссуде. Я зашел к нему, чтобы получить еженедельный платеж: он платил по 50 долларов в неделю. И узнаю, что он влетел, и ему нужна еще одна ссуда в 500 долларов. Поскольку он мне должен 300 долларов, я выдаю ему 200 зеленых. Но мой процент составляет уже 100 долларов, так как это новый займ в 500 долларов, и мой навар составляет 200 процентов. Поэтому самое выгодное — повторные ссуды. Практически я даю ему 200 долларов наличными, а наживаю на них 100 долларов. В таких случаях самое лучшее дать ему шанс немного перевести дух. Дело ведь не в том, чтобы раскроить ему башку, это любой дурак сделать может. Суть в том, что нужно все время держать деньги в обороте.

Действуя таким образом, скоро Валачи имел около 10 тысяч долларов в «уличном обороте», что в среднем приносило ему 1500 долларов в неделю.

— Однако, — поспешил он добавить, — у меня были большие расходы. Мне казалось, что каждую неделю кто-то женится или выходит замуж; только эти события требовали от 50 до 100

долларов на подношение «свадебного» конверта. Мне не хотелось, чтобы меня считали дешевкой.

Когда у Джо появился партнер, Джон (Джонни Робертс) Робилотто, объем его ссудных операций значительно возрос. Напарник финансировал его, а Валачи отвечал за расширение клиентуры и осуществлял текущее руководство «бизнесом».

Джонни был классный парень — крепко сбитый, пяти футов восьми дюймов ростом, и поверьте, он никогда не говорил «нет». Он работал в паре с Тони Бендером в таких клубах, как «Голливуд», «Виллидж-Инн», «Хоул-19», «Блэк Кэт». Чем бы ни занимался Джонни, всегда его напарником был Тони Бендер. Ума не приложу, почему такой отличный парень постоянно имел дела с Тони. Кто сможет это объяснить? У него же не станешь спрашивать.

В то время Джонни еще не был членом организации. Он работал с Тони Бендером, но тому никак не удавалось ввести Джонни в наш круг: его брат служил в полиции. Другими словами, даже у Тони не хватало влияния, чтобы убедить боссов закрыть на это глаза. Много позже Джонни начал общаться с Альбертом Анастазия, и тот ввел его в свою «семью». Вы понимаете, что я имею в виду под словом «ввел». Он сделал его членом организации «Коза ностры». Это случилось неожиданно. Когда и как это произошло, я точно не знаю, но когда придет время, я поясню — с Альбертом Анастазия шутить было опасно. Я, конечно, никогда в этом не сомневался. Просто я был рад, что Джонни стал членом его «семьи».

Валачи встретился с Робилотто в одном из клубов. Он слышал, что Робилотто держал большую винокурню в районе доков на Гудзоне. «Конечно, — говорил он, — сухой закон уже давно отменили, но это вовсе не означало, что спрос на алкогольные напитки совсем упал». Валачи знал несколько человек в Бронксе, которые с удовольствием приобрели бы самодельные алкогольные напитки, и он рассчитывал получить комиссионные за то, что сведет их с Робилотто. «Я думал, что для Джонни это будет выгодный сделкой, — заметил он, — потому что эти ребята купят у него все оптом, и ему не придется бегать взад-вперед, продавая свое зелье в розницу. Однако Робилотто заявил, что он делает ровно столько, сколько может продать. Валачи поверил ему на слово и больше к этому вопросу не возвращался. Через несколько дней к нему пришел Бобби Дойл; Джо был до глубины души возмущен его предложением.

— Я слыхал, у тебя есть покупатели на товар Джонни, —

сказал Дойл. — Мы поговорили насчет этого дела с Тони и обо всем договорились.

Для Валачи эти слова были лишним доказательством низости Дойла. «Видите, какая это была сволочь, — зло сказал он. — Он обязательно должен быть влезть в каждое дело, которым я занимался. Так вот, это означало, что я должен поделить комиссионные — около 500 долларов в неделю — с Бобби». Валачи обнаружил, что Робилотто сам сожалел о том, что отказал ему в первый раз:

— Я не мог совершить с тобой эту сделку без одобрения Тони.

— Джонни, — ответил ему Валачи, — я все понимаю. Это не твоя вина.

Впоследствии они подружились. Однажды вечером Валачи был в клубе «Голливуд», и к нему обратился клиент за ссудой в 2000 долларов. У Валачи таких денег с собой не было.

— Всю наличность я вложил в дело, — объяснил он.

Однако этот разговор случайно услышал Робилотто и предложил Валачи требуемую сумму. После того, как Джо вернул ему деньги, Робилотто весьма заинтересовался, каким образом работает Валачи. Наконец, он признался:

— Мне нравится, как ты работаешь. Может, ты возьмешь меня в долю?

Вскоре Робилотто передал ему 20 тысяч долларов.

Он велел мне взять деньги и пустить их в оборот, а доход предложил поделить пополам. «Пусти их в дело, — сказал он, — пока я их не промотал», «Поверьте, он говорил правду. Он совершенно не умел обращаться с деньгами. Однажды я встретил его где-то в районе Ист-Сайда, кажется на 14-й улице. Он играл в кости, причем проигрывал неимоверно быстро. Не успел я и глазом моргнуть, как он просадил 15 тысяч. Я дал ему взаймы 2 тысячи долларов — все, что у меня с собой было, но эти деньги он снова спустил. Потом он занял 5 тысяч у хозяина заведения — его там знали — и когда у него остались последние 600 долларов, появился малыш Джо, который работал у меня «шестеркой» в «лотерее» и помогал мне по ссудным делам. Он искал меня — я предупредил своих, где можно найти. Джо всегда везло: когда он поймает талию, может десять раз подряд выбросить выигрышную комбинацию. Вот я и говорю Джонни: «Пусть он сыграет за тебя».

А потом случилось чудо. Джо выбрасывает «четверку», а это выигрышное число, и берет банк с первого захода. Потом он два раза подряд выбрасывает «семерку» и снова выигрывает. Потом Джонни ставит на «девятку», а Джо выбрасывает подряд две или три, я точно не помню, «девятки»; Джонни ставит на «пятерку» и

Джо выбрасывает «пятерку» — тут все просто с ума посходили. Так все оно и было, правда.

Короче говоря, Джонни отыгрался и даже выиграл несколько тысяч, вернул мне долг. Я буквально оттащил его от стола, и он дал малышу Джо тысячу долларов за труды. А потом мне сказали, что игроки рассердились на меня, потому что я заставил Джонни прекратить игру; они даже додумались до того, что решили меж себя не пускать меня больше в это заведение. А мне что до этого? Все одно, я не очень-то любил играть в кости.

С теми деньгами, что дал мне Джонни Робертс, мои ссудные дела пошли хорошо. Я думаю, у нас в обороте было около 60 тысяч долларов, и, естественно, Тони Бендер знал об этом. Тони довольно много проигрывал на скачках, и однажды Джонни намекнул мне, что Тони сильно интересуется нашей ссудной кассой. Другими словами, он хочет получить свою долю доходов. Раз так, то речь пойдет об одной трети. Джонни постоянно находился у него под каблуком, деваться было некуда. А я решил, что на это не пойду. Они меня уже один раз потрясли со спиртным, которое гнал Джонни, и я решил, что больше так продолжаться не может. Пойдет слух, что если ты хочешь кого-нибудь потрясти, то трясти надо Джо Каго — он сопротивляться не будет. И я сказал Джонни:

— Слушай, если Тони задает так много вопросов, и ты считаешь, что ему надо отстегивать его долю, то это касается только тебя лично, потому что я своей долей делиться не намерен.

Мне тут же передали, что Тони Бендер хочет меня видеть, и мы встретились в ресторане Дьюка [20] в Джерси. Я не помню точно, где он находился — в Форт-Ли или Клифсайде, эти городки так слились, что никогда не скажешь, где именно ты находишься. Так или иначе, все местные ребята ошивались в ресторане Дьюка. Тони сказал мне, что Джонни Робертс больше со мной работать не будет, и мне надлежит немедленно собрать с кредиторов его деньги. Он добавил, что сожалеет об этом, но ему как можно скорее нужны наличные, чтобы играть на скачках.

Я сказал Тони, что все деньги у меня на работе, клиенты исправно платят долги, и я не могу так просто потребовать у них возврата всей суммы. В конце концов, это бизнес. Я пообещал, что подсчитаю причитающуюся Джонни сумму и перехвачу ее в другой ссудной кассе, однако высчитаю с этой суммы десять процентов.

— Так это практически съест все его доходы, — проворчал Тони.

— Слушай, — ответил я, — ведь это не моя затея. Деньги ведь

нужны тебе, а не мне; таковы правила.

Он согласился.

Вот так мы перестали работать в паре с Джонни. Возможно, я поступил неправильно. Попросту говоря, я бы лучше свернул все предприятие, чем стал делиться доходами с Тони Бен-дером или позволил бы ему влезть в это дело. А когда все было оговорено и сделано, у меня в обороте осталось около 30 тысяч долларов своих денег, и я был доволен.

Методы предоставления ссуд, которыми пользовался Валачи, мало-помалу привели его в ту область, по которой сходила с ума вся мафия — проникновение в легальный бизнес. Вместо того, чтобы выколачивать деньги из одного клиента, который просрочил все платежи из-за крупного проигрыша в карты, Валачи принял его предложение и стал совладельцем ресторана под названием «Пэрэдайз» в Манхэттэне. Как обычно, с окончательным решением он не спешил.

— Я сказал ему, что мне надо подумать, — вспоминал он. — Этот парень, его звали Эдди, сделал мне серьезное предложение, но я сначала хотел убедиться, что это не ловушка.

Во-первых, в течение нескольких дней он наблюдал за работой ресторана, во-вторых, тщательно опросил барменов. Поторговавшись относительно вносимой им доли, Валачи согласился дать девять тысяч наличными, за вычетом долга в 3500 долларов.

— Теперь у меня было свое заведение, — говорил он мне, — пусть даже половина; я почти все время там проводил. Занимался выдачей ссуд, нанял нового шеф-повара, и все ребята стали ходить туда. Я получал с него около 800 долларов в месяц.

Долевое участие Валачи во владении рестораном нельзя было оформить официально, потому что в связи с его судимостями ему бы отказали в выдаче разрешения на право торговли спиртными напитками. Чтобы как-то обезопасить себя, он оформил частный договор, а жена его совладельца подписала его в качестве свидетеля. Теперь ему приходилось заботиться о каком-то прикрытии от налоговой службы, как-то объяснять источник своих доходов. Этот вопрос разрешился в подобных же обстоятельствах; ему удалось внедриться в предприятие по пошиву одежды.

Его звали Мэтти. У него был цех по пошиву одежды в Бронксе, Проспект авеню, 595, — контора так и называлась: «Проспект дресс энд неглижей компани». Этот парень был одним из моих лучших клиентов. Он занимал и перезанимал деньги, при этом задолжав мне несколько тысяч долларов, но аккуратно, по

пятницам, выплачивал причитающиеся мне суммы. Вдруг однажды он спросил, нельзя ли ему задержать платежи на пару недель. Когда эти две недели истекли, он попросил еще недельную отсрочку. Я встретился с ним и спросил: «Мэтти, в чем дело?» А он говорит, что у него сложилась трудная ситуация на производстве: износилось оборудование по обметыванию петель, и прочее. Я осмотрел цех, и он мне понравился. Мэтти был не дурак, он сразу понял, что у меня на уме, и предложил войти с ним в долю. Я поговорил с его главным посредником; он сказал, что если Мэтти купит новое оборудование, то он даст ему такие объемы заказов, какие он только сможет принять. К тому же он пообещал устроить так, чтобы фасоны одежды, заказываемые фабрике, не менялись каждые пять минут.

Следующий вопрос, который меня волновал, это профсоюзы. Я поехал в район, где располагались пошивочные предприятия, чтобы переговорить с Джимми Дойлом, настоящая фамилия — Плюмьери, или с одним из братьев Дио (Диогварди), Джонни или Томми. Сейчас я точно не помню, с кем именно я говорил, кажется, с Джимми, но это роли не играет, потому что братья Дио — племянники Дойла, и если ты говоришь с одним из них, то это значит, что ты договариваешься со всей «семьей». Они все были членами «семьи» Томми Брауна и могли утрясти любую проблему с профсоюзом, по-моему, это было 25-е отделение профсоюза текстильщиков. Я рассказал Джимми, в чем проблема, и что я собираюсь заняться пошивом одежды, но совсем не хочу иметь дело с профсоюзами. Тем более что посредник, от которого все зависит, решать проблемы с профсоюзами не сможет. Джимми говорит: «Не беспокойся. До тех пор, пока ты будешь вести дела в Бронксе, все будет о'кей. Проблем у тебя не будет, мы это гарантируем. Но в Манхэттэн не лезь».

Вот и все. Я вернулся и сказал посреднику, что вхожу в долю с Мэтти, а насчет профсоюзов беспокоиться нечего. «Как тебе это удалось?» — спрашивает он. Я в ответ просто упомянул имена нескольких людей, с которыми я разговаривал по этому поводу, и это произвело на него большое впечатление. Я занимался пошивом одежды около двенадцати лет, и только пару раз у нас были неприятности по профсоюзной линии. Как только на горизонте появлялся какой-нибудь профсоюзный деятель, я звонил Джону или Томми Дио, и проблемы решались сами собой. Однажды я пришел в цех, а как раз передо мной там побывал какой-то профсоюзный чин и, как говорится, «выключил рубильник». Другими словами, он распорядился остановить производство. Я сказал Мэтти: «Дурачок, никогда не допускай таких вещей. Я же тебе говорил, что все уладил». Я бы сразу

выгнал этого парня вон, но Мэтти уважал закон. Он перепугался до полусмерти и остановил цех. Этот профсоюзный деятель пригрозил Мэтти, что подаст на нас жалобу, поэтому я позвонил Джонни Дио, и на этом все кончилось.

Через какое-то время опять появились два профсоюзных лидера, но в этот раз я был на месте. Они хотели узнать, состоят ли наши работницы в профсоюзе. Большинство из них составляли пуэрториканки, и я сказал этим парням: «Вы что, с ума у себя там посходили? Они по-английски и говорить-то не умеют». Я терпеть не мог эти профсоюзы. Для меня профсоюзный деятель все равно что сутенер. Извините, ну так уж я к ним настроен. Они желали знать, сколько мы им платим, и как я выяснил, платили-то мы больше, чем предусматривали их профсоюзные расценки, поэтому я лишний раз убедился в том, что нечего нам в этом профсоюзе делать, меня и палкой туда не загонишь. Они мне заявили, что подадут на меня рапорт, но я уже утомился от этих разговоров. У Мэтти было разрешение на хранение огнестрельного оружия; я пошел и взял в ящике его стола револьвер. Посмотрели бы вы, как они драпали от меня. Примерно через час мне позвонил Томми Дио — он от души посмеялся, когда узнал, что произошло. «С ними так и надо, — поддержал меня он. — Они сказали, что их встретил какой-то сумасшедший, и им просто повезло, что остались невредимы. Не волнуйся, они больше не появятся».

Если подсчитать, сколько задолжал мне Мэтти, когда я вошел с ним в долю, наверное, всего получилось бы около 15 тысяч долларов. Нам пришлось приобрести разное специальное оборудование, я о таком даже и не слыхивал, типа машин для заделки внутренних швов. А это стоило денег. Мэтти был отличным механиком; мы купили много подержанных машин, и он привел их в полный порядок. На те средства, что я вложил в этот цех, я получил около двухсот долларов прибыли в неделю, что меня вполне устраивало, потому что всем производством заведовал Мэтти, а у меня имелось неплохое прикрытие от налоговой инспекции, если бы вдруг она стала слишком сильно придираться.

Я не вмешивался в работу цеха, за исключением одного случая, когда вдруг мои доходы с предприятия упали до 100 долларов в неделю. Я спросил у бухгалтера, в чем дело, но, как я понял, Мэтти предупредил его, чтобы он держал язык за зубами. Дело было в том, что Мэтти просадил довольно крупную сумму в «лотерее». Я убедился в этом, когда Мэтти однажды пришел ко мне и сказал, что он выиграл 2400 долларов, но ему не хотят выдавать выигрыш. Естественно, я пошел в эту контору и, поверьте, получил все, что ему причиталось. Содержатель

«лотерейной» конторы сказал, что Мэтти делал у него ставки все последнее время, причем много проигрывал. Из полученной суммы я взял все, что мне причиталось, а остальные вернул Мэтти. И потом так двинул ему по роже, что он отлетел метра на три.

— Так вот как ты распорядился моими деньгами, — сказал я. — Играешь как последний сопляк, а когда выигрываешь, наконец, с тобой даже не считают нужным расплатиться.

Я сказал ему, что сам занимаюсь этим делом, и велел прекратить игру. Ему повезло, что он крупно выиграл один раз, потому что в большинстве случаев выбор числовой комбинации бывает подстроен. Это охладило его пыл, а потом ко мне пришла его жена, приятная такая женщина, и поблагодарила за это, потому что она просто с ума сходила от его азартных развлечений.

Что же, у меня был ресторан и пошивочный цех. Я промышлял «лотереей» с этим скотом, Бобби Дойлом, и вел дела в своей ссудной кассе. Я решил немного поубавить свой пыл и отойти от дел мафии. Когда-то меня учили, что если я хочу быть ее членом, то должен быть мужчиной, а не «шестеркой» на побегушках. Надо мной стоял Тони Бендер, от него я ничего не получал — и если он полагал, что будет что-то получать от меня, то я для себя решил, что это произойдет только через мой труп. Уж лучше пойти работать, чем «шестерить» на него. Иными словами, я стал «непокорным». Кто меня осудит за это?

К этому времени у нас родился ребенок, мы назвали его Дональдом, и, естественно, Милдред вечерами сидела с ним дома. Мне же это было невмоготу. У меня просто крыша поехала от всех этих мыслей, мне все время нужно было двигаться. Поэтому я начал встречаться с девушками, так, чтобы расслабиться; мы ходили то в одно место, то в другое — я был просто не в состоянии сидеть вечерами дома. Девушек было шестеро, они жили все вместе в восточной части Гарлема. С первой из них, Дженни, меня познакомил один мой приятель. А еще были Лаура, Роза, Элен, Луиза и еще одна, не помню ее имени. Мне больше всех нравилась Лаура, и через некоторое время я снял ей отдельную квартирку. Им было лет по девятнадцать, и когда я приглашал одну из них куда-нибудь, то давал ей 40 или 50 долларов на платье, потому что мне было бы стыдно появляться с ними на людях, если бы они были плохо одеты. Забыл сказать: сначала я их всех отправил к доктору, на осмотр. И правильно сделал. Две из них нуждались в лечении. «В таком виде на улицу я их выпустить не смогу», — сказал врач. Мне это обошлось еще в 80 долларов.

Глава 8

Конец тридцатых годов для организованной преступности в целом сложился крайне неудачно. Лючиано и Дженовезе были не единственными, кто пал в борьбе или бежал с поля брани во время крестового похода, который объявил Дьюи преступному миру. Следующим в его списке стоял один еврейский гангстер, которого в те времена боялись больше всего, Луис (Лепке) Бухальтер. Его судьба, а он окончил жизнь на электрическом стуле, тем более примечательна, что ни один из главарей «Коза ностры» одинакового с ним положения ни разу не был осужден судом. И в самом деле, как только они добирались до вершины преступной пирамиды, они весьма редко попадали за решетку.

Бухальтер получил свою кличку из-за безумно любившей его матери, которой доставляло удовольствие называть его Лепкела, или Маленький Луис. Он был хрупкого телосложения, сдержанный, с грустными глазами, и выглядел скорее как чистильщик обуви, а не как глава огромной организации по сбыту наркотиков, абсолютный правитель профсоюзов и администрации грузовых перевозок, ресторанов, кинотеатров, а также хлебобулочной, легкой и пушной промышленности.

Но, как бы он ни был велик, чтобы выжить в этой борьбе, Бухальтер просто-напросто не располагал возможностями и мистической силой «Коза ностры». В 1937 году он разыскивался за убийство, был осужден за распространение наркотиков и вымогательство. Он решил уйти в подполье и методично направлял работу по устранению различных людей, которые могли дать показания против него. Затем кто-то Из его «солдат» допустил серьезный промах, застрелив некоего несчастного гражданина, который на свою беду был похож на одного из возможных свидетелей обвинения. Взрыв общественного негодования, последовавший вслед за этим, привел к началу широкомасштабных розысков Бухальтера, живого или мертвого. Стратегия поиска была такова, чтобы настолько затруднить жизнь его коллегам из «Коза ностры», чтобы у них возникли определенные подозрения на тот предмет, что он слишком уж долго находится на свободе. Прием сработал. Даже самому близкому его союзнику в «Коза ностре», Альберту Анастазия, не удалось помочь ему. В итоге через два года пребывания на нелегальном положении собратья Бухальтера по преступному миру решили «сдать» его в расчете на то, что таким образом им удастся договориться с федеральными властями. Если он предает себя в руки правосудия по обвинению в распространении

наркотиков, то ему позволят отбыть в места не столь отдаленные до того, как штат Нью-Йорк предъявит ему обвинение в убийстве. Бесспорно, это был привлекательный план: кто знает, какие неприятности могут случиться со свидетелями обвинения, пока он будет сидеть в тюрьме. Но скоро Бухальтер понял, что его надули. В течение семнадцати месяцев слушалось дело, ему грозила высшая мера, и когда один из его подручных дал против него свидетельские показания, Бухальтера приговорили к смертной казни.

Вслед за этим событием откровения Абе (Кид Твист) Релеса вновь привлекли внимание общественности к проблемам организованной преступности. Релес был приятелем Бухальтера и членом бруклинской банды, которую многие называли «Корпорацией смерти». Банда имела тесные связи с некоторыми людьми из «Коза ностры», в частности, с Анастазия. Информация, которую предоставил Релес, привела к раскрытию полудюжины кровавых убийств, ранее совершенных в этом бандитском районе. С тех пор эту банду, «Корпорацию смерти», рисовали не иначе, как контору, специализирующуюся на заказных убийствах в интересах всего преступного мира США. По словам Валачи, это не соответствует действительности, во всяком случае, по отношению к убийствам, совершавшимся по решению «Коза ностры». Он говорил, что такие задания организация поручала только своим членам.

Карьера информатора окончилась для Релеса 12 ноября 1941 года, когда он выбросился из окна шестого этажа отеля «Хаф Мун» в Кони-Айленд, где он находился под охраной в целях обеспечения личной безопасности. Наибольшую выгоду из этого события, как это ни странно, извлек Альберт Анастазия: как сказал окружной прокурор Бруклина Вильям О'Дуайер, вместе с Релесом «из окна вылетел «верный» смертный приговор» для Анастазия — за совершение умышленного убийства. В течение нескольких лет не смолкали ожесточенные споры о том, как мог Релес вывалиться из окна, когда его охраняли шестеро полицейских. Однако для Валачи дело было абсолютно ясным:

— Я не встречал ни единого человека, который бы поверил, что Але выпрыгнул из окна по своей воле.

Таким образом, помимо его разочарования в «гангстерской жизни», вызванного его постоянными стычками с Тони Бен-дером, для Валачи действительно настало время «лечь на дно». Он получал неплохие доходы с «лотереи», ссудной практики, пошивочного цеха, ресторана. В это время он решил заняться лошадьми. Наверное, это — единственное, что он делал ради удовольствия. Во время наших бесед он мог абсолютно

бесстрастно рассказывать об исполнении приговора «Коза ностры», о своих любовницах, даже о своих стычках с Бендером. Но когда он начинал говорить о лошадях, он становился совсем другим человеком: вскакивал со стула, взволнованно шагал по камере, разыгрывал в лицах каждый эпизод, как будто пытался вновь прожить пережитое.

Наверное, в глазах Валачи этические нормы преступного мира были поколебимы, когда дело коснулось одной из его лошадей. Найтс Дачес, которая была одним из фаворитов в предстоящих скачках. Лишь одна лошадь, внесенная в заявку, вызывала у него опасения; ее владельцем был его друг Джозеф Бруно. Накануне скачки в Рокингэм-Парк, Штат Нью-Гемпшир, Бруно обратился к нему с предложением. Если Валачи соглашается пропустить вперед лошадь Бруно по кличке Хай Касл, то в следующий раз, когда обе лошади будут заявлены в одной скачке, он вернет должок. Если они сговорятся, толковал Бруно, они смогут получить неплохие деньги, потому что обе лошади находятся в прекрасной форме, но поскольку ни одна из них фаворитом не является, вряд ли игроки будут ставить на них в тотализаторе.

— Я сказал ему, — вспоминал Валачи, — что мне наплевать на деньги. Единственное, чего я хотел, — выиграть свою первую скачку. Я сильно нервничал и точно знал, что в ту ночь мне уснуть не придется. Только тренер или владелец лошади сможет понять мое состояние.

Детали этой скачки навечно врезались мне в память.

Можно ли забыть такое? Сначала я расскажу вам о Найтс Дачес. Мне очень нравилась эта кличка. Ее привезли из Ирландии, и она была настоящей гнедой кобылой. Она родилась от Найт оф Гартер и Диомедии. Настоящий класс! Когда я ее купил, по документам ей было два года, но на самом деле ей было всего полтора. Я объясню, почему. Вне зависимости от того, в каком месяце родилась лошадь, первого января следующего года она автоматически становится на год старше. Таковы правила. Поскольку Найтс Дачес родилась в Ирландии, она привыкла бегать не так, как принято у нас. Там лошадей приучают бегать по часовой стрелке, сам не знаю, почему. Естественно, нам пришлось ее переучивать. Все это заняло какое-то время, и к трехлетнему возрасту она была готова к соревнованиям. Пока шли тренировки, выяснились кое-какие особенности этой кобылы. Мы обнаружили, что она лучше бежит длинные дистанции, чем короткие. Однажды утром мы засекли время: на дистанции в одну милю она показала резвость одну минуту сорок три секунды, причем на последнем отрезке

дистанции резвость была выше, чем вначале. Тренер заявил, что лошадь готова и нам следует выставить ее на скачках в Эмпайр-Стейт. И тут выяснилась еще одна подробность. «А почему именно в Эмпайр?» — поинтересовался я. Он объяснил, что на этом ипподроме очень твердая дорожка, а поскольку у Найтс Дачес небольшие копыта, она должна хорошо пройти эти скачки. Иначе говоря, если покрытие дорожки мягкое, то копыта будут проваливаться, и она быстро устанет. Боже мой, подумал я, как же много надо всего знать, чтобы заниматься скаковыми лошадьми.

Ну, пока суд да дело, ипподром Эмпайр-Стейт продают, дорожку приспосабливают для рысистых испытаний. Поэтому мы перевезли кобылу в Рокингэм. Там тоже была твердая дорожка, не такая, как в Эмпайр-Стейт, но достаточно твердая для того, чтобы лошадь могла нормально оттолкнуться ногой во время скачки. На Найтс Дачес почти никто не ставил, потому что после первого старта в Рокингэме она осталась далеко за чертой призеров. Меня там в то время не было, но мне позвонил тренер и сказал, что ему не понравилось, как ехал жокей. По его мнению, он придержал лошадь. Поэтому я поехал туда сам и нанял нового жокея, Тедди Аткинсона, должно быть, вы слышали о нем. Мне хотелось, чтобы в следующий раз на ней ехал хороший жокей. Я-то знал, что она готова к скачкам, и поставил на нее тысячу долларов в одинаре и тысячу долларов в экспрессе. Вначале на нее ставили 40 к 1, но к закрытию касс ставки повысились: 11 к 1. В таких делах никогда не угадаешь, но мне казалось, что ее основным соперником будет Хай Касл. Найтс Дачес значилась у букмекеров на седьмой позиции, Хай Касл — на пятой. Я думал, меня удар хватит.

Я вам расскажу про эту скачку. Распахнулись ворота, и они пошли. Сразу же вперед вырвалась одна лошадь, не помню, как ее звали, кажется, Брейн Экшн, за ней — еще одна, Хай Касл шла на третьей позиции, Найтс Дачес — на четвертой. Прошли первый поворот: Брейн Экшн на четыре корпуса впереди второй лошади, Хай Касл отстает от нее на три корпуса, моя идет следом. На дальней прямой: Брейв Экшн впереди на полкорпуса, Хай Касл достала вторую лошадь, Найтс Дачес отстает от них на четыре корпуса. Проходят поворот: Хайл Касл впереди, две первые отстают, полем их обходит Найтс Дачес.

На финишной прямой — Хай Касл впереди на голову, Найтс Дачес сокращает разрыв, начинает обходить лидера. И вдруг жокей на Хай Касл поворачивается и бьет мою кобылу кнутом по морде. Когда я увидел все это, вскочил, заорал как бешеный. Все зрители видели, что произошло — крик стоял оглушительный, ведь все это было прямо перед трибуной. Найтс Дачес опять

начинает настигать лидера, но поздно — на финиш она приходит второй. Объявляют: победитель заезда — Хай Касл, номер пять. Интересно, думаю я, что же теперь будет с этим жокеем, даже если он и под крылом Джо Бруно. Тем временем Тедди Аткинсон пошел в судейскую и заявил протест. Пока шло совещание, я и дышать боялся. И вот новое объявление: победа в скачке присуждается лошади под номером семь — Найтс Дачес, а это значит, что я выиграл!

Боже, как я радовался! Насчет денег мне было все равно, но выдача было неплохая. В экспрессе я выиграл 10400 долларов, да в одинаре мне выплатили, кажется, около двух тысяч. На ипподроме я ставок не делал, чтобы не сбивать цену; я сделал это в букмекерских конторах в Нью-Йорке. А теперь надо кое-что пояснить. Когда я делал ставки, я их застраховал. Сумма страховки — десять процентов от ставки. Если этого не сделать, то букмекер выплатит вам максимально 20 к 1, даже если лошадь принесла больший выигрыш. А застраховав свою ставку, вы гарантированно получаете столько, сколько выплачивает тотализатор на ипподроме. Конечно, перед закрытием касс Найтс Дачес шла уже меньше, чем 20 к 1, но этот уровень установился в самую последнюю минуту. Другими словами, когда играешь на явного фаворита, лучше не рисковать.

Сразу же после скачек я заплатил Тедди Аткинсону 200 или 300 долларов (это помимо его жокейской ставки в 25 долларов за скачку). Тренеру дал 500 долларов и велел ему оставить себе деньги, что-то около 800 долларов, оставшиеся от расходов на ковку, ветеринарное обслуживание и прочие дела. Не забыл и конюхов — много я им давать не стал — так, чтобы они поняли, что я их не забыл. Важно, чтобы люди остались не в обиде на тебя. А неприятностей они могут доставить изрядно. При желании они вам наплетут с три короба, чтобы вы точно поняли, почему это ваша лошадь всю дорогу проигрывает. Я помню, у одной дамы был прекрасный жеребец, но он не выиграл ни одной скачки. Почему? Потому что тренер заставлял жокея придерживать его: дама убедится, что толку от этого жеребца нет, и продаст его тренеру за бесценок.

— Знаете, — говорил ей тренер, — сегодня ему почему-то совсем не хотелось бежать. Даже не знаю, что это с ним случилось.

Именно из-за таких вот подонков и идет о конных соревнованиях бурная молва. За этими парнями все время нужен глаз да глаз.

Да, пока не забыл, — самое интересное во всей этой истории с Найтс Дачес. Я приехал обратно, и ребята в букмекерской

конторе рассказали мне, что Бобби Дойл поставил кучу денег на Хай Касл, а когда ее дисквалифицировали, он чуть не лопнул от злости и стал орать: «Это все Джо подстроил!» Ну и посмеялся же я! Тем не менее именно таков был ход мыслей этого шакала.

Что касается Валачи, то до 1937 года он считал, что скачки существуют лишь для того, чтобы ежедневно определять выигрышную комбинацию в подпольной «лотерее». Однажды зимой они с Милдред поехали на отдых в Майами, и вместе с Редкозубым и другими членами «Коза ностры» зачастили на ипподром. Поначалу он не очень-то интересовался игрой на тотализаторе.

Мои приятели все время подсказывали мне, на какую лошадь надо ставить, — вспоминает он. — Хорошо еще, что я ставил по 10–20 долларов, не больше. И все время проигрывал.

Как рассказывал Валачи, все изменила одна случайная встреча. Однажды Милдред поставила два доллара на одну лошадь, ставки на которую принимались 99 к 1, — ей просто понравилась ее кличка. Редкозубый и Валачи посмеялись над ее выбором, а пожилой человек, сидевший рядом с нею, сказал: «Не слушайте их, мадам. Вы сделали правильный выбор». Когда лошадь пришла первой, Валачи решил, что с этим человеком надо познакомиться поближе.

От него я узнал, как нужно играть на тотализаторе. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо за совет, что вы дали моей жене. Это единственный дельный совет, что мы получили за все это время». Он сказал, что это не стоит благодарности; он был рад оказать Милдред небольшую услугу, тем более что она стала нервничать, когда мы с Редкозубым начали наперебой убеждать ее, что у ее кобылы нет и одного шанса на выигрыш.

Я спросил: «Заезд был куплен?» Он как-то странно посмотрел на меня и осведомился: «Вы давно ходите на ипподром?» Я сказал, что по правде говоря, недавно. Он посмеялся, а потом и говорит: «Что же, тогда вам нужно запомнить правило первое. Даже если заезд куплен, это еще ничего не значит». И он рассказал мне одну историю про парня, который решил сорвать огромный куш, о чем, собственно, и все мы мечтаем. Этот парень заявил в одну скачку восемь или девять своих лошадей, но они значились за разными владельцами. Время от времени на ипподромах устраивают такие «утешительные» скачки для того, чтобы дать тренерам шанс выставить лошадей, которые в течение года ни разу не побеждали. А все лошади этого парня как раз и подпадали под эту категорию. Именно поэтому ему и удалось

поставить их в одну скачку. Конечно, были там и другие аутсайдеры, но парень заплатил тренерам, что положено, и все было в полном ажуре. Он не мог проиграть, потому что точно указал лошадь, которая должна прийти первой. Он сделал ставки, где только смог, и по прикидкам выходило, что он должен был получить около 200 тысяч долларов. Так вот, лошадь, на которую поставил этот парень, вырвалась вперед и вышла на финишную прямую. Все безнадежно отстали, даже при очень большом желании никому ее было не достать. И что же? Лошадь споткнулась и сломала ногу, вот тебе и купленная скачка.

— Вот так да, — отвечаю, — я понял, что вы имеете в виду. А как вы узнали, что та лошадь, на которую ставила моя жена, должна выиграть?

А он говорит, что именно это он и хотел мне объяснить. Он НЕ ЗНАЛ, что эта лошадь победит. Любая лошадь имеет шанс на победу в скачке, и этого не стоит забывать. В этом — очарование спорта. Но он сказал, что кое-какая информация об этой лошади у него все же была. Он знал, что ее заявили в скачку, а один из конюхов сообщил ему ее истинную резвость на последней прикидке: на три секунды меньше, чем результат, который сообщили газетчикам. Понимаете, при удобном случае эти ребята стараются скрыть истинные возможности лошади, особенно если им это выгодно.

— Понятно, — сказал я. — Значит, дело в том, что надо свести знакомство с тренерами и конюхами.

— Да, — ответил он, — если вы решили всерьез заняться этим делом. Только так у вас появится шанс на выигрыш. А большего и не нужно. Если будете слушать ипподромных «жучков», последнюю рубашку проиграете.

Короче говоря, отличный был старик (именно поэтому я и не называю его имени), он всю жизнь занимался лошадьми. Пока я был во Флориде, все время поддерживал с ним контакт, и он познакомил меня со многими людьми, связанными со скачками. Когда в Нью-Йорке начался скаковой сезон, я начал ходить на ипподром, главным образом с Джонни Робертсом, как раз в то время мы с ним сильно подружились. На ипподроме я встречал людей, с которыми меня познакомил тот старик. Мы довольно близко сошлись с одним ипподромным судьей, который всегда располагал информацией и отлично разбирался в лошадях. Так или иначе, могу сказать, что еженедельно я выигрывал 200–300 долларов и получал от скачек огромное удовольствие. Конечно, каждую неделю я не выигрывал, но в среднем получалась примерно такая сумма. Дурака я не валял и делал ставки не в каждой скачке — только тогда, когда я знал верную лошадь. И

ставки, чтобы подстраховаться, делал в двух вариантах: в одинаре и экспрессе.

Тут среди ребят пошел слух, что Джо Каго, то есть я, неплохо играет на тотализаторе. Однажды мне позвонил Тони Бендер и велел приехать вечером к Дьюку, в Нью-Джерси. Вообще-то я не ездил к Дьюку, разве что когда меня вызывали на ковер. Когда я вошел туда, один из завсегдатаев увидел меня и говорит: «Господи! Тебя опять на ковер вызвали?»

— Нет, — говорю. — У меня назначена встреча с Тони.

Не над быть провидцем, чтобы понять, чего именно хотел МИСТЕР Бендер. В лошадях он ничего не соображал. Если бы моя покойная бабушка сказала Тони, что в шестой скачке «есть одна лошадка», то можно было точно сказать, что Тони поставит на нее. Большинство гангстеров именно такие. Вроде бы они крутые и шустрые ребята, но стоит им узнать, кто бы это им ни сказал, что «лошадка победит», они, как слепые котята, побегут делать ставки.

Мы поговорили о том, о сем, а потом Тони сказал: «Джо, мне нужна верная лошадь». Этот разговор произошел до того, как он заставил нас с Джонни Робертсом разделить нашу ссудную кассу, иначе я бы ничего ему не сказал, — я назвал ему лошадь. Мне сказал о ней один паренек, кажется, он работал в конюшне Джорджа Д. Уайднера; лошадь находилась в прекрасной форме и была заявлена на завтрашние скачки. Я до сих пор помню кличку этого жеребца — Гарвард Сквер.

У Тони с собой была программка, он тут же в нее заглянул и говорит: «Эй, она бежит в одной скачке с жеребцом, который в этом году еще ни разу не проигрывал».

— Я с тобой спорить не буду, — отвечаю. — Этот паренек сказал мне, что завтра этот жеребец обязательно проиграет, а он знает, что говорит. Поступай, как знаешь.

Тони поставил на Гарвард Сквер; он первым пришел на финиш, и выплата составила двенадцать с небольшим долларов на доллар. Тони всегда делал большие ставки, значит, выиграл он прилично. Я рассказываю об этом просто потому, что это был единственный случай, когда Тони Бендер остался мной доволен. Он сам себя забыл от радости. Ходил и твердил всем и каждому: «Слушай, ну, Джо мастак по этим делам!»

Естественно, я жалею, что позволил ему выиграть. Тони уже нет в живых, и когда придет время, я расскажу, как он получил свое, и уверяю вас, бессонница меня из-за него не мучает.

Разумеется, увлечение Валачи скачками привело к тому, что он приобрел свою первую лошадь. В конце сезона 1940 года в

Нью-Йорке знакомый сообщил ему, что один тренер, он же владелец нескольких лошадей, готов расстаться с пятилетним мерином по кличке Арманьяк. Дело в том, что ему не хватало средств на содержание лошадей, и одно из условий продажи состояло в том, чтобы он остался тренером этой лошади. Валачи видел эту лошадь, несколько недель назад ставил на нее и выиграл, но условия сделки показались ему подозрительными.

— Что же это за тренер такой, если он решил отдать такую прекрасную лошадь?

— Так бывает, — ответили ему. — Он хороший тренер, но играет по-черному. Ставит в каждой скачке, даже если заранее знает, что рискует проиграть. Если ты не будешь давать ему сведения о верных лошадях, все будет в порядке.

Соблазн обладать собственной лошадью перевесил все сомнения, которые испытывал Валачи. То, что он состоял на учете в полиции, роли не играло. Как в случае с Арманьяком, так и с другими лошадьми, сделки осуществлялись на подставных лиц, в том числе и его жену.

Итак, я приобрел лошадь, но выставлять ее на соревновании не мог. Тренер заявил, что Арманьяк устал и ему нужно передохнуть, тем более что сезон в Нью-Йорке закончился. Я расстроился, но затем решил: сначала лошадь, а эмоции потом. Мы подсчитали, в какую сумму обойдется содержание лошади на загородной ферме — получилось около двух тысяч долларов. Я не мог дождаться начала следующего сезона.

Когда подошло время, Милдред так разволновалась, что и слова не могла вымолвить. Я попытался было объяснить, что первая скачка, в которой будет бежать Арманьяк, тренировочная. Ему вовсе не нужно в ней побеждать. Она этого никак не могла понять и твердила: «Зачем же ты ставишь его в скачку, если знаешь, что он не выиграет?»

Я опять начинал объяснять, но все было без толку, она согласилась только тогда, когда я предложил ей самой поехать и посмотреть на скачки. Когда мы приехали на ипподром, я увидел, что Арманьяк идет «под нулем». Я поясню, что это такое. Если в скачке более двенадцати участников, то лошадей, заявленных в пробную скачку, пускают под нулевым номером по другую сторону барьера. Там могут бежать три-четыре лошади, обычно они к фаворитам не относятся. И если вы ставите на одну из лошадей, идущих под нулем, и одна из них побеждает, то независимо от того, на какую из них вы поставили, выигрыш ваш. И тут я увидел, что одна из лошадей под нулем имеет шанс победить, и велел Милдред поставить на Арманьяка.

Дали старт, лошади шли вдоль барьера плотной группой, поэтому Милдред не могла рассмотреть, где шел Арманьяк. Он хорошо провел скачку и пришел, кажется, шестым. А та лошадь, которую я имел в виду, пришла второй, и Милдред выиграла. «Видишь, — сказала она мне, — нужно верить». И по сей день она думает, что ту скачку выиграл Арманьяк.

Поначалу Валачи, как владельцу лошадей, удача сопутствовала не столь постоянно, как в его деятельности жучка-любителя. Перед следующей скачкой, в которой должен был участвовать Арманьяк, прогнозы в утренних газетах и предварительные ставки составляли 50 к 1. «Все шло просто отлично, — вспоминал Валачи, — других лошадей его класса в скачке попросту не было. Я собирался поставить на него две тысячи долларов, и даже если бы ставки упали, я бы все равно получил изрядную сумму». Но когда он приехал на ипподром, ему сообщили, что предыдущей ночью Арманьяк, ударившись о стойло, сильно повредил себе ногу, и практически весь сезон для него будет потерян. Валачи отнесся к этому известию философски:

— Что мне оставалось делать? В конце концов, он же не нарочно сам себя травмировал. Я сказал себе: спокойно, Джо, наше время еще придет.

К этому времени он уже приобрел Найтс Дачес. Но ее все еще приучали, как говорит Валачи, «бегать в нужную сторону». Потом он приобрел жеребца-двухлетка, которого он назвал Вальтер Ралей, по имени производителя, которого звали Сэр Вальтер Ралей.

— Я думал, что от этого его кличка будет больше похожа на американскую, — говорил Валачи, — но повозиться с ним пришлось изрядно. Это было просто наказание какое-то, самый настоящий половой гигант. Вместо того, чтобы бегать, он так и смотрел, на какую бы кобылу ему влезть. К Найтс Дачес он был тоже неравнодушен. Пришлось сделать ему операцию. То есть его пришлось кастрировать, и он стал мерином. Видите, через какие испытания приходится проходить владельцам лошадей.

Валачи весьма внимательно присматривал за своими лошадьми, но это лишь одна сторона дела. Гораздо более жестко он следил за тем, чтобы его никто не надул на беговой дорожке, как это время от времени случалось. Особенно памятное событие случилось вскоре после того, как Найтс Дачес столь необычным образом победила в Рокингэм-Парк. Он заявил, что это первый и единственный случай, когда он намеренно велел жокею придержать лошадь.

Я не хотел этого делать, но иного выбора у меня не было. Если бы я позволил этому парню надуть меня, то об этом тут же пошли бы слухи, и тогда на меня все бы набросились, как шакалы. Таковы неписаные законы мафии. Этого парня звали Чарли. Он занимался производством мебели, и все ребята, включая Тони Бендера, покупали у него мебель, потому что цена была приемлемая. Потом он попал в какую-то неприятную историю, и Тони Бендер одолжил ему около 15 тысяч долларов. Естественно, под залог его имущества.

Примерно в это время Чарли пришел ко мне и сказал, что у него есть много людей, которые готовы сделать за него ставки в тотализаторе, если он точно узнает, какая лошадь поедет. Половина выигрыша — ему. Он попросил сказать, когда будет готова Найтс Дачес. Он велит поставить на нее, и если она победит, он поделится со мной.

Что же, идея хорошая, подумал я. Тренер уже заявил Найтс Дачес в одну из скачек, где ее шансы выглядели неплохо. Я сказал об этом Чарли, он говорит: «Давай!» Я прихватил с собой свою подружку Лауру и еще одну девчонку, Элен, для него. Мы собирались хорошо повеселиться и заколотить немного денег.

Утром перед скачками я почуял что-то неладное. Мы были в гостинице, в мой номер пришла Элен. Я спрашиваю, где Чарли, а она говорит, что он спустился в вестибюль; ему нужно кое-куда позвонить. Я не понял, почему же он не стал звонить из своего номера, и велел Элен спуститься вниз и постараться разузнать, что к чему. Она вернулась и сказала, что он звонит беспрерывно каким-то людям и велит делать ставки на Найтс Дачес.

Я никак не мог понять, что же происходит, но скоро все встало на свои места. Когда мы ехали на ипподром, Чарли все время спрашивал: «А ты уверен, что она придет первой?» Я отвечал, что Найтс Дачес — верняк, разве что она, Господи упаси, вдруг сломает ногу. И тут, на ипподроме, он говорит: «Джо, я не буду никому звонить. Я чувствую, что мне сегодня не повезет».

Вот здесь-то я все понял. Он просто решил прикарманить обещанные мне деньги и сам получить всю долю выигрыша от своих людей. Я побежал к тренеру, рассказал, в чем дело, и предложил проучить этого недоумка. Тренер сказал, что они с жокеем обо всем позаботятся, мне не о чем волноваться. Я сообразил, что помимо остальных, Чарли должен был позвонить и Тони Бендеру. Не было никакой необходимости на ровном месте нарываться на Тони, поэтому я позвонил ему и предупредил, чтобы он не ставил на Найтс Дачес.

После этого я спокойно вернулся на трибуну, сел на место и стал ждать. Я с трудом сдерживал смех, глядя на Чарли. Найтс

Дачес даже не вошла в основную группу и, по-моему, пришла последней. С Чарли пот катил градом, он вскочил и, ни слова не говоря, убежал. Я пошел за ним: он сидел в баре, названивал куда-то по телефону, потом выпивал рюмку и снова звонил. Я понял, что будет дальше. И точно, — когда он вернулся, рожа у него была красная, как помидор, он заорал:

— Ты звонил Тони Бендеру?

— А как же? Обязательно. Просто я забыл тебе сказать.

Тут-то я ему все и выложил. Рассказал обо всем, что я сделал; мне показалось, что он готов броситься на меня с кулаками. Мне этого очень хотелось. Я бы ему башку снес. Но он скис и стал хныкать:

— Я все деньги в это вложил… Всем велел сделать ставки… Что мне теперь делать?

— Чарли, — ответил я, — ты собирался кое-кого трахнуть. А трахнули тебя самого.

Хотя лошади Валачи, особенно Найтс Дачес, выиграли несколько скачек, он понемногу стал терять к ним интерес: с началом войны общая экономическая ситуация в стране осложнилась. «Я имею в виду ту войну, — поспешил он уточнить, — когда нас бомбили япошки, а не наши разборки в «Коза ностре».

Непосредственное влияние этого события на жизнь Валачи состояло в том, что ему пришлось отказаться от своего решения держаться подальше от мафиози. К этому времени он продал свою долю в ресторане «Пэрэдайз», на углу 110-й улицы и Восьмой авеню, так как «люди в округе поменялись; приехали черные, а им не нравится наша кухня». После этого в руках у Валачи остались «лотерея», ссудная касса и пошивочная фабрика. Из всех его предприятий только швейный цех, который изменил свой профиль и взял военные заказы, выиграл от изменения ситуации.

— Теперь и «лотерея», и ссуды висели на мне тяжким грузом. Вокруг полно рабочих мест, денег достаточно, кому теперь нужны мои ссуды? С «лотереей» еще хуже. Я вам кое-что расскажу об этом. «Лотерея» процветает только тогда, когда для людей наступают тяжелые времена. В нее играют только бедняки и, честно говоря, большинство играет потому, что отчаянно нуждается в деньгах, а других способов раздобыть деньги у этих людей нет.

В душе Валачи был консерватором, ему не хотелось расставаться со своим старым предприятием, игрой «в полисы». Ежедневная выручка его конторы падала, к тому же он дважды

«нарвался» на крупные выигрыши своих клиентов, и ему пришлось залезть в свой капитал, чтобы рассчитываться с клиентурой. Но вне зависимости от этого многие из его лучших «шестерок», которые совершенно необходимы для успешной работы «лотерейного» рэкета, стали потихоньку уходить в сферы, связанные с военным производством.

— Когда я остался без рабочих рук, — вспоминал Валачи, — я прикрыл это дело. Я потерял на нем 23 тысячи долларов, «лотерея» мне до одури надоела. Все время трясет полиция; нужно было искать что-то другое.

К этому времени хорошие друзья Валачи, Фрэнк Ливорси и Доминик (Редкозубый) Петрилли, всерьез занялись доставкой из Мексики морфия для его последующей переработки в героин. Они пригласили Валачи присоединиться к ним; подумав, он отказался. «В то время я мало что смыслил в наркотиках, — признался он, — и это дело мне казалось подозрительным». Предчувствия его не обманули. Через год Ливорси и Петрилли в составе целой группы торговцев «белой смертью» были адресованы и осуждены: это стало первым крупным делом Бюро по борьбе с наркотиками, в котором оно лицом к лицу столкнулось с «Коза нострой».

Однако вскоре затруднения Валачи относительно дальнейших деловых предприятий благополучно разрешились. Для «Коза ностры» война, как любая другая обстановка, являла собой лишь новую ситуацию, которую нужно было лишь выгодно использовать. Единственный вопрос, как? В силу нехватки ряда товаров, что привело к необходимости фиксирования и контроля над ценами, ответ был однозначен: черный рынок. Наверно, эта ситуация не сулила златых гор, как это было во времена сухого закона, но для организованной преступности классическая формула обогащения была налицо: нелегальная продажа товаров — мяса, сахара, бензина и прочего — покупателям, которые в массе своей стали ее энергичными и активными пособниками.

Такое положение обеспечивало не только баснословные прибыли, не облагаемые налогами, но и гарантировало определенную безопасность. Валачи специализировался на талонах на бензин и с середины 1942 по 1945 год сколотил 200 тысяч долларов без всякого вмешательства правоохранительных органов. Однажды он скромно заметил: «Это не так уж много».

Валачи признал, что он не сразу оценил потенциальные возможности махинаций с талонами:

— Грошовое дело, подумал я сначала. Но потом понял, что эти гроши превращаются в хорошие деньги.

Сначала он занялся этим по просьбе хозяина гаража, где он

держал свою машину: «Джо, у тебя есть связи, достань мне талонов на бензин». Валачи согласился ему помочь. Поскольку в оборот были выпущены разные талоны на бензин, он предложил хозяину гаража составить список того, что нужно: сорт, количество и цена, которую он готов уплатить. Через несколько дней он встретил «одного парня, который занимался талонами» (он также был членом «Коза ностры», его звали Фрэнк Лючиано), и спросил, сколько будет стоить такой заказ.

— Так вот, — вспоминает Валачи, — я посмотрел, сколько готов уплатить за этот заказ хозяин гаража, и сколько спросил с меня Фрэнк, и понял, что я на этом заработаю 189 долларов. Заказ был небольшой, кажется, около 1000 галлонов, так что из этого? Один дает мне деньги. Второй дает талоны. Послушай, сказал я себе, вот тебе и бизнес.

Вторая сделка Валачи, которую он совершил с Лючиано на 100000 галлонов бензина, принесла ему 1700 долларов. «Точной цены я не помню, — сказал он, — помню только свой навар». Вскоре он охотно согласился с предложением Лючиано работать вместе. В основном Валачи занимался оптовой торговлей в отлично налаженной структуре. По его словам, крайне важно было «стать своим». Это гарантировало его от приобретения фальшивых талонов.

— Это главное, — утверждал он. — Работать с фальшивыми талонами было опасно. Определить фальшивку совсем нетрудно. Талоны помещают под специальное освещение и быстренько определяют, где настоящие, где поддельные. Это все равно, что заниматься реализацией фальшивых денег. Никакого навара.

Подлинные талоны на бензин добывались путем взлома контор Администрации по контролю над ценами. Это было довольно рискованно, и, по свидетельству Валачи, обычно такими налетами занимались независимые банды, которые не располагали организационными структурами для реализации талонов. Поэтому они продавали их оптом дельцам из «Коза ностры». Со временем появился еще один источник поступления талонов.

— В связи с участившимися случаями взлома своих помещений, — рассказывал он, — Администрация по контролю над ценами велела сдавать на ночь все оставшиеся талоны в банк. Естественно, теперь некоторые работники Администрации сами стали воровать талоны и продавать их нам.

Поскольку средний доход с «первого бензина», как его тогда называли, колебался от трех до пяти центов за галлон, оборот должен был быть таков, чтобы организованным преступным группам было выгодно заниматься этим делом. А это было

именно так. По данным Администрации по контролю над ценами за годы войны ЕЖЕДНЕВНО не менее 2500000 галлонов бензина перетекали на черный рынок. Администрация практически не могла разорвать порочный круг, образуемый подпольным дельцом, пройдошистым владельцем бензоколонки и не очень щепетильным водителем. Штат контролеров Администрации был невелик: меньше одного человека на каждый округ в США, а поскольку существовали черные рынки других товаров, подлежавших нормированию, далеко не все инспектора занимались бензиновым черным рынком. Глава Администрации, Честер Боулз, был в конце концов вынужден обратиться к населению и напомнить гражданам, что «жизни наших мальчиков, одетых в военную форму, зависят и от наличия миллионов галлонов бензина для армии». И в самом деле, ситуация настолько вышла из-под контроля, что образовался процветающий рынок уже использованных талонов на бензин. После того, как «оторванные» талоны с бензоколонок и из гаражей поступали в Администрацию, их сжигали. Однако лишь малая их часть «летела в огонь», говорил Валачи. «Коза ностра» просто-напросто внедрила своих людей в предприятия по сжиганию использованных талонов; они изымали талоны, предназначенные для сжигания, и снова пускали их в оборот.

Из всех членов «Коза ностры», занимавшихся этим «бизнесом», лишь самые преуспевающие воротилы могли расплачиваться за пачки ворованных талонов наличными деньгами; иногда суммы выплат доходили до 250 тысяч долларов. Затем талоны поступали к посредникам типа Валачи и Лючиано, которые в основном продавали их владельцам бензоколонок и гаражей. Эти точки розничной торговли замыкали круг, передавая талоны в Администрацию и, таким образом, прикрывая розничную продажу неучтенного или ворованного бензина.

Не все посредники были членами «Коза ностры». Огромное преимущество такого членства состояло в том, человек, имеющий большой деловой авторитет, мог получить талоны под честное слово, не расплачиваясь при сделке наличными. Он мог расплачиваться, как это и делал Валачи, после реализации талонов. Как он узнал впоследствии, именно по этой причине Лючиано и предложил ему работать вместе.

— Что касалось его платежеспособности, — говорил Валачи, — ребята не очень-то высоко ставили Фрэнка. Но все знали, что Джо Каго всегда расплачивается по своим векселям.

В Нью-Йорке действовало несколько групп, специализировавшихся на бензиновых талонах. Валачи обычно

получал товар у Сеттемо (Большого Сэма) Аккарди, влиятельного мафиози, действовавшего в районе Ньюарка. Сейчас он отбывает срок тюремного заключения за распространение наркотиков. Другим источником для Джо стал Карло Гамбино, в то время «лейтенант» в одной из «семей» Нью-Йорка, ныне — его глава. По словам Валачи, крупные дельцы типа Аккарди и Гамбино контролировали весь рынок. Он отметил, что продавали они талоны далеко «не всем». Суть дела, конечно, состояла в том, чтобы поддерживать выгодный им баланс между спросом и предложением, регулировать оборот талонов и нужный им уровень цен.

— К примеру, у них скопилось большое количество талонов, — объяснил мне Валачи, — и если их сразу выбросить на рынок, то будет катастрофа. Поэтому кому-нибудь, кто хочет приобрести партию талонов, начинают морочить голову. Например так: говорят ему, что у них сейчас талонов нет, и рекомендуют обратиться к Джо Каго. А потом звонят мне и говорят, какую цену с него следует запросить и какую партию талонов можно продать. Именно так они удерживают цены, а все мы получаем свой навар.

Полный контроль над черным рынком бензиновых талонов удавалось обеспечить не всегда. Государственные талоны, выпускаемые Администрацией по контролю над ценами, имели серийные номера и были действительны только на определенный срок. Иногда случались партии украденных талонов, которые имели весьма ограниченный срок годности. В таких случаях «Коза ностра» без раздумий облапошивала весь остальной преступный мир.

— Все делалось просто, — говорил Валачи, — они сбывали эти талоны посредникам, которые не являлись членами организации. Они звонили этим ребятам и каждому из них говорили одно и то же: «Слушай, у нас есть небольшая партия, мы ее тебе отдаем». Поймите, каждый из этих ребят думал, что он — один единственный, кому оказано такое доверие, и лезли из кожи вон, чтобы получить эти талоны.

В одно достопамятное утро в течение одного часа именно таким образом в районе Нью-Йорка было реализовано талонов на 8 миллионов галлонов бензина. К вечеру рыночная цена одного талона упала с девяти до двух центов.

— Вот так многие из ребят сели в лужу. Но сделка есть сделка, деваться им было некуда. Да и потом, что они могли предпринять против «Коза ностры»?

Как правило, Валачи получал одну треть прибыли от реализации талонов. Обычно сделка с Аккарди начиналась так:

Я звоню Сэму (Господи, мои телефонные счета за месяц составляли более сотни долларов!) и спрашиваю:

— У тебя что-нибудь есть?

Если у него было, что предложить, он говорил:

— Есть талоны на бензин B-2.

— Что это стоит на рынке?

— Восемь центов.

— Сколько ты просишь?

— Только для тебя, Джо: шесть.

Таким образом, на каждом галлоне я зарабатываю два цента; Сэм предлагает партию на 500000 галлонов. Естественно, я прошу Сэма немного сбросить цену, но это просто игра, потому что я вполне удовлетворен предложенной им ценой. Сэм отвечает:

— На рынке спрос устойчивый. Уймись.

— О'кей, — говорю я, — сегодня днем я эту партию заберу.

Вот так мы получали в кредит партию талонов; Большому Сэму мы должны 30 тысяч долларов. Я начинаю распихивать талоны, Фрэнк Лючиано, разумеется, реализует их среди своей клиентуры. За несколько дней мы пристраиваем всю партию, рассчитываемся с Большим Сэмом и остаемся с неплохим наваром — 10 тысяч долларов. Вот и все дела. Если вам интересно знать, куда именно мы сбывали талоны, могу сказать: в основном владельцам гаражей. Они были просто счастливы, когда мы предлагали им талоны: без них они никак не могли прикрыть продажу левого бензина. Это лучший бизнес, каким я только занимался. Крупные дельцы заработали на этом миллионы, и вся эта лафа продолжалась до тех пор, пока мы не сбросили атомную бомбу на япошек.

За исключением небольшого перерыва, в течение всех военных лет ипподромы продолжали работать, и Валачи, находясь в отличной финансовой форме, благодаря своим аферам с талонами, смог вернуться к скачкам. Его самым ценным приобретением стал мерин горчичного цвета по кличке Сан оф Тарра. Часть своих доходов он вложил в приобретение другого ресторана, «Аида», на пересечении 11-й улицы и Второй авеню, неподалеку от того места, где он родился. «Поверьте, это был ресторан с прекрасной кухней; шеф-повару я платил 250 долларов в неделю, второй повар получал 175 долларов». Однажды вечером в начале 1945 года ему позвонили; это телефонное сообщение будет иметь серьезные последствия и для «Коза ностры» в целом, и для Валачи в частности.

— Эй, Джо, слыхал новость?

— Нет.

— Вито возвращается.

Глава 9

Обстоятельства, при которых возвратился в США Вито Дженовезе, были столь же странными, сколь и причина их возникновения — убийство Фердинандо Боччия в 1934 году. Как помнит читатель, это убийство сопровождалось неумелой попыткой Эрнста (Ястреба) Руполо убрать одного из друзей Боччия, Вильяма Галло. В последний раз Руполо появлялся на страницах этой книги, когда за участие в этом деле его отправили за решетку. Его выпустили под залог в 1944 году, но он, по-видимому, родился под несчастливой звездой: ему вечно не везло.

Через несколько недель он опять ввязался в перестрелку, и снова его жертва осталась в живых и могла опознать его. Вполне понятно, что он был весьма удручен реальной перспективой вновь очутиться за решеткой, и Руполо решил рассказать об истинной роли Дженовезе в убийстве Боччия в надежде, что это поможет ему избежать еще одного срока. При отсутствии прямых улик законодательство штата Нью-Йорк требует свидетельских показаний человека, который лично не участвовал ни в планировании, ни в совершении конкретного преступления. Это означало, что показаний одного Руполо было недостаточно. Но поскольку речь шла о его освобождении, Ястреб нашел-таки свидетеля, который присутствовал при убийстве Боччия. Это был мелкий воришка по имени Питер ля Темпа, по странному стечению обстоятельств тот самый человек, который много лет назад пырнул Валачи ножом, когда тот находился в тюрьме Синг-Синг.

Под давлением, весьма неохотно ля Темпа подтвердил показания Руполо, и Дженовезе был признан виновным в убийстве Боччия. В то время этот вердикт имел лишь чисто теоретическое значение, потому что никто даже и не подозревал, где столь долго мог скрываться Дженовезе. Именно этот факт в значительной степени стимулировал признание Руполо и ля Темпа. Даже представить невозможно, что могло бы случиться, сколько человеческих жизней, в том числе и жизнь самого Валачи, могли бы закончиться совершенно по-иному, если бы не один бывший полицейский из студенческого городка колледжа штата Пенсильвания. Во время войны он служил в Следственном управлении армии США в Италии.

Этот сотрудник Следственного управления, сержант Орандж К. Дикки, занимался расследованием деятельности черного рынка в тылу союзных войск в южной части Италии. В начале 1944 года,

во время обычного допроса один подозреваемый-итальянец стал похваляться, что ничего не боится, потому что находится под защитой «дона Вито Дженовезе». Он описал его как человека, имеющего мощные связи в военной Администрации союзных войск. Дикки это имя ни о чем не говорило, но он запомнил его, потому что в голосе подозреваемого звучали нотки явного уважения к этому человеку. Затем, в мае того же года, Дикки раскрыл преступную группу, состоявшую из итальянских гражданских лиц и канадских дезертиров, которые по-хозяйски распоряжались огромными продовольственными запасами американской армии и переправляли их на черный рынок. Один из канадцев указал на Дженовезе, как главаря этой группы. Во фронтовой неразберихе было крайне сложно вести розыск, но наконец, 27 августа 1944 года по наводке одного из агентов Дикки поймал «дона Вито» и упрятал его за решетку.

Квартира Дженовезе в Неаполе привела Дикки в состояние полного изумления. Как он писал впоследствии, никогда в жизни он не видел такой роскошной обстановки, столь огромного гардероба, принадлежавших одному человеку. Еще более удивительными были пачка особо ценных пропусков, позволявших Дженовезе беспрепятственно передвигаться по оккупированным районам Италии, а также рекомендательные письма от американских офицеров, превозносивших его добродетели. Что характерно, в одном из них говорилось, что Дженовезе «абсолютно честен; оказал содействие в раскрытии нескольких случаев взяточничества и махинаций на черном рынке, в которых были замешаны так называемые доверенные гражданские лица». Там же были, в частности, отзывы о его работе в качестве переводчика в военных судах союзных войск, когда был взят Неаполь; в действительности, эту возможность Дженовезе использовал для того, чтобы подавить всякую конкуренцию на черном рынке.

В ту пору Дикки даже не подозревал, кем же является его подследственный в действительности. Очевидно, дон Вито все-таки нажил себе врагов, пока находился в фаворе у Муссолини. Через два дня после ареста еще один агент Дикки подсунул ему трактат по проблемам преступности в США, написанный в 30-х годах; в книге была фотография Дженовезе, он фигурировал в ней как известный гангстер-убийца. Когда Дикки предъявил ему фотографию, Дженовезе не стал отрицать очевидного и проворчал: «Да, это я. Ну, и что из этого?» Он еще не знал, что всего лишь две недели назад в бруклинском суде он был признан виновным в убийстве Боччия.

Менее ретивый чиновник оставил бы все, как есть, но Дикки

направил уведомление о задержании Дженовезе в вашингтонскую штаб-квартиру ФБР, просто чтобы проверить, есть ли на Дженовезе какие-либо серьезные материалы. И лишь в конце ноября он получил подтверждение, что дон Вито разыскивается по обвинению в убийстве. Тем временем в Италии была организована мощная кампания в защиту Дженовезе. Его не только не отдали под суд за махинации на черном рынке, более того — Дикки было приказано выпустить Дженовезе из военной тюрьмы; либо направить его в тюрьму для гражданских лиц, либо вовсе отпустить, взяв с него подписку о невыезде. Поскольку Дикки был полон решимости содержать Дженовезе под стражей до тех пор, пока он не получит каких-либо распоряжений из Вашингтона, следователь перевел Дженовезе в самый надежный изолятор, какой он только смог найти в Италии, и внимательно присматривал за своим пленником.

Наконец, в декабре пришла информация из Бруклина, что ордера на арест и этапирование Дженовезе выписаны и скоро будут доставлены в Италию. Однако эти документы так и не поступили, и было похоже, что никто из военной администрации союзных войск ввязываться в эту историю не хотел. От Дикки все шарахались, как от прокаженного. Он даже съездил в Рим к главе американского сектора союзной администрации, подполковнику Чарльзу Полетти, который до призыва в армию был вице-губернатором штата Нью-Йорк и работал под руководством Томаса Е. Дьюи, но тот даже не пожелал обсуждать с ним этот вопрос. Дикки попытался было привлечь к этому делу внимание бригадного генерала Вильяма О'Дуайера, который, временно покинув свой пост окружного прокурора Бруклина, находился тогда в Италии. Безуспешно. О'Дуайер заявил, что дело Дженовезе его совершенно «не касается». Сержант Дикки вернулся в Неаполь, и тут его начальство объявило, что оно тоже «умывает руки». «Мне сказали, — признался Дикки, — чтобы я занимался этим на свой страх и риск и делал все, что считаю нужным».

Он решил доставить Дженовезе в Соединенные Штаты и передать его в руки правосудия. Когда Дженовезе узнал об этом, он предложил Дикки, который получал армейское содержание в размере 210 долларов в месяц, дать ему 250 тысяч долларов наличными, лишь бы он «забыл» о нем.

— Послушай, ты молод, — увещевал двадцатичетырехлетнего следователя Дженовезе, — есть вещи, которых ты просто не понимаешь. Именно так все дела и делаются. Забирай деньги, тебе их хватит на всю жизнь. Всем наплевать на то, что ты делаешь. Чего ради ты надрываешься?

Зимой 1945 года, когда Дженовезе понял, что Дикки на сделку не пойдет, он резко переменил тон. Он заявил Дикки, что тот еще «пожалеет» о том, что говорит. Затем, по мере того, как Дикки заканчивал приготовления к этапированию своего пленника на борту военного транспортного судна, настроение Дженовезе опять переменилось:

— Мальчик мой, — сказал он Дикки, — ты окажешь мне такую услугу, какую я еще ни от кого не получал. Ты отвезешь меня домой, в Соединенные Штаты.

Причина столь резкого изменения его настроения была весьма простой. Поскольку предотвратить его приезд в США не удалось, «Коза ностра» предприняла новые энергичные действия. Главный свидетель обвинения, Питер ля Темпа, узнав об аресте дона Дженовезе, в целях собственной безопасности попросил заключить его под стражу. Однако это ему не помогло. Находясь в бруклинской тюрьме, ля Темпа страдал расстройством желудка и принимал болеутоляющие средства. Вечером 15 января 1945 года в своей камере ля Темпа принял лекарство, лег спать. И не проснулся. Как показало вскрытие, в его организме находилось количество яда, способное «умертвить восемь лошадей».

Каким образом попал яд в коробочку с лекарством, так и осталось тайной, однако это событие однозначно закрыло вопрос об обвинении Дженовезе. Дикки привез-таки его в Бруклин, и помощник окружного прокурора Джулиус Гельфанд почти целый год пытался найти новые доказательства его вины. В конце концов, 10 июня 1946 года ему пришлось прийти в суд и признать, что доказательств, достаточных для обвинительного заключения, он не имеет.

— Других свидетелей (помимо ля Темпы), — заявил он, — которые могли бы дать соответствующие показания, обнаружить не удалось. Они либо исчезли, либо отказались рассказать то, что они знали об этом преступлении — из боязни мести со стороны Дженовезе или других главарей преступного мира. Они прекрасно понимают, что заговорить — значит умереть.

Судья, вынеся решение о недостаточности показаний Руполо для обоснования обвинения, заявил Дженовезе:

— Я не могу предсказать решения суда присяжных, но считаю, что если бы у обвинения имелись хоть какие-нибудь другие свидетельские показания, вам бы не избежать электрического стула.

Все присутствовавшие в зале суда заметили, что Дженовезе, которого явно раздражали все формальности, оттягивавшие его освобождение, встретил слова судьи снисходительной улыбкой, а на речь прокурора Гельфанда отреагировал «нескрываемой

зевотой».

(В качестве вознаграждения за предоставленную информацию, в этой ситуации совершенно бесполезную, Руполо был выпущен на свободу. Однако его предупредили, что его решение покинуть тюрьму равносильно самоубийству. «Я использую свой шанс», — отвечал Ястреб. В течение нескольких лет его жизнь была заполнена всепроникающим страхом; он жил в постоянном ожидании смерти. В конечном итоге, 27 августа 1964 года его труп, крепко связанный веревками, оторвался от бетонных болванок, привязанных к его ногам, и всплыл на поверхность залива Джамайка-Бэй в Нью-Йорке. С момента его исчезновения прошло около трех недель. На его обезображенном теле обнаружены множественные раны груди и живота, нанесенные металлическим предметом типа пешни, затылочная часть головы отсутствовала. В 1967 году перед судом по обвинению в убийстве Руполо предстали четверо членов «Коза ностры»; мотив убийства — месть за его «стукачество». Все четверо были оправданы).

Валачи встретился с Дженовезе не сразу после его освобождения из-под стражи.

— У меня самого были неприятности, — вспоминал он, — и я не хотел сразу же соваться с ними к Вито. Он только-только вернулся из Италии, разделался с этим кислым делом, и мне не хотелось, чтобы он подумал, что я воспользовался удобным случаем. Да и потом кто знал, каким он стал после стольких лет, что мы не виделись?

«Неприятности» Валачи требовали внимания вершителей правосудия «Коза ностры». Он избил другого члена организации, и из-за этого ему теперь грозил суровый «суд». Хотя это и кажется странным применительно к тому миру насилия, в котором он жил, сам Валачи объясняет это так.

У нас еще со времен мистера Маранзано было жесткое правило: ни один член мафии не мог ударить другого. Это правило наиболее строго соблюдалось в Нью-Йорке. Конечно, это в Буффало тишь да гладь, или, скажем, в других городах, где всего одна «семья» и все держатся друг за друга. В Нью-Йорке иначе. Здесь пять «семей», — а вообще-то их шесть, потому что нужно считать и Ньюарк, штат Нью-Джерси, так что мы в Нью-Йорке по головам друг у друга ходим. Я имею в виду, что члены этих «семей» относятся друг к другу весьма враждебно, и при случае всякий старается переманить к себе «шестерку» другого, перенять клиентуру его букмекерской конторы или увести его постоянного клиента-заемщика. Из этого ясно, почему у нас такие

строгости по части мордобоя.

Я всегда тщательно соблюдал это правило, даже тогда, когда в 1940 году разругался с этим псом, Бобби Дойлом: я засек его, когда тот подбивал клинья к моей жене и свояченице, рассказывал им, как я каждый вечер развлекаюсь с девочками. Было много ребят, любивших завернуть покруче, но в моем понимании все они трусы поганые. Один раз я с девчонкой сидел в баре, и тут заходит Джо Штуц, настоящая фамилия — Торторичи, с ним — ребята из команды Турка, Майка Коппола. Он и говорит моей девчонке, чтобы она мотала отсюда, а мне сказал, что Майк ждет меня на улице, в машине. Я после узнал, что Майк действительно сидел в машине, но Джо Штуцу не стоило так себя вести. Дешевый ход. Он хотел меня унизить перед этой девчонкой, поэтому я сказал: «Если Майк хочет меня видеть, он знает, где меня искать. Будь здоров».

Вот вам пример, как пытаются загнать человека в угол. Мне так хотелось съездить ему по роже, но после этого мне снова светил бы «суд», верно? А с Джо Штуцем я разобрался по-своему. На него работал один парень, Пэтси, он содержал пиццерию, которая фактически принадлежала Джо. Пэтси не был членом организации, просто он немного возомнил о себе. Я прихожу с той же самой девушкой в его заведение и спрашиваю: «Есть свободный столик?»

А он говорит: «Нет», причем довольно нахально.

Я ему: «Иди сюда». А там такое помещение, что надо спуститься на несколько ступеней вниз. Пэтси стоял на самой нижней ступеньке, и я врезал ему ногой прямо в брюхо. Он еще и на пол не успел свалиться, как провонял все кругом, и отключился. А я говорю своей девчонке: «Пойдем, пройдемся. Здесь отвратительная кухня».

На следующий день мне позвонил Джо Штуц. «Ты что, рехнулся? — спрашивает. — Ты же знаешь, что это мой парень».

— Что же, — говорю я, — тогда поучи его хорошим манерам. Научи его уважать людей. А то он вообразил, что раз ты дал ему поддержку, он может плевать на всех. У кого-то он перенял дурные привычки. Сделай одолжение, скажи ему, что ты — не единственный крутой парень в Нью-Йорке.

По его словам, происшествие, которое принудило Валачи нарушить неписаный закон, и святого могло из себя вывести. В 1945 году он продал ресторан «Аида» по той же причине, что и несколько раньше привела к продаже «Пэрэдайз»: состав населения близлежащих кварталов весьма изменился. Вскоре после этого Фрэнк Лючиано, его партнер по продаже «левых»

талонов на бензин, пригласил его купить на паях ресторан «Лидо», располагавшийся в районе Касл Хилл в Бронксе. Лицензия на торговлю спиртными напитками была выписана на имя сына Лючиано, Энтони, поскольку он пока в полицейских картотеках не значился. Валачи внес свой пай в размере 15 тысяч долларов; зимой 1946 года на торжественном открытии ресторана присутствовали 250 человек. К весне ресторан приносил Валачи до 2500 долларов в неделю, и он был счастлив. «Я даже поверить в это не мог», — признался он.

Первое темное облачко на горизонте появилось тогда, когда Лючиано вдруг стал откладывать выплату прибыли, мотивировав это тем, что им якобы необходимо создать прочный запас капиталовложений. «Понимаете, — говорил мне Валачи, — я стал волноваться. Уже месяц, как идет бейсбольный сезон, а я еще не получил ни цента из прибыли». Он начал осторожно выяснять ситуацию, чтобы не обидеть Лючиано, если вдруг его подозрения окажутся беспочвенными. В один прекрасный день он встретил в Бронксе одного букмекера, который, как бы между прочим, сказал:

— Ну, Джо, у тебя отличный партнер, да и сын его — тоже. Умеют достойно проигрывать.

— А что, много они играют?

— Да. Сначала были лошадки, а теперь ведь каждый день бейсбольные матчи…

В тот вечер в разговоре со своим партнером Валачи намеренно отметил странное совпадение проигрышей Лючиано на тотализаторе и того, что он перестал получать свою часть барышей с ресторана. Лючиано с негодованием отмел это обвинение, сказав попутно, что у него есть хороший «рабби» (так в преступном мире называли адвоката на «суде»), — это на тот случай, если Валачи надумает выносить этот вопрос на «суд».

— Послушай, Фрэнк, — рявкнул в ответ Валачи, — мы с тобой давно делаем бизнес вместе, и с талонами, и со всеми другими делами, и я скажу: у нас с тобой всегда все было о'кей. Но если я что-нибудь такое узнаю, рабби тебе больше не понадобится. Смотри, я тебя предупредил.

Как видно, это предупреждение не возымело действия. На следующий вечер Валачи заглянул в «Лидо» и увидел, как Лючиано взял из сейфа в конторе пачку долларов и сунул ее себе в карман. Валачи схватил его за руку и заорал: «Фрэнк, ты что с ума спятил?»

Лючиано яростно сопротивлялся и кричал: «Они мне очень нужны, понимаешь? Я просадил кучу денег на бейсболе. Ты не дергайся, я отыграюсь и все верну».

Когда Валачи нанес свой первый удар, у него мелькнула мысль, что Лючиано нарочно провоцирует его на драку. Но он был так взбешен, что остановиться уже не мог; справа и слева охаживал Лючиано своими кулачищами. Лючиано все же удалось вырваться, он бросился в подвал — Валачи за ним.

Вновь загнал Лючиано в угол и опять стал методично его избивать, пока тот не рухнул на пол. «Я весь перепачкался в крови, — вспоминает он, — клянусь, если бы меня не оттащил от него паренек, который пек в ресторане пиццу, я бы его точно убил».

Валачи вылил на своего бездыханного партнера ведро воды и пошел наверх привести себя в порядок. Через несколько минут появился Лючиано, один глаз у него совсем закрылся, нос был расквашен, пошатываясь, он молча прошел мимо Валачи. Дойдя до двери, обернулся и прорычал: «Подожди, гнида. Я вернусь».

Для Валачи это означало только одно: Лючиано вернется с оружием. Как и большинство членов «Коза ностры», Валачи никогда не носил с собою оружия, за исключением каких-то особых случаев, поэтому он немедленно позвонил «кое-кому» и попросил принести ему в «Лидо» пистолет. Сидел и поджидал Лючиано, размышляя над иронией судьбы и ситуации.

— Сначала во всей этой заварухе с Фрэнком правда была на моей стороне, — заметил он, — и вдруг все встало с ног на голову. Я был прав, поскольку он по-черному грабил меня. И неправ, потому что я избил его. Я нарушил закон, и если будет «суд», то обвинять будут меня.

Валачи имел все основания полагать, что Лючиано попытается убить его, поскольку по понятиям «Коза ностры» у него были на это достаточно веские причины. Однако, к его изумлению, примерно через час напряженного ожидания ему позвонил Лючиано и сказал: «Слушай, извини меня. Давай забудем об этом, как будто ничего не случилось».

Сделав вид, что он согласен с предложением Фрэнка, Валачи, тем не менее, заподозрил неладное:

— Я подумал, что самым лучшим выходом было бы простить и забыть, но вдруг у Фрэнка что-то другое на уме? Если я об этом никому не скажу, а он расскажет, то я вообще влип. Поэтому я решил: рисковать не буду. Если Фрэнк собирается меня надуть, то мы еще посмотрим, кто кого.

Поэтому Валачи решил соблюсти протокол и позвонил своему «лейтенанту», Тони Бендеру. «Тони, — сказал он, — мне нужно повидать тебя. Я только что уделал Фрэнка Лючиано». В тот же вечер Бендер созвал совещание в Гринвич-виллидж, в клубе «Саванна», которым, по словам Валачи, он владел

совместно с Вито Дженовезе. Валачи доложил, что произошло, помянув и предложение Лючиано забыть о драке. «О'кей, — ответил Бендер, — пусть оно все так и будет. Я ничего никому говорить не стану, но если кто-нибудь мне позвонит насчет Фрэнка, то я скажу: а-а, я как раз собирался поговорить с тобой об этом. Мне Джо обо всем рассказал».

Через несколько дней Валачи убедился, что он правильно разгадал двуличную тактику Лючиано. Ему позвонил Бендер: «Слушай, тебя вызывают на ковер. Будет «суд»: Фрэнк рассказал, как ты избил его. Собираемся у Дьюка. Я скажу, когда». Валачи чувствовал себя крайне неуютно оттого, что на «суде» ему придется полагаться только на Тони Бендера. Однако молодой и подающий надежды мафиози по имени Винсент Мауро, кого в свое время сам Валачи рекомендовал в «Коза ностру», сумел рассеять его сомнения. К этому времени Мауро ходил в любимчиках у Бендера, и он сказал Валачи, что коварный «лейтенант», по крайней мере в данном случае, ведет себя «честно».

— Тебе повезло, — сказал ему Мауро, — потому что Фрэнка Лючиано недолюбливают. И чего ты с ним связался?

— Сам не знаю, — ответил Валачи и подумал: «Ну вот, весь наш синдикат летит к черту. Кто мог предполагать, что один член «семьи» станет обкрадывать другого, как это сделал Фрэнк».

Несмотря на то, что он основательно «залетел», как он выразился, Валачи все же надеялся, что кража Лючиано в значительной степени смягчит его собственную вину в рукоприкладстве. Но тут ситуацию осложнило новое и опасное обстоятельство. Несколько раз «суд» откладывался из-за болезни «лейтенанта» Джозефа (Джо Статена) Риккобоно, которому подчинялся Фрэнк. Лючиано относился к клану Винсента Мангано, где заместителем главы семейства был свирепый Альберт Анастазия. Стало известно, что вместо Риккобоно на «суд» явится именно он.

Эта новость, мягко говоря, расстроила Валачи. В беспощадном мире «Коза ностры» Анастазия был известен своей уникальной жестокостью. Он жил в особняке, обнесенном высоким забором, в Форт-Ли, штат Нью-Джерси, с прекрасным видом на реку Гудзон. Помимо других преступных «интересов», он единовластно правил прибрежными районами Бруклина и, по данным полиции, лично совершил или организовал огромное количество убийств с применением огнестрельного и холодного оружия или удавок. К тому же, как считал Валачи, Анастазия был столь же жесток, сколь и непредсказуем.

— Вот тогда-то я и задергался, — признался он мне, — но кто

меня за это осудит? Все знали, что Анастазия просто бешеный. Он понимал только одно: убивать, убивать, убивать. Если к нему кто-нибудь обращался с жалобой на обидчика, он говорил: «Мочить, мочить!» Предсказать его поведение на «суде» было просто невозможно.

(Валачи привел несколько примеров того, как действовал Анастазия. Одним из самых жестоких преступлений, которое в течение многих лет не удавалось раскрыть местной полиции, было одно довольно известное убийство, тем более дикое, поскольку Анастазия не извлек из него никакой личной выгоды. Истина стала известна только после того, как Валачи стал давать свои показания. В 1952 году молодой житель Бруклина по имени Арнольд Шустер по дороге домой обратил внимание на человека, лицо которого показалось ему знакомым: он видел его на полицейском плакате с надписью «Внимание, розыск!» Это был Вилли Саттон, легендарный потрошитель банковских сейфов, значившийся в розыске по всей территории страны. Шустер сообщил об этом полиции, и Саттон был арестован. В итоге Шустер немного покрасовался в лучах славы, но 8 марта 1952 года был застрелен на улице неустановленным лицом. Полиция терялась в догадках, поскольку Саттон всегда был одиночкой и прочных связей с преступным миром не поддерживал. По версии Валачи, однажды Анастазия смотрел программу телевизионных новостей, в которой показали интервью с Шустером. Он чуть не задохнулся от ярости. «Терпеть не могу стукачей, — сказал он одному из своих подручных, — надо его замочить». Чтобы замести следы, впоследствии Анастазия убрал и самого убийцу Шустера, некоего Фредерико Тенуто. В ту пору Тенуто разыскивался ФБР как бежавший из тюрьмы заключенный. Его тело так и не обнаружили).

Когда Валачи приехал в ресторан Дьюка, у него немного поднялось настроение: ему сказали, что наверху находится сам Вито Дженовезе. Он как будто даже забыл об Анастазия. Об этом напомнил ему Тони Бендер, вводя его в комнату, где должен был вершиться «суд»:

— Ради Бога, помни, — зашептал ему Бендер, — когда Альберт будет говорить, помалкивай. Ты же знаешь его, прикуси свой язык.

За столом «суда» уже сидели Лючиано, Анастазия, его «лейтенант» Энтони (Чистильщик Чарли) Зангарра; Бендер и Валачи сели рядом. Анастазия сразу же взял бразды правления в свои руки и, как вспоминает Валачи, с самого начала «попер» на него.

— Какого хрена тебе надо? — заорал он. — Ты уже двадцать

лет в нашей конторе. Тебе нет прощения.

Увидев, что его самые худшие предчувствия начинают сбываться, Валачи попробовал было защищаться:

— Альберт, я…

— Заткнись. Я уже сказал, что ты не мальчик в наших делах. Закон есть закон. И не тебе его нарушать. Ты знаешь, что из-за твоей дури могла начаться война между «семьями».

— Но, Альберт, это парень дурил меня, как хотел. Зажал около 18 тысяч.

— А я тебе про то и толкую, — рявкнул Анастазия, — начал ты за здравие, а кончил за упокой.

Лючиано улучил момент, чтобы хоть как-то защититься, Анастазия резко повернулся в его сторону:

— Я хочу знать, в каком состоянии сейчас твой кабак.

— В плохом, — ответил Лючиано.

— А почему?

Лючиано замешкался с ответом, и Анастазия не дал ему времени на раздумья:

— О'кей, я уже поинтересовался этим делом и знаю, что там происходит. Тебе повезло, что Джо просто накостылял тебе. Ну ладно, хватит. Давайте короче. Вы больше на паях работать не будете. Я решил, что кабак отходит к Джо. Сколько ты в него вложил, Фрэнк?

— Пятнадцать тысяч.

— Альберт, — заговорил Валачи, — я не хочу платить ему 15 тысяч долларов, он и так прикарманил солидную сумму.

— Это понятно, — отмахнулся Анастазия. — Никто ведь не говорит, что ты должен ему столько платить. Ты мне даешь 3500 долларов и кабак твой.

Лючиано начал было протестовать, но Анастазия резко оборвал его:

— Фрэнк, я свое слово сказал. Или ты берешь, что тебе дают, или вообще ни хрена не получишь.

Вдохновленный таким оборотом дела, Валачи решил закрепить свою победу:

— Альберт, а как насчет лицензии? Она выписана на его сына. Без лицензии на выпивку кабак — не кабак.

— Да, я об этом позабыл. Хорошо, что ты напомнил. С этих пор, Фрэнк, ты будешь следить за тем, чтобы твоего сына вдруг не лишили лицензии. Пока стоит ресторан, должна быть лицензия. И до тех пор, пока Джо в ней нуждается, она у него должна быть. Запомни, что я сказал. Если что-то будет не так, ответишь.

Анастазия встал из-за стола, поникший Лючиано спросил у Валачи:

— Когда я получу деньги?

— Сначала я разберусь со счетами; если что-то после этого останется, получишь сразу же. Если нет, то придется подождать. И не лезь больше ко мне. Как только ты открываешь свою пасть, мне снова хочется тебе вклеить.

Затем Валачи поднялся наверх, чтобы поговорить с Вито Дженовезе, которого он не видел уже около десяти лет. Они приветствовали друг друга нарочито по-дружески, пожали друг другу руки, Валачи произнес:

— Привет, босс. Рад тебя видеть. Отлично выглядишь.

— И отлично себя чувствую. Как поживают Милдред с малышом?

— Отлично, лучше некуда.

— А ты?

— Да вот, только что с «суда».

— Я знаю. Ну, и как?

— Прекрасно. Все решили, как надо.

— Тебе деньги нужны?

— Ресторан, конечно, сейчас не в лучшем виде. Этот пес упер где-то 18–20 тысяч. Не знаю, может, наличные мне и понадобятся.

Дженовезе повернулся к одному из своих людей, находившихся в комнате, Сальваторе (Сэлли Муру) Моретти, и приказал:

— Ты слышал, что он сказал. Дашь ему столько, сколько попросит.

Это необычное предложение финансовой поддержки явилось одним из проявлений его широкомасштабных усилий по привлечению на свою сторону «солдат» своей бывшей «семьи». Однако он не предпринимал никаких конкретных шагов, чтобы сместить Фрэнка Костелло с поста действующего главы семейства. Над верхушкой мафии все еще маячила туманная тень Счастливчика Чарли Лючиано [21], который пока официально не покидал своего поста. К этому времени, будучи депортирован в Италию, Лючиано вдруг объявился в Гаване, причем его итальянский паспорт и кубинская виза были в полном порядке. Пока Лючиано был в Италии — одно дело. А Лючиано на Кубе — совсем другое, и череда главарей «Коза ностры» потянулась с материка на Кубу, чтобы лично обнять любимого шефа. Насколько удалось бы Лючиано восстановить контроль над мафией из своей новой штаб-квартиры, сказать трудно, однако он бросил все силы на то, чтобы закрепиться на кубинском плацдарме, он вложил в нужные руки столько денег, что лишь под угрозой Вашингтона прекратить государственные поставки медикаментов на Кубу, Гавана неохотно согласилась отправить

его обратно в Италию.

Но даже после того, как Счастливчик Чарли высказался в пользу Дженовезе, дону Вито пришлось столкнуться с определенными трудностями, в основном из-за своего долгого отсутствия в Штатах. Хотя Костелло и нельзя было назвать сильным главой «семьи», большинство из его «лейтенантов», да и другие главари «Коза ностры» относились к нему с большим уважением, в первую очередь из-за его признанных талантов в бизнесе. И хотя для своих «солдат» он был почти недоступен, он укреплял свою власть не только советами по размещению капиталов верхушки преступного мира, но тем, что давал возможность некоторым ключевым фигурам мафии участвовать в его предприятиях.

Поэтому на первых порах в случае столкновения в своей «семье» Дженовезе мог рассчитывать только на две «команды» из шести: одну под водительством Тони Бендера, и вторую — Микеле (Майка) Миранда. Внешне он вполне сохранял присутствие духа. А в своем кругу, по словам Валачи, он рвал и метал по поводу ситуации, в которой оказался. Валачи вспомнил об одной встрече, на которой ему довелось присутствовать, — Дженовезе напустился на Бендера:

— Ты даешь возможность этим парням делать все, что им заблагорассудится.

— Но ты же сам велел мне не рыпаться, — ответил Бендер.

— Но я не говорил, чтобы ты позволил им совсем себя закопать.

— Было совершенно ясно, — заметил Валачи, — что рано или поздно будет большая свара. Вито что-то замышлял. Нам оставалось только ждать, когда он сделает первый ход.

За исключением этого обстоятельства, это было относительно спокойное время для Валачи. Дела в ресторане «Лидо» шли хорошо, его лошади побеждали на скачках, работала фабрика по пошиву одежды, стабильный доход приносила его ссудная касса. После «суда» у них с Тони установилось некое подобие перемирия. Валачи вошел в долю с Бендером и Винсенте» Мауро: они организовали весьма доходное предприятие по установке и эксплуатации торговых автоматов под названием «Мидтаун вендинг инкорпорейтед».

— Это была затея Тони, — объяснил Валачи, — он хотел, чтобы мы работали на паях. Это все потому, что я знал толк в технике и умел удачно размещать автоматы, я имею в виду, определять точки их установки. В общем, я принял это предложение, ведь со временем старые обиды забываются, верно?

Конец сороковых годов был ознаменован серьезными изменениями в образе жизни Валачи. Женившись, он проживал в разных квартирах в Бронксе. Теперь он заимел фешенебельное жилье в пригороде, как и другие «авторитеты». По примеру своих коллег, в новой обстановке он никогда не позволял себе ничего такого, что могло бы иметь хоть какое-то отношение к преступному миру. Когда Дженовезе узнал о его намерениях перебраться на новое место, он отвел Валачи в сторонку и дал ему дельный совет: «Здесь — не то, что в городе. Сделай так, чтобы понравиться соседям. Не связывайся со всяким быдлом (он имел в виду рядовых, законопослушных граждан). Давай деньги на организацию бойскаутов, вообще на всякие благотворительные дела. Старайся ходить в церковь. И не путайся с местными девками».

Инициатором переезда была его жена, Милдред.

Примерно в 1950 году Милдред заявила, что нам необходимо заиметь собственный дом. Однажды она позвонила мне и сказала, что присмотрела один дом в Йонкерсе, штат Нью-Йорк. И она просила, чтобы я его тоже посмотрел. Я сказал, что раз он ей понравился, то я перечить не буду. Дом стоил 28 тысяч долларов, и я дал ей пять тысяч на первый взнос.

К этому времени мой сын окончил школу, причем одну из лучших в Нью-Йорке — Маунт Сент Мишель. Если я правильно помню, мы платили за него 1600–1800 долларов в год. Это был интернат, поэтому домой он приезжал только на выходные: мы не хотели, чтобы он болтался по улицам Бронкса.

Когда сын окончил школу, я спросил, не хочет ли он продолжить образование. Он отказался — ему хотелось работать. Он стал учиться на механика, но дело у него не пошло. Поэтому я сам нашел ему хорошую работу. Не стану говорить, какую именно, скажу, что этим делом можно заниматься всю жизнь. Насколько я знаю, у него там все в полном порядке. Сын довольно рано женился, и я в Йонкерсе сделал надстройку из трех комнат для его семьи.

Эти три комнаты обошлись мне в 10 тысяч долларов. Еще две тысячи пошли на установку навеса, да и на самом участке было много работы. Владелец дома поймет, что я имею в виду. В приличную сумму мне обошелся забор, да еще посадка деревьев и прочее, да плюс еще бетонированный подъезд к дому, чтобы не месить грязь по грунтовой дороге. Покрасил весь дом, снаружи и внутри, — краску покупал самую лучшую. Я очень много делал по дому, то есть когда мог себе это позволить: все время приходилось заниматься то одним бизнесом, то другим. Всего

дом мне обошелся тысяч в сорок долларов. Но он того стоил: это был прекрасный дом. Мы жили по адресу Шони авеню, 45. Что касается соседей, то я всегда вел себя по-джентльменски. Естественно, пока я занимался своими делами, они спрашивали Милдред, как я зарабатываю себе на жизнь. Милдред говорила, что у меня есть «Лидо», и они думали, что я просто владелец ресторана. Время от времени туда заходили мои соседи и все они очень хвалили нашу кухню. Место было совершенно спокойное. В ресторан могла зайти девушка; понимаете, одна, без парня, и если к ней кто-нибудь начинал приставать, он тут же проверял своей задницей прочность тротуара.

Размышляя об этих днях, я могу сказать только одно. Я счастлив, что мне удалось воспитать моего сына в полном неведении относительно моих дел, что он не стал жить моей жизнью.

Несмотря на внешнее спокойствие, в карьере Валачи скоро должен был начаться самый бурный период с того времени, когда Кастелламмарская война расколола «Коза ностру» на части. «Неприятности» начались не только с того момента, когда Дженовезе, наконец, высказал свои претензии на пост главы «семьи»; казалось, само его присутствие накаляло атмосферу настолько, что кругом сыпались искры.

— Времена для нас наступили плохие. Все слегка нервничали. Я чувствовал, что в любой момент меня могут продырявить. Возвращался домой поздно ночью, кругом тихо, и иногда я останавливался перед входной дверью, замирал и ждал выстрела. Я никогда не брал с собой ключи от дома, потому что вечно их терял. И те несколько минут, пока Милдред шла к дверям, чтобы открыть мне, казались часами. Но должен сказать, что иногда мне было все равно, я стоял у дверей совершенно спокойно. Ну, что я мог с этим поделать?

Глава 10

Одним из наиболее могущественных людей в «семье» Лючиано, который оказывал поддержку Фрэнку Костелло, был Вильям Моретти, он же Вилли Мур. Костелло и Моретти родились в соседних кварталах восточной части Гарлема и все эти годы поддерживали друг с другом близкие отношения. В тридцатые годы Моретти, став «лейтенантом», уехал из Нью-Йорка и устроил себе штаб-квартиру в северной части Нью-Джерси. Оттуда он руководил целым рядом дел, которые выросли из первоначального успеха Моретти в качестве незаконного торговца спиртным и короля «лотереи». «У Вилли было много людей, — рассказывает Валачи, — где-то пятьдесят-шестьдесят человек в Джерси, которых можно было найти по всему штату. Имелся у него кое-кто и в Нью-Йорке, но настоящим оплотом был Джерси. Большинство людей Моретти считалось членами его команды, но не все (слишком уж разветвленным был его бизнес). Так или иначе, все они работали с Вилли. Моретти как бы ни от кого не зависел. У него была своя небольшая армия. В нашей среде это служило способом самоутверждения. Такой уж у нас был образ мысли».

У Моретти, однако, имелась одна личная проблема, которая стала постепенно вызывать озабоченность у его коллег в руководстве «Коза ностры». Вилли страдал запущенной формой сифилиса, как Аль Капоне, причем болезнь уже начала поражать его мозг. Сифилис еще не полностью сломил Моретти, временами он сохранял полную ясность мысли. Но случались периоды, когда Вилли начинал болтать, как сумасшедший о том, о чем следовало держать язык за зубами. Во время таких приступов Костелло помещал его под медицинское наблюдение. Из-за рыщущего поблизости Дженовезе Фрэнк нуждался в поддержке Моретти, хотя бы символической. Эта опека Моретти достигла своего апофеоза во время слушаний о преступности, которые проводились сенатором Эстесом Кефаувером. Вызванный в суд Моретти был в неважной форме, и Костелло переправил его в сопровождении врача и санитара через сеть «Коза ностры» на западное побережье. И лишь после того, как Фрэнк убедился, что приступ позади, он позволил Моретти вернуться и отвечать на вопросы. И хотя Вилли не сказал ничего особенного, что могло бы нанести вред, он был на грани этого, когда давал свои несвязные показания у свидетельского барьера. Ситуация стала еще более серьезной во время его последующего выступления перед большим судом присяжных Нью-Джерси. Все это усугублялось

возрастающей болтливостью Вилли с репортерами, так как Моретти, по-видимому, получал большое удовольствие от проявляемого к нему внимания и появившейся возможности повспоминать о «старых денечках».

Это, если верить Валачи, было хитроумно использовано Дженовезе, чтобы свалить Костелло.

Вито — настоящая лиса. Он не торопится. Он хочет, чтобы все было законно. Сначала Вито заговаривает об этом с нами, то есть командой Тони Бендера, своим ближайшим окружением. Делается это в расчете на то, что мы начнем обсуждать его идею, она будет распространяться все шире и заставит призадуматься других членов. Вито говорит, что Фрэнк Костелло во многом прав, но совершает ошибку, защищая Моретти. Еще Дженовезе говорит, что ему очень жаль Вилли. Ведь, в сущности, он ни в чем не виноват, просто у него «поехала крыша». Но если Моретти позволить болтать и дальше, он может всех нас крупно подставить.

Вот так Вито агитирует за убийство Моретти, и Фрэнк Костелло выглядит во всем этом деле далеко не лучшим образом. Как-то раз Вито встречается с нами в центре города и говорит: «Мужчины мы или трусливые крысы?» Потом начинает подводить к тому, что с Моретти не все в порядке, и его нужно убрать. «Вилли спятил, что ж жизнь есть жизнь, — говорит он, — и если завтра со мной случиться что-нибудь подобное, меня тоже нужно будет убрать. Я бы сам этого хотел, чтобы не нанести вреда нашему делу». После того, как семя посеяно, оно, естественно, прорастает. И вот на общем совете всех боссов было решено, что Вито прав.

Вопрос о том, кому поручить убийство Моретти, оставался открытым — конкретно никто из членов «Коза ностры» не получил такого задания. «Они не торопились, — объясняет Валачи, — прошла неделя, потом еще одна, а боссы так и не позаботились об этом деле. В общем, было решено, что у кого появится более или менее подходящая возможность, тот и уберет Вилли».

Случилось так, что эта возможность появилась у Джона Робилотто (Джонни Робертса), бывшего партнера Валачи по ссудному бизнесу, и работавшего теперь с Альбертом Анастазия. У Робилотто и «пары других ребят», как сообщает Валачи, была назначена встреча с Моретти в Нью-Джерси. «Встреча была не в ресторане Дьюка, — рассказывает Валачи, — а примерно на расстоянии семи домов в сторону от него, в том же квартале. Я

забыл, как называлась эта забегаловка. На встрече с Джонни и другими ребятами Вилли получил свое».

Валачи узнал обо всем этом по радио. Он проспал, по своему обыкновению, до обеда, а потом отправился в «Лидо». Валачи искал новую официантку. По пути он зашел к одной девушке, чтобы спросить, не нужна ли ей работа. Она сказала, что уже нашла себе место, и Валачи собрался было уходить, когда услышал по радио сообщение об убийстве. Он сразу же вернулся и решил пока не покидать свою квартиру. «Если даже о Вилли все было условлено заранее, — вспоминает Валачи, — осторожность не мешала. Вилли все очень любили, и именно поэтому Вито потратил столько времени, чтобы протолкнуть свою идею старикам. Так что не было полной уверенности, что не начнется какая-нибудь заваруха».

Он попытался связаться с Тони Бендером, чтобы прояснить ситуацию. Ему это не удалось, и он оставался дома почти до полуночи, пока не дозвонился до своего «лейтенанта». «Можно ли появляться на людях?» — спросил Валачи.

«Беспокоиться не о чем, — ответил Бендер, — занимайся своими делами, как обычно». Когда Валачи добрался до ресторана, он узнал, что там его уже поджидает Робилотто.

Он попросил официанта передать мне, что пришел отпраздновать одно событие. С этим все было понятно. Джонни знал, что Вилли Моретти и я не очень-то ладили. И вот почему. Вилли выручил меня однажды с «лотереей», но в общем-то это было его долгом. Я бы заложил Моретти, поступи он иначе. Но мне было ясно, что когда мне пришлось скрываться после расправы с Маранзано, именно Вилли и его дружок Чиро Терранова имели в виду избавиться от меня. Обо всем этом я рассказывал Джонни.

Началось крупное расследование. В газетах писали, что кто-то опознал Джонни Робертса. Кроме того, в кабаке, где все это случилось, нашли пару каких-то шляп, и легавые пытались найти тех, кто их там забыл. Вскоре я узнал, что Джонни взяли. Потом мне позвонил этот детектив из Бронкса, из участка на Двести четвертой, и спросил, не могу ли я его навестить, потому что меня желают видеть два сыскаря из Джерси. «Конечно, — ответил я, — почему бы нет?»

Приезжаю, и они первым делом меня спрашивают, где я был такого-то числа (даты сейчас не помню, но это был день, когда застрелили Вилли). Я им отвечаю. Потом они показывают мне фотографию Джонни Робертса и одного из его парней, спрашивают, знаю ли я их.

Они начинают ржать, когда слышат «нет».

— Да ладно, — говорят, — нам известно, что ты знаком с Джонни.

— Вот что, — заявляю я, — вы задали вопрос. Я ответил. Что вы еще хотите знать?

— Мы хотим, чтобы ты прокатился с нами до Джерси.

— Это что, — спрашиваю, — арест?

— Нет, — отвечают они, — мы просто не прочь с тобой еще побеседовать.

— В Джерси я не поеду, — говорю я, — а если вы хотите меня туда увезти, то вам придется связаться с моим адвокатом.

Я объяснил этим ребятам, что прибыл единственно из уважения к этому бронксовскому детективу и что с меня довольно. Они заявляют, что, возможно, я им еще понадоблюсь. «Пожалуйста, — говорю, — вы знаете, как меня найти». Больше я этих парней не видел.

С Джонни я повстречался через несколько дней. Уже не помню, выпустили ли его под залог, да это и неважно. Ведь неприятностей потом не было и, конечно, спрашивать его напрямую я бы не стал. Джонни мне не обязан ничего рассказывать, да и мне не стоит болтать лишнего, чтобы его как-нибудь не подставить. «Жаль, что мы разминулись тогда в ресторане», — говорю я Джонни. «Да, — отвечает он, — мы могли бы здорово повеселиться».

В то время все еще много говорили о шляпах, которые нашли в забегаловке и которые вроде бы могут принадлежать таким-то и таким-то ребятам. Я спросил об этом Джонни. «Не переживай, — говорит он, — мою шляпу там не нашли».

Что ж, Вилли Моретти похоронили с размахом. Было море автомобилей и цветов. Обычно, когда подобное случается с кем-то из авторитетов, такими, как, например, Маранзано или Альберт Анастазия (о нем я еще расскажу), все от них отворачиваются, и даже на кладбище почти никто не приходит. Но от Вилли не отвернулись. Это было, как у нас говорят, убийство из милосердия, ведь он страдал от страшной болезни.

После того, как все закончилось, Вито Дженовезе сказал даже: «Господи, упокой его душу». Но я-то, конечно, понимал, что к чему. «Ну, вот, — сказал я себе, — Вито нашел лазейку и пролез через нее. Теперь его не ухватишь».

(В соответствии с архивами полиции Нью-Джерси, Моретти был найден мертвым, с двумя пулевыми ранениями в голову, в ресторане «У Джо» на Пэлисейдз авеню, 793, в Клиффсайд-парке, примерно в 11.00, 4 октября 1951 года. В ресторане были

посетители, трое белых мужчин, один из них сидел у стойки бара, двое других — за расположенным рядом столиком. Человек у стойки, по описанию предположительно Джон Робилотто (он же Джонни Робертс), вышел из ресторана и сразу же вернулся в сопровождении Моретти, которого он представил двум другим посетителям. На месте происшествия, кроме жены владельца заведения и официантки, больше никого не было. Когда обе женщины вышли на кухню, они услышали выстрелы. Вернувшись, женщины обнаружили, что в ресторане никого нет, за исключением лежащего на полу Моретти. Предварительное опознание Робилотто произведено официанткой, хотя она не уверена, что это был именно он. Кроме того, на месте происшествия были найдены две мужские фетровые шляпы, на одной из которых имеется метка прачечной, расположенной на авеню Американ. Данная информация, однако, была преждевременно передана прессе, и к тому времени, когда следователи прибыли в прачечную, соответствующая квитанция уже отсутствовала. В июне 1952 года Робилотто было предъявлено обвинение в убийстве. 14 октября детективами полиции Нью-Джерси, наряду с другими свидетелями по этому делу, был допрошен некто Джозеф Валачи. Он отрицал знакомство с Робилотто и другим подозреваемым. Обвинения против Робилотто впоследствии были сняты за недостаточностью улик).

В начале сентября 1952 года Тони Бендер вызвал Валачи. Результатом их разговора стало получение Валачи его самого важного задания в «Коза ностре». Они встретились в Гринвич-виллидж, за ужином в ресторане «У Рокко». После нескольких минут беседы на отвлеченные темы Бендер заговорил о деле. Выяснилось, что «солдат» из «семьи» Томаса Люччезе, Эугенио Джианнини, является информатором Бюро по борьбе с наркотиками. «Джин встречается с легавыми из бюро по наркоте, — сказал Бендер. — Старику (Дженовезе) об этом стало известно лично от Счастливчика Чарли. Он говорит, что Джин самый хитрый стукач, который когда-либо ходил по этой земле. Он встречается с фараонами уже много лет. Его надо убрать. Его и всех, кто с ним заодно».

Новости о Джианнини соответствовали действительности. Он являлся информатором Бюро по борьбе с наркотиками. В 1942 году его взяли по обвинению в торговле героином, и он отсидел 15 месяцев. Позже, как и многие другие осведомители, которых использовало Бюро по борьбе с наркотиками, ФБР и другие подобные ведомства, Джианнини начал вести двойную жизнь,

продолжая свою незаконную деятельность и время от времени передавая полиции пикантную информацию о своих коллегах. Более того, как и любой информатор до Валачи, он обсуждал с детективами только конкретных людей и конкретные преступления, но никогда не говорил о «Коза ностре», как таковой. При этом Джианнини исходил из того, что если он попадется на одной из своих противозаконных операций, всегда можно будет заявить, что он просто выполняет задание полиции по сбору интересующей ее информации. Кроме того, чтобы избежать ответственности, Джианнини в случае нужды имел возможность сослаться на свое прошлое сотрудничество с блюстителями закона и пользу, которую он еще мог бы принести в будущем.

Использование осведомителей, подобных Джианнини, постоянно ставит правоохранительные ведомства перед дилеммой — стоит ли предоставляемая ими информация того, чтобы закрывать глаза на их делишки?

В 1950 году Джианнини уехал в Европу для осуществления сразу двух своих проектов. Первый был связан с контрабандой американских медикаментов (сульфамидные препараты и пенициллин) в Италию, где экономика еще не оправилась после войны и сохранялся высокий спрос на лекарства. Не меньшим спросом в то время, как в Италии, так и во Франции, пользовались доллары. Джианнини не жалел сил, чтобы удовлетворить его при помощи фальшивых банкнот, конечно. Он намеревался пустить часть доходов от этих операций на закупку героина для дальнейшего сбыта последнего в США, что принесло бы еще большую прибыль. Во время своего пребывания в Европе, где Джианнини жил в окружении многочисленных любовниц, в Неаполе он вступил в контакт с Лючиано и начал подкармливать Бюро по борьбе с наркотиками информацией о различных аспектах наркобизнеса, который практиковал депортированный мафиози. Тем временем у начальника европейского филиала Бюро Чарльза Сирагусы при помощи других источников начала складываться картина, касающаяся замысловатых контрабандистских планов самого Джианнини. Назревала необходимость решать, что же делать с этим образцовым информатором.

Затем случилось неожиданное. Итальянская полиция вдруг арестовала Джианнини по обвинению в операциях с фальшивыми долларами и посадила в тюрьму, где он должен был дожидаться суда.

Джианнини ухитрился послать оттуда Сирагусе весточку, в которой живописал грязь, духоту, мух, клопов и другие

особенности своего нового окружения, а также требовал, чтобы Бюро по борьбе с наркотиками организовало его освобождение. Но в это же время выяснилось, что Джианнини из своей камеры пытается устроить переправку в Штаты по крайней мере 10 килограммов героина. Поэтому Бюро решило не спешить с освобождением Джианнини и тем самым заставить его несколько поумерить свой пыл. В отчаянии Джианнини написал еще одно письмо Сирагусе, где он особенно упорно ссылался на переданные им сведения о Счастливчике Чарли. Хотя Валачи не знает, как именно Лючиано узнал о его сотрудничестве с полицией, следует помнить, что у «Козы ностры» тоже были источники разведывательной информации. Вероятно, упомянутое письмо Сирагусе и выдало Джианнини.

В конце концов, он предстал перед судом, но после того, как главный свидетель по делу о фальшивой валюте внезапно отказался от данных им показаний, Джианнини был освобожден за недостаточностью доказательств его вины. Джианнини вылетел в Нью-Йорк, где Бюро по борьбе с наркотиками сразу же установило за ним плотное наблюдение.

Между этими событиями и встречей Валачи с Бендером прошло не так уж много времени. В обычных условиях проблема Джианнини должна была бы решаться «семьей» Люччезе, но в рамках кампании Дженовезе по укреплению своих позиций он, как выразился Бендер в разговоре с Валачи, «хотел нанести первый удар». Тот факт, что потерпевший стороной являлся Лючиано, давал Дженовезе прекрасную возможность.

Валачи знал Джианнини много лет. Собственно говоря, Джианнини занял у него деньги как раз перед своей поездкой в Европу. Как выяснилось впоследствии, именно этот долг стал причиной того, что для убийства Джианнини был выбран Валачи. Когда Бендер сказал ему, что Джианнини необходимо уничтожить, Валачи заметил:

— Тут небольшая проблема. Он мне должен пару тысяч.

— Да, — сказал Бендер, — я слышал, что примерно так оно и есть. Ты знаешь, Джин вернулся из Италии и болтается где-то здесь, но, похоже, нам не удастся его найти. Если ты узнаешь что-нибудь о Джине, дай мне знать. И я бы на твоем месте не стал пытаться вернуть свои деньги.

Для Валачи уже все было ясно, но он решил продолжить игру.

— Вам не удается его найти? — повторил он за Бендером.

— Вот именно. Возможно, у Джина есть что-то на уме.

— Что ж, я его смогу найти. Вам это подходит?

— Мне надо переговорить со стариком.

Следующим вечером Бендер сообщил Валачи, что Дженовезе

понравилось его предложение. «Найти» Джианнини в состоявшемся накануне обмене полунамеками означало «убить».

«У меня не было выбора, — объяснил мне Валачи, — мне пришлось выступить в качестве добровольца. Если бы я это не сделал, а у них потом что-нибудь сорвалось, меня бы обвинили в том, что я предупредил Джина, чтобы вернуть себе долг. Вот почему я сказал Тони то, что сказал. Мол, если вы не можете найти Джина, то это сделаю я. Вы же знаете, какие порядки в «Коза ностре».

Следующим шагом Валачи было выяснить, где находится Джианнини. Как он и подозревал, это оказалось не слишком трудным делом. Он просто позвонил ему примерно в 10 часов вечера. Согласно расчетам Валачи, Джианнини должен был подумать, что он звонит по поводу долга. Поэтому Валачи просто сказал несколько фраз, достаточных, чтобы жертва узнала его голос, и предложил встретиться «на углу».

Под «углом» подразумевалось пересечение Касл-хилл и Вестчестер-авеню в Бронксе, рядом с «Лидс». Для Джианнини, видимо, не составляло труда определить, о каком именно «угле» идет речь, и он сказал, что будет там через 20 минут.

Валачи ожидал Джианнини, стоя в тени подъезда, и видел, как подъехала его машина. Затем он заметил еще один автомобиль, остановившийся в конце улицы. Только Джианнини заговорил о том, что вернет долг сразу же, как у него будут наличные, Валачи прервал его и потащил в бар, расположенный на углу.

— Забудь о деньгах, — сказал он, — по-моему, за тобой хвост. Ты что, под колпаком у легавых?

— Черт, это, наверное за тобой следят.

— Может быть, и за мной, — дипломатично согласился Валачи. — На сегодня хватит. Я перезвоню тебе через пару дней.

Джианнини покинул бар через ту же дверь, в которую они оба вошли. Валачи подождал минуту и воспользовался боковым выходом. Стоя в темноте, он утвердился в своих подозрениях. Как только Джианнини отъехал, вторая машина тоже тронулась с места.

Убийство Джианнини является классическим примером того, как верхушка «Коза ностры» уклоняется от непосредственного участия в преступлении. Толчок к убийству исходил от Лючиано, который, конечно, оставался все это время в Италии. Дженовезе распорядился о его исполнении, но был вдали от места преступления, когда оно произошло. То же касается и Тони Бендера, который передал команду. Даже Валачи, ответственный за ее реализацию, не должен был физически присутствовать при

убийстве. Как и кому предстояло это сделать, было исключительно его заботой. Для осуществления операции Валачи подобрал в восточной части Гарлема троих «ребятишек». Это были начинающие жлобы, которые ожидали принятия в «семью» Дженовезе — братья Джозеф и Паскуале (Пэт) Пагано и собственный племянник Валачи, сын одной из его сестер, Фиоре Сиано (Бешеный).

Присутствие сотрудников Бюро по борьбе с наркотиками, традиционно самый трудный элемент в делах такого рода, заставляло Валачи проявлять максимальную осторожность. Через несколько дней после неудавшейся встречи с Джианнини Валачи позвонил ему снова и назначил свидание в баре «Казбах», расположенном неподалеку от «Лидо». На встречу Валачи привел одного из своих «ребятишек», Джозефа Пагано. Тем самым, по своему собственному выражению, он хотел одним выстрелом убить двух зайцев: во-первых, дать Пагано хорошенько рассмотреть свою будущую жертву и, во-вторых, избежать нервозности со стороны Джианнини, когда тот встретиться с Пагано в следующий раз. Была и третья причина. Валачи намеренно не предложил «Лидо» в качестве Места встречи, потому что он хотел выяснить, был ли за Джианнини по-прежнему хвост. Валачи ждал, стоя с Пагано на противоположной стороне улицы, и когда Джианнини вошел в бар, снова обнаружил за ним слежку. Валачи и Пагано зашли внутрь отдельно друг от друга. После того, как Пагано был представлен Джианнини, Валачи заметил:

— Слушай, Джин, как с тобой не встречусь, всегда ты с хвостом.

Джианнини выразил изумление и сказал:

— Хорошо, что ты предупредил меня. Я не понимаю, что происходит.

Они поболтали несколько минут, Валачи расспросил Джианнини о его жизни в Европе. Вдруг Джианнини сказал:

— Боже мой, я чуть не умер сегодня ночью от страха.

— Что такое? — поинтересовался Валачи.

— Сам не пойму. Это трудно объяснить. Мне кажется, что меня должны убить.

— О чем это ты? — быстро спросил его Валачи. — Зачем говорить подобные вещи?

— Просто у меня такое чувство.

Чтобы вывести разговор из грустного русла, Валачи подозвал работающую в баре девицу, которая раньше была его официанткой в «Лидо». Он представил ей Джианнини, как своего старинного приятеля, и заказал еще по стаканчику. Потом Валачи

притянул Джианнини к себе и сказал:

— Слушай, ты должен встряхнуться. Почему бы тебе не пойти с ней и не повеселиться как следует?

— Джо, я слегка на мели. Поэтому я тебе еще и не заплатил. У меня сейчас в проработке большие дела, но в данный момент я без гроша.

Валачи сразу же вытащил сотни долларов и дал их Джианнини.

— Иди, развлекись.

Они выпили еще по одной, прежде чем Валачи шепнул Пагано, что пора уходить. Джианнини остался с девушкой. Валачи шел с Пагано к машине, когда тот сказал: «Не могу забыть, как Джин говорил, что его убьют. Что ж, наверное, он и впрямь чувствует. Но надо же, это уже ваша вторая встреча и каждый раз за ним хвост».

После того, как Валачи убедился, что за ними все чисто, он высадил Пагано в восточной части Гарлема. На следующий день он поговорил с девицей, с которой остался Джианнини, и выяснил, что тот занимался какой-то «игрой» в Гарлеме. Валачи передал это Сиано и братьям Пагано. Через несколько дней один из них, кажется Джозеф Пагано, доложил, что Джианнини работает «на стрелке» для игроков в кости на Второй авеню, за углом 112-й улицы. «Работа на «стрелке», — поясняет Валачи, — заключается вот в чем. Игроки в кости собираются на месте, называемом «стрелкой», прежде чем идти играть. Другими словами, сама игра ведется где-нибудь на соседних улицах. Человек, который работает на «стрелке», убеждается, что среди игроков нет подозрительных типов, и только после этого ведет их по известному ему адресу, в такой-то номер такой-то гостиницы».

Получив эту информацию, Валачи сразу же поинтересовался, не было ли за Джианнини слежки. «Мы никого не заметили, — был ответ, — может быть, он оформил жалобу, а может еще что». «Хорошо, — сказал Валачи, — главное мы узнали».

Скоро, однако, возникли новые трудности. Валачи обнаружил, что эта игра в кости организована «Коза нострой», и верховодит ею член «семьи» Люччезе Пол Корреале (Окорок Поли). Валачи уже послал Пагано в Гринвич-виллидж за пистолетами, но теперь пришлось утрясать проблему с местом операции. Он нашел своего «лейтенанта» поздно вечером в клубе «Гоулд Ки», который был расположен в центре Манхэттэна и, если верить Валачи, принадлежал Бендеру. Клуб часто находился под наблюдением полиции, поэтому Валачи предпринял обычные для него предосторожности, прежде чем войти внутрь. Чтобы не «светить» номера своего автомобиля, он запарковал его на другой

улице и взял такси.

Бендер набросился на него, прежде чем Валачи успел открыть рот:

— В чем, черт побери, дело? Чего ты тянешь? С этим пора заканчивать. Надеюсь, ты не стараешься получить с него долг?

— Тони, выслушай меня, — запротестовал Валачи. — Вокруг этого парня все время крутились легавые.

Затем он поднял проблему «стрелки».

— Игра принадлежит Окороку Поли, — сказал он. — Хорошо ли будет, если мы займемся Джином у него?

— Ладно, ты прав. Придется обсудить это со стариком. Я все узнаю. Позвони сюда завтра вечером. Приходить не надо. Просто позвони и получишь ответ.

Валачи так и сделал. Бендер сказал ему, что проблем не будет.

Несмотря на все махинации Валачи, время Джианнини истекало. Но все же он получил еще одну маленькую отсрочку. План операции, который разработал Валачи, сводился к следующему. Один человек должен был ждать в машине на 111-й улице, в соседнем от места игры квартале. Предполагалось, что двое других после выполнения задания пройдут через многоквартирный дом на 112-й улице, пересекут двор, выйдут из здания на 111-й и сядут в машину. Вечером 18 сентября 1952 года Валачи приехал с Сиано и братьями Пагано на место предстоящей операции, чтобы хорошенько его осмотреть. Все вроде было готово. Джианнини стоял на тротуаре у «стрелки». Агентство полиции в непосредственной близости видно не было. Валачи хотел было уже распрощаться со своими ребятами, когда решил спросить, проверили ли они, что все двери на их пути к машине не заперты. Он поинтересовался об этом у Пэта Пагано.

— Нет, мы…

— Все ясно, — сердито прервал его Валачи. — Идите по домам и выспитесь. Проверите подъезды завтра. Да что с вами, ребята? С ума сошли? Ничего нельзя делать, пока мы не будем уверены на все сто. Я за это дело отвечаю.

На следующий день, после того, как Валачи убедился, что все меры предосторожности приняты, он дал добро на начало операции. Валачи сказал Сиано, что будет ждать известий в ресторане на углу 114-й улицы и Второй авеню. В телефонном разговоре с ним Джианнини должен был называться «девочкой». Он также напомнил Сиано, что после того, как все будет кончено, пистолеты должны быть выброшены в Ист-ривер с моста Третьей авеню.

Чтобы обеспечить себе алиби, Валачи организовал в

ресторане ужин с тремя своими приятелями. Около полуночи позвонил Сиано: «Девочка еще не появлялась». Валачи ответил: «Ладно, я буду в своем заведении».

После этого он попросил своих собутыльников отвезти его в «Лидо». Около 4 часов ему снова позвонили. Дело было сделано. «Мы ее видели, — сообщил Сиано. — Уезжаем на пару дней».

«Отлично», — сказал Валачи и поехал домой отсыпаться.

(В соответствии с архивами нью-йоркской полиции, в 6 часов утра 20 сентября 1952 года в сточной канаве напротив дома 221 на 107-й улице было найдено тело Эугенио Джианнини, 42 лет, проживавшего по адресу 234-я улица, 282. Причиной смерти явились пулевые ранения в голову, нанесенные неизвестными лицами. В ходе дальнейшего расследования обнаружилось, что само преступление произошло на Второй авеню, рядом со 112-й улицей. Убитый ранее арестовывался за операции с наркотиками, противоречащие как законам штата, так и федеральным законам. По конфиденциальным каналам стало также известно, что он являлся информатором Бюро по борьбе с наркотиками).

В то время Бюро по борьбе с наркотиками полагало, что причиной убийства Джианнини было не его стукачество, а то, что он пытался обмануть своих сообщников и подгрести под себя большую часть прибыли от контрабанды упоминавшегося выше героина. Тому были некоторые основания. По имевшейся в Бюро информации, всего в проводившейся тогда операции фигурировало десять килограммов наркотика. Но в ходе расследования работавшие под прикрытием агенты обнаружили, что Джианнини тайком послал в Италию своего шурина, чтобы он добавил к переправляемому героину еще шесть «персональных» килограммов. Все это примерно за месяц до убийства кончилось арестом шурина, которого взяли в Салерно вместе с героином.

Когда выяснилось, что труп Джианнини был перевезен на 107-ю улицу, в Бюро по борьбе с наркотиками это расценили всего лишь как тонкий символический жест. До того, как Валачи внес ясность в организацию «Коза ностры», «семья» Люччезе называлась просто «бандой со Сто седьмой улицы».

Тот факт, что тело было увезено с места убийства, заинтересовал Валачи не меньше, чем полицию. Впервые он узнал об этом по радио, когда проснулся.

— Ребята, которые организовали игру, — сказал ему через несколько дней Дженовезе, — утверждают, что были вынуждены увезти тело, чтобы сохранить свое место. Вообще они очень разозлились. Говорят, что пришлось заплатить легавым десять тысяч за то, чтобы им не мешали там играть.

Валачи было подумал, что Бендер так и не согласовал места

операции. Но Дженовезе заверил, что дал ему согласие по этому вопросу. «Интересно, — сказал он, — в чем же здесь дело. Выясни-ка, пожалуйста».

Когда Валачи докладывал Дженовезе о результатах своего расследования, он был полон благородного негодования:

— Вы знаете тех парней, которые сказали, что увезли Джина для того, чтобы отвести полицию от игры? Так вот, они врут.

— То есть?

— Там была пара ребят, которые работали вместе с Джином на «стрелке». Когда эти парни нашли Джина, они решили, что у него есть шанс выжить. И они повезли его в госпиталь.

— А место, в котором его нашли, находится по пути в госпиталь?

— Конечно, — сказал Валачи. — Я этот район хорошо знаю. Джина везли в госпиталь на Пятой авеню. Им надо было проехать вниз по Второй авеню и повернуть на 107-ю улицу, так как она идет на запад и выходит прямо к госпиталю. Но по пути до этих ребят все же дошло, что Джин уже мертвец, и они его выбросили. А теперь пытаются представить это дело так, как будто Джин был мертв с самого начала и им пришлось пойти на риск быть пойманными потому, что было необходимо отвезти тело подальше от своей паршивой игры. Так я этому и поверил! Надо же, всякий раз, когда мне поручают какое-нибудь дело, получается одно дерьмо. И я оказываюсь в нем прямо по уши.

— Откуда ты все это узнал?

— От своих ребят, Фиоре и братьев Пагано.

— Ладно. Не беспокойся, я сам обо всем позабочусь.

Но старое чувство недоверия к Дженовезе вновь одолевало Валачи, и он решил подстраховаться. Вскоре, на праздновании в «честь» Джианнини Томаса Люччезе и сказал ему:

— Томми, многие из твоих молодцов на меня обиделись. На них мне наплевать, но мы с тобой знаем друг друга уже много лет. И мне интересно знать, как ты сам относишься к этому делу. Неужели ты думаешь, что я настолько сумасшедший, чтобы пойти на него, не получив приказа?

— Забудь об этом, — ответил Люччезе. — Все в порядке. Тебя винить не в чем. Этот парень получил то, что заслужил.

(Один из троих людей, которых Валачи использовал в убийстве Джианнини, его племянник Фиоре Сиано, пропал через девять месяцев после того, как впервые стало известно, что у него не очень-то держится язык за зубами. По сведениям, которыми располагает нью-йоркская полиция, «Сиано исчез в конце апреля — начале мая 1964 года, когда трое неизвестных мужчин вывели его из пиццерии «У Пэтси» (Первая авеню, 2287). После этого

Сиано уже не видели. Считается, что он мертв. По слухам, от тела избавились таким образом, что его обнаружение стало невозможным». Сиано любил играть в биллиард, и у меня был разговор с одним из участников его, по-видимому, последней игры. По словам этого игрока, Фиоре выглядел угрюмым, казалось, его что-то тяготило. Один из братьев Пагано, Джозеф, получил в 1965 году пять лет за то, что было впоследствии названо «классическим случаем проникновения «Коза ностры» в легальный бизнес»; Паскуале Пагано, охарактеризованный Бюро по борьбе с наркотиками как «перспективная» фигура преступного мира, тоже отсидел срок и находится в настоящее время на свободе. Показания Валачи против этих людей, не подкрепленные какими-либо дополнительными фактами, являются с юридической точки зрения недостаточными. Вообще, убийство Джианнини иллюстрирует почти полную невозможность уголовного преследования за внутримафиозные разборки. Полиция была вызвана немедленно после того, как стрельба закончилась, однако не нашла ни одного свидетеля. Когда следователи спросили пожилого дворника, подметающего тротуар на месте преступления, откуда там взялась кровь, он удивленно спросил: «Какая кровь?»)

В течение года Валачи вместе с Пэтом Пагано и Фиоре осуществил еще одну подобную операцию. В этот раз контракт на убийство поступил от самого Вито Дженовезе. Восхождение Дженовезе на вершину власти было прервано самым досадным образом в декабре 1952 года, когда его жена Анна уехала из их дома в Нью-Джерси и подала на развод. В качестве причины была названа жестокость мужа, которая угрожала ее здоровью и сделала совместную жизнь невыносимой. Миссис Дженовезе, мягко выражаясь, не была типичной женой гангстера. Выступая на суде, она не стеснялась в выражениях, живописуя своего мужа как главаря отъявленных головорезов с громадными незаконными доходами. И она не только указала местонахождение различных тайников в США и Европе, где Дженовезе хранил свою наличность, но и рассказала в деталях о получаемых им прибылях от игрового бизнеса, содержания ночных клубов, ростовщичества и профсоюзного рэкета. Согласно ее показаниям, Дженовезе зарабатывал 20–30 тысяч долларов в неделю только на так называемой «итальянской лотерее». «Об «итальянской лотерее» — заявила она, — я знаю особенно много потому, что сама занималась ее организацией».

Известно, что вся «Коза ностра» не могла прийти в себя от изумления, когда выяснилось, что Дженовезе, несмотря на все это, решил ее пощадить. Но если любовь к своей жене и

остановила его безжалостную руку, он не проявил подобной доброты к некоему Стиву Франсу. Этот человек вначале был партнером Дженовезе по одному из ночных клубов, а потом стал работать с его супругой в районе Гринвич-виллидж, в клубах, которые она контролировала лично и которые, по ее словам, не являлись частью «синдиката».

Дженовезе чувствовал, что жена охладела к нему во время его долгого отсутствия, и винил в этом Франса, который за ней недостаточно добросовестно приглядывал. И вот в начале июня за обедом в итальянском ресторане Бендер сообщает Валачи, что Франса надо убить. Он не стал упоминать семейные проблемы Дженовезе в качестве причины, а употребил вместо этого обычное и всеобъемлющее выражение, обосновав необходимость убийства тем, что Франс был «сукой». Хотя Франс был знаком с Валачи еще с тридцатых годов, он не разу не был у него в «Лидо». Это и должно было стать уловкой для заманивания намеченной жертвы в ловушку. «Оставайся в ресторане каждый вечер после закрытия и жди моего звонка, — проинструктировал Бендер Валачи. — Если я скажу «иди домой», отправляйся спать. Если я скажу «жди», оставайся на месте».

Убийство Франса, по свидетельству Валачи, отличалось жестокостью.

Каждый вечер, кажется, шестнадцать дней подряд, мне звонил Тони и говорил: «Иди домой». И вот однажды я снимаю трубку и слышу: «Жди!»

Я хорошенько все запер, зашторил окна, сел и стал ждать. В пятом часу в дверь постучали. Открываю и вижу перед собой Пэта Пагано и Фиоре. С ними — Стив Франс. «Привет, Джо, — говорит Пэт. — Мы вот решили показать Стиву твою забегаловку».

Я наливаю выпить, какое-то время мы говорим о том, как идут дела в «Лидо». Потом мы прогулялись по залу и пошли на кухню. Там-то все и случилось. Стив был невысокого роста, а Пэт, наоборот, очень здоровым. Пэт, стоя сзади, обхватил его за шею и начал душить, а другой парень, Фиоре, принялся лупить его по лицу и животу. Не то чтобы сильно, а так, больше для унижения. У нас это называется «кормить гречкой». Я в это время стоял на шухере у двери на кухне.

Вскоре Пэт отпустил потерявшего сознание Стива, и он упал на спину. Потом ребята взяли цепь и обмотали ее вокруг шеи Стива. Тот начал было трепыхаться, и Пэт наступил ему на горло, чтобы он не смог встать. Через несколько минут все было кончено.

Подождав примерно полчаса, Валачи выглянул из ресторана и внимательно осмотрел улицу. Поблизости никого не было. Он залез в машину Франса и, пошарив у колонки рулевого управления, включил зажигание. Звук работающего двигателя был сигналом. Пагано и Сиано вышли из «Лидо», держа под руки мертвого Франса так, чтобы складывалось впечатление, что они волокут в стельку пьяного человека. Труп положили на заднее сидение. Затем Валачи вышел из машины, а Пагано и Сиано уехали вместе с телом куда-то в сторону Манхэттэна.

(В соответствии с архивами нью-йоркской полиции, тело Стивена Франса, белого мужчины 48 лет, было найдено в г. Нью-Йорке 19 июня 1953 года, в 9.55, на заднем сидении его собственного автомобиля, запаркованного напротив дома 164 по 37-й улице. Причина смерти: удушение руками, на лице и теле имеются следы ушибов и многочисленные ссадины, обнаружен перелом левого ребра).

Результатом давления со стороны Бюро по борьбе с наркотиками стало возникновение в «Коза ностре» атмосферы страха и взаимного недоверия. Именно в этой обстановке Валачи получил ошеломившие его новости о старом приятеле и наставнике Доминике Петрилли, известного под кличкой Редкозубый. После того, как он отсидел полученный им в 1942 году срок за наркотики, Петрилли, пренебрегший в свое время американским гражданством, был депортирован в Италию. Валачи его с тех пор не видел.

Примерно в середине ноября 1953 года Тони Бендер сказал Валачи:

— Редкозубый вернулся. В Италии его взяли на каком-то деле, но он договорился с легавыми, которые занимаются наркотой. Вот они и отпустили его сюда, чтобы он нас всех подставил.

Петрилли был из «семьи» Люччезе, и Валачи сразу прервал Бендера:

— Мне наплевать, чем занимается Редкозубый. Не впутывай меня в это дело. Пусть его люди с ним сами разбираются. Я не собираюсь снова попадать в какую-нибудь заваруху, как это случилось, когда я занимался Джином.

— Тебя никто и не подписывает на убийство. Но Редкозубый обязательно с тобой встретится. Просто дай мне знать, когда он соберется это сделать. Редкозубый начнет тебе заливать, что в Италии тайком пролез на корабль, идущий в Штаты, и прямо из порта пришел к тебе. В разговоре с ним будь осторожен. У него в кармане может лежать диктофон.

Предупреждение Бендера сильно расстроило Валачи. Вспоминая свое настроение в то время, он сказал мне: «Казалось, что с возвращением Вито все пошло кувырком. По крайней мере, при Фрэнке Костелло жизнь была приятной и спокойной. А тут началось: сначала один слух, потом другой. Теперь вот начали говорить, что Редкозубый оказался сукой. По правде говоря, я даже не хотел ни с кем разговаривать — боялся услышать какую-нибудь новость, которую лучше вообще не знать, чтобы не нажить себе неприятностей».

Поздним вечером, недели через три после беседы Валачи с Бендером, в «Лидо» приехал Петрилли. Он или был действительно пьян, или искусно притворялся. Оглушительно взревев, он заключил Валачи в свои объятия.

Валачи, старательно скрывая свою радость и удивление, поинтересовался, как это Петрилли не боится в открытую ходить по улицам.

— А я не хожу по улицам, — сказал Петрилли. — Я, понимаешь ли, только что с парохода. И сразу к тебе. Решил, что нужно повидаться. Ты ведь мой друг, так? Не мог я больше находиться в этой Италии. Пришлось сматывать удочки. Двадцать семь дней я парился в каком-то чертовом трюме. Двадцать семь! Ты представить себе не можешь, каково мне там было. Да еще пришлось отдать за это три тысячи долларов.

Затем Петрилли попросил Валачи организовать встречу с Винсентом Мауро и другим «солдатом» из команды Бендера по имени Паскуале Моччио (Пэдди Размазня).

— Я собираюсь вас озолотить, — прошептал он. — У меня на крючке целая тонна порошка. Нам с тобой надо только будет съездить на Кубу и забрать его.

Валачи выслушал все это молча. Затем, чтобы убедиться, что у Петрилли нет с собой диктофона, он распахнул его пальто и воскликнул: «Ого, да ты похудел!» Удостоверившись, что диктофона за пазухой у Петрилли нет, Валачи продолжил вполголоса: «Ты здесь в опасности. Если и впрямь собираешься на Кубу, уезжай прямо сейчас. Не трать времени».

По Петрилли было невозможно понять, дошли ли до него слова Валачи. Никак не прореагировав на предупреждение, он крикнул, чтобы ему налили еще выпить. Опрокинув стаканчик, Петрилли поспешил к выходу со словами: «В общем, организуй эту встречу. Я с тобой свяжусь через пару дней».

Валачи с час подождал, затем позвонил Бендеру:

— Он был здесь.

— Уже ушел? Почему ты не позвонил, пока он был у тебя?

— Я же сказал, что не хочу ввязываться в это дело.

— Он сказал, куда пошел?

— Нет.

— Ну, и какие у тебя впечатления?

— Что ж, он сказал именно то, что ты предсказывал.

Больше Валачи никогда не видел Петрилли. Одним декабрьским вечером в «Лидо» не было посетителей, поэтому Валачи закрыл ресторан раньше обычного и поехал домой. Где-то в половине шестого его разбудила Милдред. Рядом с ней стояли два детектива. Один из них сказал:

— Твоя жена говорит, что ты приходишь домой только к трем утра. Почему ты вчера был дома так рано?

— Посетителей не было. А в чем дело?

— Только что убили твоего дружка Петрилли. Тебе что-нибудь известно?

(Согласно архивам нью-йоркской полиции 9 декабря 1953 года, примерно в 3.50, трое неизвестных белых мужчин в солнцезащитных очках вошли в гриль-бар, расположенный в доме 634 (183-я улица, Бронкс, владелец Альберт Мауриелло). Они произвели несколько выстрелов по находившемуся там Доминику Петрилли, белый, пятидесяти лет, кличка Редкозубый. Петрилли скончался на месте. Следствие продолжается).

После этого Валачи допрашивали еще раз, но он упорно утверждал, что ему ничего не известно об убийстве. На самом деле Валачи удалось выяснить кое-что у человека, присутствовавшего в баре во время убийства («Я не назову его имени, этот парень не член мафии, просто посторонний, так зачем навлекать на него неприятности»). Редкозубый играл в карты в баре, который принадлежал брату известного в свое время претендента на звание чемпиона по боксу в тяжелом весе Тони Мауриелло. По словам свидетеля, Петрилли выиграл уже 1300 долларов к тому моменту, когда в бар вошли три «солдата» из «семьи» Люччезе. Увидев их, Петрилли бросился в мужской туалет. Он пытался вылезти через окно, но не успел, и «ему вышибли мозга». Свидетель сообщил еще одну любопытную подробность. Игроков как ветром сдуло, лишь только началась стрельба. Один из них, однако, позже вернулся и до приезда полиции умудрился очистить карманы убитого.

«Даже если бы я был уверен, что Петрилли стукач, — говорит Валачи, — я бы все равно ничего плохого ему не сделал. Я не могу забыть, как он отвез меня в Бруклин и уберег от беды во время разборки с мистером Маранзано. Я очень расстроился, когда узнал, что Редкозубого больше нет. Поганое это было Рождество. Если честно, я крепко тогда надрался».

Глава 11

«Коза ностра» и торговля наркотиками, особенно героином, почти синонимы. Но, как и с остальной деятельностью мафий, характер этого бизнеса был не совсем таким, каким он представляется с первого взгляда. В 1948 году Фрэнк Костелло, будучи боссом «семьи» Лючиано, запретил своим людям заниматься наркотиками. По мнению Валачи, у осмотрительного Костелло на это было две причины. Во-первых, он ясно осознавал, что «рэкет рэкету рознь». Так, широкая публика относилась к незаконной торговле спиртным и организации азартных игр в общем-то с сочувствием или, в худшем случае, нейтрально. Что касается героина, то он не только вредил репутации мафии, но и побуждал правоохранительные органы активизировать свою борьбу с «Коза нострой» во всех сферах, где она присутствовала.

Более важным, однако, являлось упорное преследование со стороны Бюро по борьбе с наркотиками. «Коза ностра» презирала и в то же время побаивалась этой организации. По признанию ее сотрудников, первое чувство было, впрочем, взаимным. Валачи жаловался, что Бюро «играет не по правилам». Действительно, не подлежит сомнению тот факт, что время от времени Бюро по борьбе с наркотиками применяет весьма сомнительные методы. Это в значительной степени объясняется тем, что Бюро, в отличие от других ведомств, сталкивалось с «Коза нострой» непосредственно, хорошо знало ее сущность и видело так много, что не считало себя связанным в отношении мафии какими-либо ограничениями морального характера. В отличие от ФБР, относящегося, кстати, к Бюро по борьбе с наркотиками несколько свысока, последнее черпает сведения о мафии не столько через информаторов, сколько через своих штатных сотрудников, внедрившихся в преступную организацию и ведущих в ней весьма опасную работу под каким-либо прикрытием. Это, конечно, оказывает влияние на людей, служащих в Бюро и, по сравнению со своими коллегами из других организаций, они более бесшабашны, отважны и изобретательны, менее дисциплинированны, нередко имеют личные счеты к мафии. Встречаются среди них и предатели. Кроме всего прочего, Бюро по борьбе с наркотиками первым признало существование «Коза ностры» как организации и вкладывало в свои операции провокационные элементы чаще, чем любой другой правоохранительный орган.

Решение Костелло относительно героина было встречено в «Коза ностре» по-разному. «Семья» Люччезе, вовсю занимавшаяся

наркобизнесом, попросту его игнорировала. «Семья» Магаддино из Буффало, выразив на словах свое одобрение, продолжала торговать героином. Чикагская мафия, возглавляемая Тони Аккардо, пошла еще дальше, чем Костелло. Насколько известно Валачи, каждый член «семьи», отказавшийся от торговли наркотиками, получал двести долларов в неделю из «общака» в качестве компенсации за понесенные убытки.

Но даже в «семье» Аккардо введение запрета на наркобизнес привел к серьезному падению внутренней дисциплины. Соблазн быстрого заработка был слишком велик, и мафиози, особенно испытывающие серьезные финансовые трудности, настойчиво продолжали торговлю. Даже Вито Дженовезе, когда он в конце концов заменил Костелло и на словах подтвердил действительность запрета, смотрел на операции с героином сквозь пальцы, если ему давали снять сливки с каждой сделки.

(В «семьях», где наркобизнес был запрещен, включая и «семью» Дженовезе, попавшийся на героине мафиози не получал никакой поддержки. Рядовые члены «Коза ностры» делали регулярные взносы в так называемый «общак» — когда Валачи был в «семье» Дженовезе, они составили 25 долларов в месяц. Теоретически эти деньги предназначались для найма адвокатов или поддержки жены и детей мафиози, если он получал срок. Учитывая, что в «семье» Дженовезе насчитывалось 450 человек, за год в «общаке» накапливалась кругленькая сумма. Этими деньгами распоряжался босс, причем безотчетно. Но взятый на героине член мафии знал заранее, что финансовую помощь от своей «семьи» он не получит).

Бюро по борьбе с наркотиками заинтересовалось Валачи в середине сороковых годов. Впервые он попал в архивы как подозреваемый в 1944 году, затем в 1948. «Все думали, что я работаю с наркотой, — протестует Валачи, — но этого тогда не было. Это все из-за ребят, с которыми я общался. На самом деле в те годы я ни цента не сделал на героине».

В начале 1956 года Валачи был осужден на пять лет лишения свободы за незаконную торговлю наркотиками. Вместе с ним по делу проходил брат его жены Джиакома Рейна (Джек). По иронии судьбы это была все та же партия героина, переправку которой пытался организовать Еугенио Джианнини, когда его убили. Валачи впервые попал за решетку после своей первой отсидки в Синг-Синге в двадцатые годы. Однако скоро его выпустили под залог. В конце концов дело было пересмотрено, и приговор отменен, так как выяснилось, что вменяемое Валачи участие в преступлении не тянет на статью, по которой его судили. Это уголовное дело было очень запутанным, но надо признать, что

роль Валачи в нем действительно не соответствовала обвинительному заключению и была весьма незначительна. По его собственному выражению, ему просто «пришили дело».

Есть веские основания полагать, что Валачи прав, настаивая, что его вина была ассоциативной. На допросе в ФБР и во время интервью с автором этой книги Валачи заявил, что он, а также проходившие с ним по делу Пэт Пагано и Пэт Моччио участвовали еще в одной сделке с героином, которая, видимо, не попала в поле зрения Бюро по борьбе с наркотиками. Она имела место примерно в 1952 году, и по словам Валачи, это был его первый опыт в наркобизнесе. Указанная сделка также наглядно демонстрирует, как «Коза ностра» придерживается своих этических норм в отношении членов мафии. «Это была грязная история, и я до сих пор жалею, что в нее ввязался. Но я хочу, чтобы ребята, которые пока еще не порвали с мафией, знали, как жадность боссов вредит нашему делу».

Сальваторе Шиллитани (Сэлли Шилдс), принятый в «Коза ностру» вместе с Валачи, дал ему имя и адрес поставщика героина во Франции. Там героин в то время стоил 2500 долларов за килограмм, а оптовая цена на американском рынке составляла одиннадцать тысяч. Валачи решил, что эта вторая цифра слишком привлекательна, чтобы ее игнорировать, и, получив навод от Шиллитани, послал Пэта Пагано в Марсель. Там он должен был вступить в контакт с поставщиком по имени Доминик (фамилию Валачи не помнит) [22]. В качестве пароля служила разорванная надвое долларовая купюра. Одна половина была отправлена Доминику по почте, другую взял с собой Пагано. Его вояж во Францию оказался удачным. Вернувшись, Пагано сообщил Валачи, что скоро их должны уведомить об отправке героина в Штаты. Известия не заставили себя долго ждать.

Пэт позвонил мне и сказал, что приехала жена Доминика и он собирается ее повидать. Встреча была в какой-то гостинице, я уже не помню названия, где-то в центре. Когда Пэт вернулся, он сообщил, что с нас хотят получить восемь тысяч задатка. Я забыл, говорил ли он тогда, сколько порошка мы должны получить. Но вообще-то, договор был насчет пятнадцати кило. А в одном кило 35 унций по-нашему.

Но прежде чем окончательно ввязаться в это дело, мне надо было хорошенько подумать. Есть закон, который запрещает заниматься наркотой, и тут без осторожности никак нельзя. Лучший способ подстраховаться — взять в долю Тони Бендера. Если бы он участвовал со мной в этом деле, волноваться было бы не о чем. Попадись я, и Тони пришлось бы встать на мою сторону.

Он тоже занимался героином. Точно, конечно, я не знал, но кое-какие подозрения у меня были. Короче, я решил рискнуть и поговорить с Тони. Сейчас-то у меня душа болит, когда об этом вспоминаю, а тогда идея взять в долю Бен-дера казалась совсем неплохой. В общем, поговорил я с Тони, сказал, вот есть, мол, такое предложение. Вел я себя очень робко, хотел прощупать сначала его отношение.

Он вроде заинтересовался, и я рассказал ему все подробности. Тони дал мне восемь тысяч и еще тысячу, которую я попросил для Пэта, чтобы он развлек жену этого Доминика.

Деньги я отдал Пэту на следующий день. Но тут возникла проблема. Пэт начал мне рассказывать, как он понравился этой бабе. Я ему говорю: «Пэт, сделай одолжение, прекрати валять дурака с чужой женой. Занимайся с ней только делом». А он: «Она ко мне сама пристает». Я ему все равно посоветовал воздержаться.

Прошло четыре недели, и мы получили известие, что уже вышел пароход с порошком. Я хорошо помню, что корабль назывался «Юнайтед Стейтс», но это так, не для протокола. Тем временем арестовали Сэлли Шилдса по другому делу. Он получил пятнадцать лет и вышел из игры. Я сообщил о грузе Тони Сендеру, и он сказал, что поручит Пэтти Моччио все организовать. Надо было заплатить моряку, который вынесет с корабля на берег порошок, по тысяче за кило. Но зато на берегу он, конечно, начинает стоить уже по пятнадцать штук за кило. Кажется, там был один моряк. Впрочем, это неважно. Если ему кто и помогал, это его трудности. Я не знаю, как он вынес товар. И слава Богу, что мне не надо было во все это вникать.

Ладно, порошок на берегу. Теперь я должен объяснить, какие у нас были условия, Бендер получает половину после того, как мы отдаем ему долг — девять тысяч и полностью расплачиваемся с Домиником. Ему мы были должны 29500, но какая разница, если здесь его товар стоил 165 тысяч?

Вот тут-то и проявилась гнусная сущность Тони. Пока порошок плыл на корабле, он был весь такой ласковый, елейный. Но стоило ему наложить свою лапу на товар, как все переменилось. Тони меня вызывает и говорит, что Вито Дженовезе тоже в доле». «Старик должен Фрэнку Костелло двадцать тысяч по какому-то кредиту, и мы сделаем доброе дело, если вернем за него этот долг. Потом он сообщает, что взял в долю кое-каких ребят, «чтобы те могли заработать», и называет Винни Мауро, своего любимчика, Сандино, своего советника, Джона Жука (по-настоящему его звали Стоппели) и, конечно же, Моччио. И еще кого-то, уже не помню. Но это не важно, вы скоро

поймете, почему.

Короче говоря, выяснилось, что у меня восемь партнеров, включая Пэта Пагано. Ну что я мог поделать, когда Тони мне об этом сказал? Все-таки он мой «лейтенант», и здесь ничего не попишешь. Я даже не мог объяснить Пэту (который еще был только «кандидатом», а не членом мафии), что мы были в руках у Бендера, так как заниматься наркотой не разрешалось. Пожаловаться кому-нибудь на него я тоже не мог.

В общем, со всеми вычетами, включая двадцать тысяч для Вито, остается девяносто одна с половиной. Я говорю Тони: «Ладно, отдай мне и Пэту то, что нам причитается». Скоро он присылает Пэта Моччио, чтобы узнать, чем бы мы хотели получить, товаром или наличными. Я посоветовался с Пэтом Пагано и, так как наши ребятишки — Джо, брат Пэта и мой племянник Фиоре — давно теребили нас, чтобы мы достали героина, ответил Тони, что хотим взять свою долю натурой. Он дал нам два кило.

Проходит примерно пара месяцев, и меня вызывают в Йонкерс. Это был дом Моряка, по-настоящему его звали де Кватро. Приезжаю я туда и кого вижу? Вито Дженовезе. Он меня спрашивает:

— Ты когда-нибудь занимался героином?

— Да.

— Ты что, не знаешь, что это не разрешается? Чтобы ничего подобного впредь я о тебе не слышал.

— Ладно.

Конечно, я не придал особого значения этому разговору. Такая уж у Вито была натура. Он просто хотел дать понять, что сделал для меня большое одолжение.

Вскоре после того, как Тони с нами расплатился, у меня был разговор с Джоном Жуком. Я поинтересовался, получил ли он уже свою долю.

— Какую долю? — спрашивает он.

— Тебе еще не заплатили? — удивляюсь я. — Ты же был среди партнеров.

— Каких партнеров? Партнеров по чему?

Тут я смекнул, что Жук ничего не знает об этом деле, и замолчал. Я не хотел, чтобы это дошло до Тони Бендера, и он заподозрил, что я его проверил. Так что я замял этот разговор.

Через много лет, в 1952 году, после того как меня взяли на героине, я встретился в Вест-Стрите [23] с Пэтти Моччио. Мне в голову не приходило, что Пэтти ничего не получил за эту сделку. Но вот разговор заходит о Джоне Жуке, и Пэтти, к моему огромному удивлению, говорит:

— По крайней мере, хоть вы получили два кило.

— Ты что, — спрашиваю я, — не получил свою долю?

Пэтти махнул рукой в том смысле, что нет, не получил.

— Боже мой! — говорю. Я чуть со стула не упал.

— Тони меня долго обхаживал. Говорил, деньги нужны на то, на это. Когда я пришел получать свою долю, уже ничего не осталось.

— Шутишь!

Пэтти снова махнул рукой и замолчал.

Ну, теперь вы понимаете, как было дело. Не существовало никаких восьми партнеров. Господа Тони Бендер и Вито Дженовезе просто поделили деньги между собой.

Вечером 2 мая 1957 года Франческо Кастилья, более известный под именем Фрэнк Костелло, ужинал в фешенебельном манхэттэнском ресторане «Аильон». Примерно в одиннадцать вечера Костелло приехал на такси к дому в районе Сентрал-парк-вест, где располагалась его квартира. Когда он пересекал холл, чей-то голос произнес: «Это для тебя, Фрэнк». Костелло обернулся, чтобы посмотреть на говорящего, и тут раздался выстрел. Вскоре его привезли в госпиталь Рузвельта. По лицу Костелло струилась кровь, однако он не был серьезно ранен. Стрелок в спешке плохо прицелился, и пуля всего лишь повредила кожу на черепе.

Это покушение явилось кульминацией борьбы Дженовезе против Костелло, начавшейся убийством Вилли Моретти. Оно же ознаменовало начало хаоса и потрясений в «Коза ностре», которых не было со времен Кастелламмарской войны. Хотя Дженовезе уже оттеснил Костелло с поста босса «семьи», он хотел закрепить свой успех в борьбе за власть. Более того, он мечтал о мантии «босса всех боссов», которую никто не надевал с веселых деньков Счастливчика Чарли Лючиано. На пути к ней стоял, по крайней мере символически, Фрэнк Костелло — царь империи казино и тотализаторов. Он не зависел от «семьи», обладал хорошей репутацией, к его советам прислушивались. Если воспользоваться термином «Коза ностры», он по-прежнему был «в авторитете». Такая ситуация для Дженовезе была невыносимой, он должен был избавиться от Костелло раз и навсегда.

Покушение не могло остаться незамеченным, и личность несостоявшегося убийцы стала известна не только всем членам «Коза ностры», но и нью-йоркской полиции. В Костелло стрелял «солдат» «семьи» Дженовезе, бывший боксер Винченте Джиганте, отличавшийся могучим телосложением и носивший прозвище Челюсть. Комментируя со знанием дела неуклюжее покушение,

Валачи сухо заметил: «Челюсть целый месяц потратил на тренировки».

Так как Костелло остался жив, для Дженовезе сохранялась реальная опасность мести с его стороны. Но самую большую угрозу представлял Альберт Анастазия. Сумасшедший Шляпник и Премьер-министр, как иногда называли Костелло, составляли странную, но довольно неразлучную пару. Поэтому на следующий день после покушения, как рассказывает Валачи, основные члены команды Тони Бендера, примерно тридцать «солдат», были собраны в одной из гостиниц западной части Манхэттэна. Между ними были распределены районы города, которые они должны были прикрывать в случае ответного удара. «Нам приказали, — вспоминает Валачи, — быть начеку. Могла начаться война». Ему и пятерым отданным в его подчинение «солдатам» была поручена восточная часть Гарлема.

Тем временем Дженовезе уехал в сопровождении примерно сорока телохранителей в свою загородную резиденцию. Туда он вызвал всех «лейтенантов» «семьи» для принятия от них заверений в преданности. Не смог приехать лишь стареющий Энтони Карфано (Малыш Ауджи Пизано), о чем он скоро пожалел. В тот момент Дженовезе добивался демонстрации полной сплоченности. За Карфано был послан Тони Бендер, знавший его лучше других. «Вито, — рассказывает Валачи, — приказал Тони привезти Малыша Ауджи, не то он, Тони, сыграет в ящик. Так что Бендер его привез. Дело было не в том, что Малыш Ауджи встал на сторону Фрэнка. Просто он испугался. Он был старым приятелем Фрэнка и опасался, что его из-за этого шлепнут».

То, что произошло на совещании «лейтенантов», постепенно стало известным рядовым членам «семьи». Дженовезе вежливо объяснил, что он был вынужден предпринять радикальные меры против Костелло, так как последний сам планировал убить Вито. Он также объявил, что Костелло должен быть лишен любых рычагов влияния ввиду его полного безразличия к материальному положению членов «семьи». В этой связи любой уличенный в контакте с Костелло будет держать ответ лично перед Дженовезе. Наконец, Вито официально утвердил себя в качестве босса «семьи», а чтобы на этот счет ни у кого не оставалось сомнений, назначил своим заместителем Джерардо (Джерри) Катена, который сменил Вилли Моретти в Нью-Джерси. «Ну, у кого, — отвечает Валачи, — могли возникнуть какие-то возражения?»

В это время нью-йоркская полиция быстро установила, что в Костелло, вероятнее всего, стрелял Джиганте. Он, однако, исчез, и вначале считалось, что его убрали за провал операции. Но нет.

«Челюсть просто вывезли куда-то за город, — вспоминает Валачи, — чтобы он немножко похудел. В нем было примерно триста фунтов, такого человека трудно не запомнить. Выяснилось, что швейцар в доме Костелло подслеповат. Вот и было решено, что Челюсть должен как следует осунуться, чтобы швейцар его не узнал».

Ответный удар, которого опасался Дженовезе, так и не состоялся. Джиганте в конце концов перестал скрываться и, будучи арестованным, начал утверждать, что понятия не имел о существовавших в его отношении подозрениях. Костелло заявил на следствии, что не видел стрелявшего и не имел ни малейшего представления, кто мог бы хотеть его убрать. В результате единственным свидетелем по этому делу оказался престарелый швейцар, и адвокату Джиганте не составило большого труда доказать, что у старика было никудышное зрение.

Покладистая позиция Костелло все уладила. И, оставшись в живых, он не был больше опасен для Дженовезе.

Покушение, кроме того, привлекло к нему внимание властей в самый неподходящий для этого момент. В то время Костелло подал апелляцию в связи с вынесенным в его отношении приговором по делу об уклонении от уплаты налогов. В госпитале Рузвельта, пока врачи обрабатывали рану Костелло, детектив нашел в кармане его пальто клочок бумаги, вызвавший аршинные заголовки в газетах. На нем были записаны «выигрыши» в 661284 доллара, полученные за неопределенный период времени и являвшиеся процентами от доходов казино в пригородах Нового Орлеана и Лас-Вегасе. Костелло отказался отвечать на вопросы, касавшиеся этих денег. В конце концов его арестовали за неявку в суд, а потом он получил срок за неуплату налогов [24].

Через несколько недель после инцидента с Костелло произошло покушение еще на одного высокопоставленного мафиози, на этот раз удачное. Оно тоже привело к переполоху в «Коза ностре», хотя и по совершенно другим причинам.

Написано очень много разной чепухи о «ритуале», которого придерживается «Коза ностра», казня одного из своих членов. Жертва, независимо от характера совершенного ею преступления, должна быть умерщвлена быстро и неожиданно. Перед расправой ей, кроме того, якобы полагается шикарная трапеза с вином. Пишут также, что, в соответствии с сицилийской традицией, для убийства должен, по возможности, использоваться дробовик. «Конечно, — сказал мне по этому поводу Валачи, — нельзя, чтобы человек догадался, что в него сейчас будут стрелять, иначе он сам в тебя выстрелит. Что касается всего остального, то я об этом в первый раз слышу. В таких делах главное быть осторожным и

сделать все возможное, чтобы не допустить срыва».

Днем 17 июня 1957 года был убит шестидесятитрехлетний Фрэнк Скаличе (дон Чич), по словам Валачи, второй человек в «семье» Альберта Анастазия. Смерть настигла его в тот момент, когда он остановился, чтобы рассмотреть витрину овощного магазина в Бронксе, и четыре пули пробили его шею и голову. Выстрелы были сделаны, как указано в протоколе нью-йоркской полиции, «четырьмя неизвестными белыми мужчинами, скрывшимися с места происшествия на автомобиле». Как обычно, свидетелей не нашлось. Бюро по борьбе с наркотиками выдвинуло теорию, согласно которой Скаличе, контролировавший своей железной рукой, помимо всего прочего, строительство в Бронксе, был убит за то, что не отправил груз героина, за который заплатил один из его сообщников.

Истинная причина убийства была раскрыта Валачи и оказалась куда более серьезной. Она касалась так называемых «книг» членства «Коза ностры». «На самом деле это никакие не книги, — поясняет Валачи, — просто мы их так называли». Запись в «книги» была прекращена в начале тридцатых годов. После Второй мировой войны появилось достаточное количество «кандидатов», но официальная запись новых членов в «книги» состоялась только в 1954 году [25].

Скаличе стал одним из самых активных вербовщиков. Причина этому обнаружилась со временем. Выяснилось, что Скаличе продавал членство желающим за 50 тысяч, и Анастазия немедленно распорядился его убить. «Мы все обалдели, когда услышали, чем занимается Чич, — вспоминает Валачи. — Ничего подобного в тридцатые годы не было. Фрэнк Скаличе стал первым, кто начал превращать наше дело в коммерцию, и его продолжатели делают это и поныне, можете мне поверить. Они наживаются на нашем деле. Раньше такого не водилось. Ребята платят, так как хотят, чтобы их приняли и считали своими. В старые времена человек должен был делом доказать, что он этого достоин. Да сейчас, если поручить молодым кого-нибудь пришить, половину из них самих перестреляют».

История убийства Скаличе имела продолжение. Его брат, Джозеф Скаличе, возопил о мести, затем понял свою ошибку и стал скрываться. Потом он совершил еще большую ошибку. Анастазия окольными путями довел до сведения Джозефа, что простит его, если тот вернется, и он вернулся. 7 сентября сын Джозефа Сколиче заявил в полицию, что его отец пропал. Больше Джозефа не видели. По рассказам Валачи, он был убит в доме «лейтенанта» Анастазия по имени Венсент Сквилланте, он же Джими Джером. Тело Скаличе было расчленено и вывезено из

дома на идеальном для этого транспорте: Сквилланте контролировал сбор и вывоз мусора из нью-йоркских отелей, ресторанов и ночных клубов.

Так случилось, что описанное убийство было последним из совершенных по указанию Анастазия. Хотя Фрэнк Костелло, по-видимому, смирился со своей вынужденной отставкой, «Альберт А.» принялся во всеуслышанье заявлять о намерении начать борьбу за восстановление в правах своих друзей. Рассвирепевший Анастазия был способен заставить нервничать даже Дженовезе. Он и Анастазия отличались только тем, что жестокость первого обычно имела под собой какие-то основания, а жестокость второго — нет.

И тот, и другой при необходимости вносили выгодные им поправки в правила, по которым жила «Коза ностра». В 1951 году, примерно в то время, когда Дженовезе тщательно планировал убийство Вилли Моретти, Анастазия действовал более прямолинейно. Он несколько лет был заместителем босса «семьи» Винсента Мангано, одного из боссов, названных Маранзано после Кастелламмарской войны. Со временем Анастазия надоело находиться на вторых ролях. Мангано внезапно пропал и был в конце концов официально объявлен мертвым. Логическим продолжением стало исчезновение его брата, Филиппа Мангано, чье тело, впрочем, вскоре было найдено на одном из бруклинских пустырей. Несмотря на столь неуклюжую последовательность событий, правящий совет «Коза ностры» смиренно утвердил Анастазия в качестве нового босса «семьи».

Дженовезе обнаружил, что Анастазия тайно встречается с Костелло. По словам Валачи, эти двое разработали для своих встреч специальный шифр. Ряду отелей были присвоены особые номера. Если возникала необходимость поговорить, эти номера сообщались вместе с цифрами гостиничного номера.

Оценив ситуацию, Дженовезе вступил в контакт с честолюбивым «лейтенантом» Анастазия по имени Карло Гамбино и убедил его, что смерть босса пошла бы на пользу им обоим. «Без поддержки Вито, — считает Валачи, — Карло никогда не решился бы на это. Хотя у него появилось хорошее оправдание после того, как Альберт нарушил свое обещание Джо Скаличе. Этот поступок выставил в дурном свете тех ребят, которые заверяли Джо, что возвращаться было безопасно. К тому же Альберт стал слишком крут со своими людьми и обижал их, как никогда раньше».

По словам Валачи, Гамбино взял в сообщники своего верного дружка, Джозефа Биондо (Джо Бэнди). 25 октября 1957 года Анастазия расслаблялся с обмотанным горячим полотенцем

лицом в парикмахерской манхэттэнского отеля «Парк-Шератон». В парикмахерскую вошли два вооруженных пистолетами человека и изрешетили Анастазия пулями. Таким образом Дженовезе ловко прикрыл свои фланги и мог с безопасного расстояния благодушно взирать на процесс занятия Гамбино поста главы семейства. Новым заместителем босса «семьи» стал Биондо.

(Министерство юстиции уже имело кое-какое представление о случившемся при помощи никого иного, как Тони Анастазио, который, несмотря на небольшое отличие в написании имени, являлся родным братом убитого босса. Анастазия поручил своему брату, официально считавшемуся простым «солдатом», контролировать гигантское 1814-е отделение Международной ассоциации портовых рабочих. В результате он свыкся с положением хозяина всех бруклинских причалов. Когда Гамбино стал боссом, Тони внезапно обнаружил, что превратился в простую пешку. Обида, связанная с понижением его статуса, развязала язык Анастазио, но он не успел превратиться в осведомителя полиции, умерев естественной смертью в 1963 году).

Убийство Анастазия вызвало сенсацию в прессе. Но несмотря на обилие предположений в газетах, в «Коза ностре» не было сомнений относительно того, кто стоял за этим делом. Случившееся всех задело за живое. Чего добивался Вито Дженовезе? И, самое важное, когда и где он был намерен остановиться? И прежде, чем он успел закончиться, это стало еще более очевидным.

14 ноября, через три недели после похорон Альберта Анастазия, в деревенском доме, расположенном в небольшом селении Апалачин, близ северной границы штата Нью-Йорк, состоялось самое важное в истории «Коза ностры» тайное совещание ее руководства. Подобные сборища проводились и ранее, но никогда они не были столь многолюдными. Присутствовало более ста мафиози. Это было крайне необычно для совещания такого рода, но атмосфера в мафии была напряженной, и ее боссы, не уверенные в своей судьбе, сочли за благо прибыть в сопровождении целых отрядов телохранителей.

Хотя Министерство юстиции уже начало из разрозненных сведений складывать мозаику того, что произошло на этой знаменитой конференции королей преступного мира, полностью картина прояснилась лишь с помощью Валачи. Совещание было созвано Дженовезе. То обстоятельство, что за короткий срок удалось собрать такое количество боссов мафии, само по себе явилось впечатляющей демонстрацией его авторитета.

Первоначально, рассказывает Валачи, Дженовезе хотел всех собрать в Чикаго. Поскольку это являлось, так сказать, общенациональным совещанием, Чикаго был удобен с точки зрения своего местоположения. Кроме того, в большом городе подобное мероприятие было легче провести незамеченным. Но Стефано Магаддино, босс из Буффало, выдвинул более подходящую идею. Почему бы не собраться в Апалачине, в доме одного из его «лейтенантов», старого кастелламмарца по имени Джозеф Барбара? В качестве аргументов Магаддино использовал то, что в сельской местности будет как нигде легче избежать всевидящего ока столичной полиции, а мирная деревенская атмосфера станет идеальным средством для успокоения расстроенных нервов. Дженовезе в конце концов согласился. Барбара, будучи извещенным о том, что ему надлежит играть роль принимающей стороны, послал своего сына бронировать места в местных мотелях и гостиницах, а сам направил срочный заказ на отборные бифштексы в Бингхэмптон, где располагался филиал компании «Армор». Но оговоренные в заказе толщина и качество бифштексов не соответствовали тому, что могли предоставить в Бингхэмптоне с его населением в 80 тысяч человек, поэтому искомый полуфабрикат был привезен специально посланным грузовиком с чикагского мясоперерабатывающего завода «Армор» [26].

Главным пунктом повестки дня совещания было утверждение правящим советом Дженовезе в качестве босса «семьи». Хотя он стал настолько могущественным, что никто бы не стал оспаривать его право на это, имелась необходимость соблюсти определенные формальности с тем, чтобы не нарушать замысловатую, если не хрупкую организационную структуру «Коза ностры». Кроме того, Дженовезе предстояло снять с себя обвинения в том, что он, организовав покушение на Костелло, нарушил порядок, установленный правящим советом. Доводы Дженовезе оставались все теми же. Костелло с молчаливого согласия Анастазия замышлял его убийство. Никто этому верить, конечно, не собирался, но у Дженовезе был в запасе более весомый аргумент: излишнее внимание Костелло к своему предпринимательству и вытекающее из него небрежение делами «семьи» могло бы привести к гибели «Коза ностры» как таковой. Чтобы не допустить этого, в отношении Костелло необходимо было что-то предпринять.

Дженовезе также хотел добиться благословения со стороны своих коллег из руководства мафии на убийство Анастазия. И в этом случае никто не проявлял особого интереса к судьбе кровожадного босса, но существовала озабоченность, что процесс

устранения мафиозных лидеров может принять неуправляемый характер. Поэтому правящий совет хотел получить от Дженовезе личные и официальные заверения, что ничего подобного не произойдет.

Дженовезе хотел, кроме того, выдвинуть обвинение против Анастазия, согласно которому последний имел какую-то прибыль от деятельности Фрэнка Скаличе по продаже членства «Коза ностры». Убийство же Скаличе было не чем иным, как попыткой спрятать концы в воду после того, как информация об их бизнесе дошла до других членов мафии.

В связи с этим на обсуждение было вынесено два предложения, принятие решений по которым так или иначе потребовало бы созыва совещания. Первое предполагало исключение из мафии всех новых «солдат», которые продемонстрировали свою бесполезность. Было решено, что исключение должно осуществляться под угрозой неминуемой смерти новобранца в случае разглашения им тайн «Коза ностры». Если верить Валачи, предполагалось, что лишение членства будет проходить под формулировкой «бесполезности и несоответствия требованиям». С момента возобновления записи в «книги» в мафии велась статистика всех неудавшихся убийств, запланированных «Коза нострой». «Всего, — рассказывает Валачи, — было двадцать семь операций, которые закончились промахами, легкими ранениями и трупами, оставленными прямо на улице». Другое предложение, вынесенное на обсуждение, предусматривало сохранение статус-кво в «семьях» и, соответственно, предотвращение новых неприятностей посредством прекращения записи в «книги».

Наконец, совещанию предстояло решить, что делать с Бюро по борьбе с наркотиками. Кое-кто высказывался за убийство известных мафии сотрудников Бюро. Но большинство выступало за введение во всех «семьях» запрета на торговлю наркотиками, нарушение которого каралось бы смертью. Выражалась точка зрения, что стоило испробовать такую сдерживающую меру, хотя, если рассуждать реалистически, введение подобного запрета имело бы на отдельных членов «Коза ностры» эффект не больший, чем принятие сухого закона на американскую нацию.

Предполагалось, что перечисленные выше вопросы будут детально обсуждены в Апалачине. Сделать этого, однако, не удалось. Судя по многочисленным сообщениям, эта деревушка оказалась далеко не идеальным местом для проведения конференции — как раз наоборот. Бдительный полицейский, сержант Эдгар Д. Кросвелл, обратил внимание на появление в округе необычного количества черных лимузинов, набитых

подозрительными личностями. Сразу после полудня 14 ноября ему удалось проследить, что все они съехались к дому Барбары. Прибывшие туда короли преступного мира едва успели перекинуться друг с другом несколькими фразами, как их пригласили на лужайку с расставленными на ней жаровнями для шашлыка и бифштексов (совещанию должен был предшествовать обед). Тем временем сержант Кросвелл, действуя с всего лишь тремя помощниками, решил перекрыть ведущую к дому дорогу, чтобы посмотреть, как на это прореагируют гости Барбары. «Коза ностру» обуяла паника.

Всего в «Коза ностре» насчитывается 25–30 «семей», различных по размеру и контролирующих всю территорию Соединенных Штатов. Общее количество членов мафии оценивается в пять тысяч человек. Точное число «семей» неизвестно, так как трудно определить подлинную независимость отдельных маленьких «семей», насчитывающих по 20–30 членов. Как бы то ни было, в Апалачине были представлены (прямо или косвенно) все «семьи» мафии. Через несколько минут после того, как была перекрыта дорога, в круг присутствующих ворвался подчиненный Барбары и сообщил им эту новость. Часть собравшихся, в том числе Дженовезе, попытались прорваться через заграждение на своих автомобилях. Все они были без труда остановлены и задержаны для допроса и обыска. Остальные бросились в ближайший лес. Некоторые из них в смокингах, несколько потерявших товарный вид после пробежки сквозь заросли куманики, были также арестованы подоспевшим полицейским подкреплением. Многим, однако, удалось скрыться.

Всего Кросвеллу и его людям удалось задержать в Апалачине пятьдесят делегатов. Они оказались состоятельной публикой: при арестованных было обнаружено триста тысяч долларов наличными. По оценкам Министерства юстиции, по крайней мере пятидесяти участникам совещания удалось бежать. Некоторое количество задержанных пошло под суд за «попытку воспрепятствовать правосудию путем отказа от дачи показаний относительно цели своего присутствия в Апалачине». Их признали виновными и оштрафовали. Решение суда, однако, было отменено на том основании, что проводившаяся встреча сама по себе не составляла преступления.

(Почти все участники совещания объяснили свой визит к Барбаре желанием приободрить хозяина дома, страдающего от инфаркта. Все другие вопросы немедленно отвергались со ссылкой на Пятую поправку к конституции, запрещающую самообвинение. Было, впрочем, одно примечательное исключение. В особенно неудобное положение события в

Апалачине поставили Джона С. Монтану, «лейтенанта» из «семей» Магаддино. Он попал в число тех, кого выловили по местным лесам и полям. В 1956 году Монтана, фактически установивший монополию над таксомоторным бизнесом в Буффало, был объявлен клубом Эри «человеком года». Этот клуб являлся официальной общественной организацией полиции Буффало. Поэтому, вместо того, чтобы ссылаться на Пятую поправку, Монтана сочинил историю, согласно которой он ехал на своей машине в Нью-Йорк, и у него отказали тормоза. Оставив автомобиль, он отправился к Барбаре, чтобы выяснить, не смогут ли там ему помочь с ремонтом машины. По рассказу Валачи, «после Апалачина Монтана попросил своих ребят держаться от него подальше, чтобы те его не скомпрометировали». Но как только это дошло до Магаддино, «лейтенантской» карьере Монтаны пришел конец. «Если у тебя нет времени на своих «солдат», — заявил босс, — то уходи со своего поста!»

В то время появились обозреватели, поверившие тому, что совещание в Апалачине было не чем иным, как приятельской вечеринкой, на которую собрались старые друзья, ранее странным образом попавшие в полицейские картотеки. Это выглядело невероятным даже до того, как заговорил Валачи. Если придерживаться их версии, то получалось, что доселе малоизвестный Барбара был одной из наиболее популярных фигур в «Коза ностре». Казалось, расстояние не играло никакой роли для тех, кто приехал его навестить. Из южной Калифорнии прибыл Фрэнк де Симоне, босс «Коза ностры» Лос-Анджелеса. Трудно сказать, имел ли Барбара удовольствие принимать у себя Джеймса Ланца, босса из Сан-Франциско; Ланца не был арестован в Апалачине, однако накануне он зарегистрировался в отеле, находящемся в пятидесяти милях от этого селения. Хотя задержано было чуть более половины всех делегатов, в их число входили Джеймс Чивелло, босс из Далласа, и Джеймс Коллетти, представляющий, как ни странно, такой удаленный район, как Колорадо. С юга страны в Апалачин приехал Луис Траффиканте-младший, босс Флориды, и всемогущий представитель интересов «Коза ностры» в игорных заведениях докастровской Кубы. Одним из немногих попавшихся представителей Среднего Запада был Фрэнк Зито, лидер мафии штата Иллинойс. Детройтская «Коза ностра», возглавляемая Джозефом Зерилли, не прислала своих делегатов, да это было и необязательно: вполне достаточным являлось присутствие на совещании бруклинского босса Джозефа Профачи, чьи две дочери вышли замуж за влиятельных мафиози в организации Зерилли. Другой лидер из Бруклина, Джозеф Бонанно, имевший процветающую преступную сеть также и в

Аризоне, был арестован наряду с Дженовезе, кливлендским боссом Джоном Скэлишем и боссом из Филадельфии Джозефом Ида. Высказывалось мнение, что чикагский босс Сэм Джианкана ушел лесом и тем самым благополучно избежал ареста.

Учитывая, какое большое значение в мире «Коза ностры» придается чести и достоинству, самым ужасным для участников всей этой истории стало их неприкрытое унижение. «Легко догадаться, какая была реакция у нас, «солдат», когда мы узнали об облаве, — рассказывает Валачи. — Если бы на подобной встрече арестовали «солдат», нетрудно себе представить, как к этому отнеслись бы их боссы. И вот они сами разбегаются по кустам, как кролики, выбрасывают из карманов деньги, чтобы их не взяли с наличными, некоторые из них выбрасывают и револьверы. Да мне просто смешно, когда я слышу, что мы должны уважать своих боссов».

Управление по организованной преступности и рэкету, подчиняющееся Министерству юстиции, выяснило, что после описанных выше событий по стране прошла серия небольших собраний, на которых были рассмотрены все пункты повестки дня совещания в Апалачине, включая утверждение Карло Гамбино на посту, прежде принадлежавшем Анастазия. Все это, однако, не принесло никакого проку самому Вито Дженовезе. У всей «Коза ностры» глаза вылезли на лоб от изумления, когда меньше чем через год он был обвинен в торговле наркотиками и осужден на пятнадцать лет лишения свободы. Этот срок от отбывает до сих пор. Дженовезе оказался первым боссом, после Лючиано, которого убрали с преступной сцены.

Глава 12

Если 1957 год был плохим годом для «Коза ностры», то для Валачи тем более. Единственным светлым пятном в его жизни тогда стала отмена приговора по делу о наркотиках. Но даже это явилось символом его горькой судьбы.

Еще в 1954 году Тони Бендер сообщил Валачи, что Бюро по борьбе с наркотиками оказывает нажим на комитет по контролю за торговлей спиртными напитками штата Нью-Йорк с тем, чтобы он аннулировал лицензию на продажу алкоголя в ресторане «Лидо», все еще оформленную на сына Фрэнка Лючиано. По словам Валачи, у Бендера были связи в этом комитете, которые блокировали принятие такого решения. Но однажды там произошли крупные кадровые перестановки, и это в корне изменило всю ситуацию. Молодого Лючиано вызвали для дачи показаний, а лицензия «Лидо» была аннулирована в связи с «попыткой скрыть имя истинного владельца». Будучи уверенным, что его никогда не осудят за торговлю наркотиками, Валачи продолжал содержать «Лидо» в качестве пиццерии и вложил все имевшиеся у него деньги в строительство еще одного ресторана в районе Йонкерса. Затем, когда Валачи все же получил срок, ему пришлось отказаться от нового проекта и продать «Лидо», чтобы финансировать свою апелляцию. «Все равно, — с горечью вспоминает Валачи, — без лицензии от «Лидо» не было никакого проку».

К тому времени он уже получал барыши со своих ссудных операций и планировал пустить их на строительство ресторана в Йонкерсе. «Я подумывал о том, чтобы завязать с мафией и сосредоточиться на чисто ресторанных делах». Затем умер Мэтти, его партнер по одежной фабрике, и у Валачи закрылся еще один источник твердых доходов. Мысль о приобретении нового компаньона моментально улетучилась, как только стало известно, что все оборудование фабрики пойдет с молотка в пользу государства, так как Мэтти не выплачивал в казну подоходные налоги, вычтенные им из зарплаты рабочих. «Мне еще повезло, что там не нашлось ни одной бумажки с моим именем, — вспоминает Валачи. — Нас называют рэкетирами, а посмотрите, что позволял себе Мэтти, занимаясь законным бизнесом».

Сев на мель, Валачи последовал примеру других «солдат» мафии, оказавшихся в затруднительном положении. В погоне за быстрой наживой он занялся торговлей наркотиками. На этот раз, однако, ни с какими партнерами он связываться не стал. Он был

знаком с несколькими мафиози, которые все еще торговали героином, получали свою долю с ввозимого в Штаты груза и заключали собственные сделки на перепродажу наркотика с «парой каких-то цветных парней». Для доставки героина Валачи использовал «парнишку» по имени Ральф Вагнер. «Он был родом откуда-то из Нью-Джерси. Из Форта Ли, кажется, — рассказывает Валачи. — Тот, кто ко мне его прислал, уже не помню, кто именно, сказал, что он хороший парень. Он мне и самому понравился. Ральф пришелся очень кстати: он помог с покраской моего дома. Этому парню до смерти хотелось заняться наркотой, поэтому я взял его к себе в дело. Еще Ральф хотел вступить в мафию, но это, конечно, было невозможно — ведь он был полукровка, наполовину итальянец и наполовину немец».

Валачи неохотно рассказывает о том периоде, когда он торговал героином. По его утверждению, он имел дело с «небольшими партиями для того, чтобы снова встать на ноги». Валачи снабжал наркотиками одного из «цветных парней», Джона Фримэна-старшего, являвшегося, по данным Бюро, крупным чернокожим розничным торговцем в Гарлеме. Скоро Валачи смог возобновить свои занятия ростовщичеством, а также посвятить себя налаживанию бизнеса с музыкальными автоматами, обещавшего стать весьма прибыльным делом.

В то время Джозеф Галло, «солдат» из «семьи» Профачи, возглавивший позже кровавый мятеж против своего босса, предпринимал попытки силой поставить под свой контроль музыкальные и торговые автоматы в Нью-Йорке. Методы Галло были примитивны. Требовалось вступить в его «союз» и принять Галло в качестве своего компаньона. Иначе владелец автоматов рисковал быть жестоко взбитым — в лучшем случае. Это, конечно, не относилось к членам «Коза ностры». Валачи вступил в «союз» по своей собственной воле. Взносы были минимальными — 79 долларов в квартал. Взамен он получил гарантированные «союзом» новые «точки» в дополнение к уже имевшимся. Выгода для Галло заключалась в том, что членство Валачи способствовало объединению в сеть независимых владельцев автоматов в восточной части Гарлема и Бронкса.

Валачи сам использовал свой ссудный бизнес для установки музыкальных автоматов в различных барах и ресторанах. «Я давал человеку кредит, рассказывает Валачи, — но не торопился получать с него деньги. Короче говоря, пока мой автомат стоит в его заведении, долг он не возвращает. Джо Галло был помешан на таком крутом рэкете. Поэтому его и прозвали Психом. Ну, это Джо и погубило».

(21 декабря 1961 года Галло получил от семи до

четырнадцати лет тюрьмы за попытку вымогательства).

Валачи настолько был занят поправкой своего финансового положения, что не обратил должного внимания на арест Вито Дженовезе и его осуждение за незаконную торговлю наркотиками. Он узнал об этом еще до объявления обвинительного заключения от Томаса Эболи (Томми Райан), быстро набирающего влияние в качестве фаворита Дженовезе. «Там один испанец дает показания против нашего старика, — сообщил Эболи. — Надо его найти. Зовут Канталупесом. Если услышишь о нем что-нибудь, позвони».

«Конечно, я пообещал Томми, что так и сделаю, — вспоминает Валачи, — но на самом деле я не собирался бегать по городу и искать этого парня. Вообще-то, мне хотелось сказать Томми, что я не припомню, заплакал ли кто-нибудь, когда меня самого арестовали. Короче, я решил на все это наплевать. Пусть Вито сам решает свои проблемы. У меня без него забот хватало».

(Эболи немного напутал с именем «испанца», главного свидетеля по делу Дженовезе. На самом деле его звали Нельсон Кантеллопс. После длительного пребывания в тюремной камере, где он скрывался от мести мафии, Кантеллопса выпустили по его собственной просьбе. В 1965 году он погиб при странных обстоятельствах во время потасовки в баре).

Валачи, тем не менее, сильно расстроило убийство его старого друга Джона Робилотто (Джонни Робертс), которое произошло 7 декабря 1958 года. По его словам, это убийство было следствием захвата Карло Гамбино власти в «семье» Анастазия:

Я не удивился, когда услышал об убийстве. Конечно, раньше у меня была надежда, что этого не произойдет, но Джонни был близок к Альберту. В конце концов, это Анастазия принял его в «семью». Однажды вечером, после того, как убрали Альберта, я поехал в Бруклин, чтобы повидать Джонни. Один парень проводил меня в то место, где он постоянно бывал. У Джонни имелась контора в каком-то клубе, и мы с ним там поговорили наедине. Конечно, в лоб я ему ничего не сказал, но намекнул, что не надо из-за смерти Анастазия замышлять каких-то разборок или чего-нибудь в этом роде.

Он сказал: «Не беспокойся, Тони и Вито уже со мной поговорили». Я кивнул, что, мол, хорошо, и заговорил о своих собственных делах, о бизнесе с музыкальными автоматами и прочей ерунде. На том мы и разошлись. Позже я узнал, что в действительности Тони и другие ребята, всего их было человек пятнадцать-двадцать, планировали ударить по Карло, но он им

первый успел надрать задницу. Как бы то ни было, все очень горевали по Джонни Робертсу».

Валачи рассказывает, что в начале 1959 года собирался совсем прекратить торговлю героином. Его игральные автоматы приносили пятьсот долларов прибыли в неделю. Он завел связи в компании по производству скатертей и заранее знал об открытии новых ресторанов. Валачи ожидал, что его доход скоро удвоится. Тем более, что ценность этого бизнеса резко возросла. Раньше рыночная стоимость одной «точки», где были установлены автоматы, определялись путем умножения средней недельной прибыли на двадцать, плюс остаточная стоимость самих автоматов. Теперь стали умножать уже на пятьдесят. Продолжая заниматься ростовщичеством, Валачи, к тому же, затеял вместе с одним из «солдат» весьма изящную «лотерею». Валачи ограничился одинарной игрой — ставки принимались ежедневно на одно из трех выигрышных чисел. Следовательно, счастливой могла оказаться любая цифра от нуля до девяти. Максимальная сумма ставок на каждую цифру равнялась ста долларам. Все, что превышало эту сумму, откладывалось в банк — на другие цифры, которые игрались в последующие дни. Таким образом, Валачи нес ответственность только за одну тысячу долларов. Поскольку вероятность выигрыша в одинарной игре равна 7:1, Валачи и его партнер имели твердый ежедневный заработок в триста долларов. За вычетом гонораров «шестерок» и взяток полиции они, работая шесть дней в неделю, зарабатывали 1200 долларов на двоих. По мнению Валачи, «это было совсем неплохим наваром, учитывая, что мы ничем не рисковали».

Но бодрое настроение Валачи продолжалось недолго. В мае 1959 года, в восемь часов вечера в его квартире раздался телефонный звонок. «К счастью, я был дома», — говорит Валачи. Звонила жена розничного торговца Джона Фримэна. Она взволнованным шепотом произнесла условную фразу, обозначавшую, что их накрыло Бюро по борьбе с наркотиками: «Я не могу с тобой встретиться, у нас отобрали все наши машины».

Валачи уехал из дома за несколько минут до прибытия полиции. Он укрылся в квартире, которую снимал в Бронксе для своей подружки. Валачи некоторое время назад понял, что за ним периодически устанавливают слежку, поэтому, посещая эту женщину, всегда проявлял большую осторожность. Действуя оттуда, Валачи сделал все возможное, чтобы вернуть выданные им ссуды, и поручил Пэту Пагано присматривать за музыкальными автоматами. Когда он понял, что Пагано утаивает для себя слишком большую часть выручки, Валачи расторг свою договоренность с Пэтом и передал управление бизнесом

«парнишке по имени Сэлли», который до этого занимался техническим обслуживанием его автоматов. «Кто бы мог подумать, что Пэт способен на такое? — с грустью вспоминает Валачи. — Что ж, Сэлли звезд с неба не хватал, но, по крайней мере, был честным малым».

Через три месяца Валачи поссорился со своей подругой и поехал на север штата. На границе со штатом Коннектикут он остановился в селении Вингдейл и провел там месяц. Затем Валачи купил прицепной вагончик-трейлер и поехал в Коннектикут. У него было мелькнула мысль повидать Джироламо Сантуччи (Бобби Дойл), переехавшего несколько лет назад в Хартфорд, но, поразмыслив, он миновал этот город и остановился в Томпсонвилле, в специальном лагере для владельцев трейлеров.

В целом Валачи вспоминает о своем пребывании там с теплым чувством. Ему нравились местные жители: «Они не такие, как в Нью-Йорке, говорят при встрече «здрасьте». По правде говоря, сначала меня это как-то смущало, но потом я привык». Вскоре после прибытия в Томпсонвилл Валачи познакомился с местной девушкой и начал с ней встречаться два-три раза в неделю. Они ходили вместе на гонки изношенных автомобилей и в кино, посещали время от времени какой-нибудь придорожный ресторанчик. «Иногда, — рассказывает Валачи, — мы просто проводили вечер в трейлере, и я готовил ужин. Я неплохой повар, если хотите знать». В один из таких вечеров, в сентябре, по радио передали сообщение об убийстве Малыша Ауджи Пизано. «Да уж, — говорит Валачи задумчиво, — Вито ни о чем не забывает. Малыш Ауджи не прибыл на ту встречу после покушения на Фрэнка Костелло, вот и схлопотал».

Девушка знала Валачи под именем Чарльза Чарбано. Когда они познакомились, Валачи сказал ей, что живет в трейлере потому, что поругался с женой. Но в конце концов ему пришлось признаться, что дела обстоят серьезнее. Валачи сообщил ей, что проживает в Штатах незаконно и ему приходится скрываться, чтобы не быть высланным из страны. Слушая сообщение об убийстве, они также узнали, что вместе с Пизано была убита находившаяся с ним бывшая победительница конкурса красоты. Подруга Валачи заметила: «На такое способны только звери. Надеюсь, у тебя нет таких знакомых».

«Конечно, — вспоминает Валачи, — я сказал, что у меня нет таких знакомых. И, в общем-то, я с ней согласен. Следовало подловить Ауджи, когда он был один».

Пока Валачи находился в бегах, его регулярно навещал Сэлли, которому было поручено приглядывать за музыкальными автоматами. В середине ноября он сообщил, что Ральф Вагнер,

которому было предъявлено обвинение по тому же делу, все настойчивее добивается встречи со своим боссом. Валачи дал Сэлли телефон почтового отделения, расположенного недалеко от лагеря, и сказал, что будет ждать звонка Вагнера в одиннадцать часов вечера в ближайшую пятницу. «Жду я, значит, звонка, — рассказывает Валачи, — и тут прямо из темноты в помещение врываются легавые. Меня повязали и отвели назад к трейлеру, устроили там обыск. Потом отвезли в Хартфорд».

Вагнер выдал Валачи в надежде, что ему сократят срок. Хотя Валачи об этом тогда догадывался, он решил ничего не предпринимать по этому поводу. «Поступи я иначе, — говорит он, — и у меня были бы еще большие неприятности». Для предъявления обвинения Валачи отвезли в Бруклин, где, при попытке продать героин работающему под прикрытием сотруднику Бюро, был арестован сын Джона Фримэна. На суде Валачи заявил, что узнал о том, что находится в розыске, всего несколько дней назад, и в момент задержания, собственно говоря, как раз собирался позвонить в Нью-Йорк, чтобы узнать, на каком основании его арестовывают. В конце концов Валачи был выпущен под залог в 25 тысяч долларов. Выйдя на свободу, он сразу же передал предупрежденному заранее поручителю свою сберкнижку с тремя тысячами долларов в качестве залога.

За время отсутствия Валачи «лотерея» и ростовщические дела пришли в упадок, поэтому в ожидании суда он занялся восстановлением своего бизнеса с музыкальными автоматами. Тем временем он поручил своему адвокату затеять торг относительно того, какой срок получит Валачи в случае признания себя виновным. Адвокат сообщил Валачи, что похоже, ему светит семь лет, но на состоявшемся вскоре совещании этот срок увеличился до двенадцати. С этого момента Валачи начал подумывать о том, чтобы нарушить подписку о невыезде и бежать. «Я решил, — рассказывает он, — что если они сойдутся на семи годах, я остаюсь, а если это будет двенадцать лет — делаю ноги».

Поначалу он было собрался бежать в Бразилию. Он рассчитывал финансировать свой побег путем продажи бизнеса с музыкальными автоматами, который стоил тогда где-то пятьдесят тысяч долларов, а также всей имеющейся у него наличностью, примерно двадцатью тысячами. Но выполнение этого плана сразу же столкнулось с непреодолимыми трудностями. Никто из «Коза ностры» не хотел покупать дело Валачи из-за страха настроить против себя Бюро по борьбе с наркотиками. Столь же безуспешными были и попытки продать его коммерсантам, занимающимся музыкальными автоматами на легальной основе. «Ребята со стороны боятся покупать «точки» у членов мафии, —

объясняет Валачи. — Они думают, что мафиози продаст им свой бизнес, подождет с полгодика, а потом заберет все «точки» назад. Конечно, такое случается. Я пытался растолковать им, что я в беде, и со мной у них никаких трудностей не будет, да без толку».

После одной отсрочки суд над Валачи был назначен на февраль 1960 года. Налицо были признаки, что, по его собственному выражению, он получит «море времени». Валачи отказался от идеи бежать в Бразилию, так до конца и не обдуманной. Вместо этого он решил пересечь канадскую границу. До суда оставалось всего несколько дней, а Валачи еще требовалось проработать все детали своего нового плана. Он попытался добиться новой отсрочки. Когда это не удалось, Валачи согласился признать себя виновным, если ему дадут месяц на «устройство личных дел». Такая льгота была обещана. После этого он встретился с Винсентом Мауро и Фрэнком Карузо (Фрэнк Жук), еще одним солдатом из «семьи» Дженовезе. «Я сообщил ребятам о своем намерении соскочить, — вспоминает Валачи, — и они сказали, что у них есть приятель, который мне поможет. Вот так я и познакомился с Альбертом Агуечи. Я встретился с ним в баре Мэгги на Лексингтон-авеню, в районе Пятидесятых улиц [27]. Туда же пришел и Мауро, который представил меня Альберту. Агуечи живет в Торонто, но он работает со Стивом Магаддино, потому что «семья» Стива крутит кое-какие дела в Торонто и Монреале. Агуечи назвал мне такую-то дату, когда я должен приехать в Буффало и зарегистрироваться в отеле «Шатлер-Хилтон».

Потом Валачи совершил поступок, воспоминания о котором терзают его до сих пор. Опасаясь, что после побега поручитель судебного залога пустит с молотка дом Валачи в Йонкерсе, Валачи, особенно не раздумывая, продал его с большим убытком за наличные. «Я тогда был как в тумане, ничего не соображал, — вспоминает Валачи. — Я старался держать семью, свою настоящую семью, подальше от дел, которыми занимался, и вот случилось так, что она все-таки из-за меня пострадала». На вырученные деньги он купил для своей семьи другой дом в Бронксе, но он не шел ни в какое сравнение с прежним.

Сделав это, Валачи дал своему верному работнику Сэлли тысячу долларов, попросив не забывать менять пластинки в музыкальных автоматах, и уехал на поезде в Буффало. Он провел в номере отеля полтора дня, прежде чем пришел Агуечи. Он сообщил Валачи, что все удалось устроить, и «местные ребята», часто пересекающие границу, возьмут его с собой. Агуечи проинструктировал Валачи, что если у пограничников возникнут к нему вопросы, сказать им, что он живет в Буффало и едет в

Канаду «повеселиться».

Валачи пересек границу без приключений и, проехав несколько миль, пересел в ехавшую позади машину Агуечи. Они остановились на ночь в мотеле, и на следующий день приехали в Торонто. Сначала Агуечи отвез Валачи к себе домой, познакомил с женой и детьми, а также со своим братом Вито, который тоже был «солдатом» «Коза ностры». Потом они поехали в итальянскую семью, где Валачи предстояло жить. Его жилище имело отдельный вход с улицы и состояло из кухни и «гостиной», куда была поставлена раскладушка. После обеда Валачи пошел в соседний магазин и купил там продуктов, а также кое-какие кухонные принадлежности. Он забыл взять с собой в Торонто телевизор, поэтому решил прогуляться по центральной части города. Валачи к своему удовольствию обнаружил, что она напоминает район Бродвея. Он посетил бурлеск-шоу и вернулся домой довольно поздно.

Там его поджидал Агуечи. Выяснилось, что ему весь вечер названивали из Нью-Йорка, передавая сообщения для Валачи. Очередной звонок ожидался в два часа ночи. На этот раз позвонил сам Тони Бендер. «Возвращайся, — сказал он Валачи. — Насчет тебя все улажено. Получишь всего пять лет».

Приговор должны были объявить на следующий день, и Валачи следовало присутствовать в суде. По телефону он сказал Бендеру, что подумает, но, прежде чем отправиться спать, сообщил Агуечи, что не собирается возвращаться. Прошло менее часа, и Агуечи вернулся. «Я ничего не могу поделать, — сказал он. — Утром тебе придется вылететь в Нью-Йорк. Легавые из Бюро слишком сильно на нас наседают».

Агуечи сообщил Валачи, что из аэропорта он должен ехать прямиком в дом поручителя. Валачи так и сделал. Там его встретил двоюродный брат поручителя. От него Валачи узнал, что поручитель находится в суде, но позвонит ему сюда. Валачи дождался звонка, и поручитель велел им немедленно ехать в суд на машине двоюродного брата. По дороге, когда они остановились у светофора на одном из перекрестков, Валачи внезапно выскочил из автомобиля, поймал такси и отправился в Бронкс. «Не хотел я ехать в этот суд, вот и все», — объясняет он.

Примерно месяц Валачи переезжал с места на место в Бронксе и Нью-Джерси («Люди, у которых я останавливался, были просто моими друзьями, а не членами мафии, поэтому я не хочу называть их имена»), пока вдруг не обнаружил, что у него возникли большие проблемы с руководством «Коза ностры» в связи с отказом от пятилетнего срока. Он позвонил Бендеру. Тот настаивал, чтобы Валачи согласился на пять лет: «Все уже

улажено. И это будет стоить тебе всего пять тысяч».

В конце концов, Валачи сдался. Он вспоминает, что, войдя в зал суда, сразу почувствовал, что атмосфера там «какая-то не такая». И оказался прав. Если ранее в отношении него какая-то договоренность и существовала, то, видимо, к тому моменту она уже потеряла силу. Дело грозило кончиться тем, что ему дадут пятнадцать лет. «Естественно, — рассказывает Валачи, — первым делом я подумал об апелляции» [28]. Объявление приговора было отложено на две недели. Все это время его непрерывно допрашивали сотрудники Бюро по борьбе с наркотиками. Валачи признается, что предпринял последние отчаянные попытки добиться смягчения приговора. Он выдал Бюро некоторые детали, касающиеся торговли героином, не сообщив, однако, никакой информации о «Коза ностре» или отдельных ее членах. В результате его показаний Ральф Вагнер, который вдруг сам решил бежать, воспользовавшись освобождением под залог, был вновь арестован и осужден на срок от восьми до двенадцати лет. Их обоих затем отправили в федеральную тюрьму Атланты.

По словам Валачи, в Атланте сидело примерно девяносто членов «Коза ностры». Об их присутствии ощутимо свидетельствовал тот факт, что, наряду с обычными площадками для бейсбола, ручного мяча и баскетбола, значительная часть внутреннего двора тюрьмы была отведена для итальянской игры «боччи» [29]. Дженовезе был абсолютным повелителем в этой маленькой империи, существовавшей внутри тюрьмы. Он являлся арбитром всех споров и распределителем всех благ. Никто не смел обращаться к Дженовезе без полученного заранее разрешения, а после разговора заключенные отходили от него, почтительно пятясь. Так как он соизволял выходить из камеры всего лишь два вечера в неделю, записываться на разговор с ним следовало задолго до самой беседы. Делалось это через специальных посредников.

Первой проблемой, с которой Валачи столкнулся сразу же по прибытии в Атланту, было неожиданно холодное отношение к нему со стороны Дженовезе. Особенно его беспокоило то, что в этом плане на Вито ориентируются и остальные заключенные мафиози. Наконец, Валачи удалось добиться встречи с боссом. К своему огромному удивлению он обнаружил, что Дженовезе считает его «человеком Тони». Валачи знал, что Бендер был понижен — находясь в тюрьме. Дженовезе поручил руководство «семьей» Томасу Эболи (Томми Райан) и Джерардо (Джерри Катена) — но он никогда не подозревал, какой большой зуб на Тони имеет его босс. Валачи использовал представившийся шанс сказать пару удачно выбранных слов в адрес своего «лейтенанта».

«Да я в Атланту попал только из-за Тони, — почти закричал он. — Тони пообещал, что я получу только пять лет, если сдамся. А мне дали пятнадцать».

В последующие недели Дженовезе продолжал расспрашивать Валачи о Бендере. («Вито никогда ничего не говорит прямо, сразу трудно понять, что он имеет в виду»). Постепенно до него стало доходить, что Дженовезе подозревает Бендера в совершении за его спиной нескольких сделок с наркотиками, доходами от которых Тони, по идее, должен был поделиться со своим боссом. Примерно через три месяца догадки Валачи нашли свое подтверждение, когда Дженовезе не мог скрыть своего гнева по поводу любимчика Бендера Винсента Мауро, которого взяли на крупной операции по продаже героина.

Валачи, по-видимому, удалось убедить Дженовезе, что он не имеет отношения к делишкам Бендера, и у него, наконец появилась возможность со спокойной душой предаться рутине тюремной жизни. Его назначили постоянным дежурным по столовой, что означало ежедневный подъем в пять часов утра. Так как Валачи страдает легкой формой диабета и, теоретически, подвержен приступам слабости, ему удалось добиться перевода на работу в более благоприятную среду — в парниковое хозяйство. В августе 1961 года Валачи внезапно увезли из Атланты в Нью-Йорк, на еще один процесс по делу о наркотиках. Именно тогда, как утверждает Валачи, его «подставили», что и привело затем к «беде». Среди однодельцев Валачи были все те, кто помог ему бежать в Канаду: Винсент Мауро, Фрэнк Карузо, Альберт и Вито Агуечи.

Из них только братья Агуечи попали в тюрьму на Вест-стрит, Мауро и Карузо удалось скрыться. Валачи рассказывает, что Вито ему сразу не понравился, зато с Альбертом сложились хорошие отношения.

Первыми словами Альберта были: «Джо, мне жаль, что тебя впутали в это дело». Да, плохо, что он попался. Я старался как-то помочь ему, но некоторые люди просто не могут вынести заключения. Мне сразу стало ясно, что Альберт Агуечи долго не протянет. Он только и говорил о том, что его выпустят под залог и как его жена собирает деньги для этого дела, и что он собирается сделать, если Магаддино не выручит из тюрьмы его брата. Альберт имел в виду, что он всем расскажет об участии Стива, его босса, в сделке, на которой их повязали. Это, кстати, было правдой.

Я спросил Альберта, сколько ему лет.

— Тридцать восемь, — отвечает он.

— Хочешь совет? — говорю я. — Ты слишком многое передаешь на волю. Возьми меня, например. Когда меня арестовали в первый раз, я никому не звонил, не передавал никаких записок. Я нашел поручителя и дал ему залог. Все так делают. А ты шлешь письма и не получаешь никакого ответа. Эти твои записочки до добра не доведут. Ты должен быть рад до смерти, что к тебе хоть адвоката прислали.

Но Альберт меня не слушал, говорил, что ему плевать. Его все-таки выпустили под залог после того, как жена продала дом и внесла пятнадцать тысяч. Ну и что? Не прошло и двух недель, как мы по радио узнали, что Альберта нашли в каком-то поле всего обожженного. С трупа сняли отпечаток пальца, только так и опознали.

Когда убили Альберта, сумму залога для его брата подняли до пятидесяти тысяч. Только это уже не играло никакой роли. — Последнее, что тогда хотел бы Вито Агуечи, так это оказаться на воле.

(После освобождения Альберта Агуечи под залог ФБР перехватило в Буффало телефонный разговор двух «лейтенантов» из «семьи» Магаддино, который, к сожалению, не мог фигурировать в качестве доказательства в суде. «Лейтенанты» обсуждали, как Агуечи ходил к Магаддино и угрожал ему. Потом они начали хихикать над перспективой «подрезать» Агуечи и говорили о том, что лучше всего было бы «заняться» им на «ферме Мэри». ФБР посчитало, что эта ферма находится где-то в окрестностях Буффало, и сконцентрировало свои поиски там. На самом же деле она была расположена под Рочестером, в штате Нью-Йорк, где 23 ноября 1961 года и нашли труп Агуечи, лежащим в поле. Его руки были связаны за спиной куском белья, потом облили бензином и подожгли. Вскрытие показало, что когда Агуечи был еще жив, с его тела срезали около тридцати фунтов мяса).

Суд все-таки начался без Мауро и Карузо, которые по-прежнему находились в бегах. «Это сделало меня, — отмечает Валачи, — самым важным парнем на скамье подсудимых». Он признал знакомство с главным свидетелем, «рабочим» Мауро по имени Сальваторе Ринальдо. Валачи не стал оспаривать вину других лиц, проходивших по делу, но он настаивал, что сам к нему не имеет никакого отношения. «Этот Ринальдо, — утверждает Валачи, — специально подтасовал все даты, чтобы я вписался в схему его показаний». В течение всего процесса, однако, Валачи в основном молчал, и в феврале 1962 года был

признан виновным вместе с одиннадцатью другими подсудимыми. Валачи получил двадцать лет лишения свободы, которые он должен был начать отсиживать одновременно с остатком уже имевшегося срока.

Через три недели Валачи отвезли назад в Атланту. По дороге туда он думал над тем, как ему вести себя с Дженовезе. «Я знал, конечно, — поясняет Валачи, — что Вито считает Тони Бендера участником этой сделки и опять чувствует себя обделенным. А это означало, что я снова влип». Он пробыл в тюрьме всего три дня, пока его снова не забрали в Нью-Йорк для участия в том, что, по словам Валачи, стало первым выстрелом в войне нервов, начатой Бюро с мафией. Во время его краткого пребывания в Атланте Дженовезе так и не вышел из своей камеры. Валачи поэтому не удалось встретиться с боссом, но перед своим отъездом он получил зловещую записку, в которой выражалась «надежда», что они «еще увидятся». Было еще одно обстоятельство, которое наводило Валачи на размышления. Ральфа Вагнера переместили в камеру Дженовезе. «Я не знаю, чья это идея, Ральфа или Вито, — говорит Валачи. — Да это и неважно, без соизволения Вито этого бы все равно не произошло. Что Ральф мог рассказать Дженовезе, сидя с ним в одной камере? Только то, что, по его указанию, старик хотел бы услышать».

В Нью-Йорке, по словам Валачи, сотрудники Бюро по борьбе с наркотиками снова начали его интенсивно допрашивать. Он не «сломался» и отказался говорить, несмотря на угрозы следователей «пришить» ему еще одно дело по обвинению в торговле героином. Во время допроса Валачи узнал ошеломившую его новость. Ему сообщили, что Тони Бендер убит, и он является следующим в списке Дженовезе.

(Энтони Стролло, он же Тони Бендер, исчез 8 апреля 1962 года. По показаниям миссис Тролло, последними ее словами к мужу были: «Тебе лучше надеть пальто, сегодня холодно». На что он ответил: «Я вернусь через несколько минут. К тому же на мне теплые кальсоны». Больше Бендера не видели. Супруга заявила, что не могла понять причину его загадочного исчезновения. Она настаивает, что Бедер «был добрым человеком и не имел врагов; его все очень любили»).

Через несколько дней Валачи услышал по радио, что Бендер действительно исчез, и его, как считают в полиции, уже нет в живых. В указанном сообщении Валачи усмотрел свою собственную судьбу, но никому в этом не признался. Наоборот, он исполнился ненависти к Бюро, так как хотел бороться за свое будущее без чьей-либо помощи или подсказки. «Я не хотел, чтобы они, легавые то есть, радовались, как они все правильно

рассчитали, когда сообщили мне о смерти Тони».

Но тут появился новый момент. Валачи сообщили, что его собираются вернуть в тюрьму Атланты. Одновременно выяснилось, что у него будет попутчик — Вито Агуечи. Сначала Валачи не мог взять в толк, как все это следовало понимать. Будучи в тюрьме на улице Вест-стрит, ему доводилось слышать, что Агуечи, вместо того, чтобы быть отправленным в федеральную тюрьму, оказался в вестчерской окружной тюрьме, где, по выражению Валачи, «держат всех сук». Как бы в подтверждение имевшихся у него подозрений, Агуечи по пути в Атланту вел себя исключительно нервно. «Он постоянно спрашивал, — вспоминает Валачи, — что о нем думают все остальные».

Но в Атланте Агуечи поместили в обычный тридцатидневный карантин для новоприбывших, и Валачи забыл о нем. Его больше занимал Дженовезе. Босс, к удивлению Валачи, встретил его очень сердечно и даже предложил переселиться в свою камеру [30]. «Конечно, мне следовало знать о всех этих штучках, — рассказывает Валачи, — но я подумал, что если Вито будет за мной приглядывать, у меня появится точно такая же возможность приглядывать за ним. Поэтому я, конечно, высказался в том смысле, что если вы хотите жить со мной в одной камере, то я не прочь переселиться. Да и как я мог ему отказать?»

В рассчитанной на восемь человек камере жило шесть заключенных. «Помимо меня и Вито, — вспоминает Валачи, — там сидел, естественно, Ральф Вагнер, еще один парень — он не был нашим, но дружил с Ральфом; кроме того в камере жил один калека по имени Анджело (через него Вито общался с остальными заключенными в тюрьме) и китаец, который ни хрена не понимал, что вокруг происходит». В это время пришло тревожное известие: Винсент Мауро и Фрэнк Карузо были арестованы в Испании и привезены в Нью-Йорк, как раз перед отъездом оттуда Валачи [31].

— Что рассказывали ребята, которые проходили по делу вместе с тобой? — как-то спросил Дженовезе у Валачи.

— Неужели вы думаете, что они стали бы мне что-нибудь рассказывать, зная, что я после суда попаду к вам? Если вам интересно, что я думаю, а не то, что мне рассказали…

— Нет, — раздраженно прервал его Дженовезе. — Мне не интересно, что ты думаешь. Мне интересно, что ты знаешь.

Помолчав, он продолжил:

— Им известно, что случилось с Тони?

— Конечно, известно. Все в Вест-Стрите знают о Тони, — ответил Валачи.

— Ну и как они к этому отнеслись?

— Не очень хорошо, это уж точно.

— Что ж, — сказал Дженовезе равнодушно, — это лучшее, что могло случиться с Тони. У него, в отличие от нас с тобой, не хватило бы мужества сесть за решетку.

Валачи подумал, что Дженовезе собирается рассказать ему о том, что Тони был стукачом. Но он внезапно прервал разговор:

— Забудем об этом, — сказал Дженовезе. — Давай-ка лучше спать.

В середине мая Вито Агуечи вышел из карантина и, по словам Валачи, стал проявлять большую активность в тюремном дворе. Сначала Валачи заметил его вместе с Джоном Диогарди (Джонни Дио), сидевшим в Атланте за уклонение от уплаты налогов. Затем он увидел Агуечи трущимся около Джозефа ди Палермо (Джо Бек), которого посадили по тому же делу, что и Дженовезе. Наконец, от своих соседей Валачи узнал, что Агуечи имел продолжительную беседу с самим Дженовезе. «Конечно, мне хотелось разобраться, что происходит, — говорит Валачи. — Но я подумал и решил делать вид, что мне все это безразлично».

С его точки зрения, Агуечи, боясь прослыть стукачом, сказал Дженовезе, что Валачи не только занимался героином втайне от своего босса, но и стал сотрудничать с Бюро по борьбе с наркотиками. По мнению Валачи, Бюро как раз и рассчитывало на такой ход событий. Однако это ведомство, признавая, что Агуечи начал работать в качестве его информатора, утверждает, что это случилось на два года позже описываемых Валачи событий.

Как бы то ни было, Дженовезе стал все больше и больше отдаляться от Валачи. Другие члены «Коза ностры» тоже начали его сторониться. В один прекрасный день Валачи обнаружил, что оказался совершенно изолированным в той части столовой, где сидели нью-йоркцы. «Надвигалось что-то серьезное, и я это чувствовал, — вспоминает Валачи. — Было похоже, что они хотят, чтобы я сорвался, но я не позволял этому случиться. Я подошел к Вито и спросил, почему он позволяет обращаться со мной, как с собакой. Дженовезе сказал, что он все уладит, но так ничего и не сделал. Ведь он сам за всем этим стоял».

Однажды после окончания рабочего дня ди Палермо предложил Валачи сэндвич с бифштексом, якобы вынесенным из тюремной кухни. «Джо Бек со мной в последнее время даже не разговаривал, — рассказывает Валачи, — и вот теперь вдруг предлагает мне сэндвич. Конечно, я подумал, что они в него чего-нибудь подложили, и этот сэндвич выбросил». Опасаясь быть отравленным, Валачи начал есть пищу в фабричной упаковке, которую покупал в тюремном ларьке. Он также стал избегать ходить в душевую — излюбленное место для расправы над

неугодными заключенными. «Не успел я опомниться, как ко мне обратился Джонни Дио. Он работал тогда в душевой, выдавал всем чистое белье. Джонни сказал, что у меня, видно, много работы, раз я пропустил два банных дня подряд. Он предложил прийти завтра, сказал, что будет там и выдаст мне белье. Ну, мол, иначе я буду ходить грязным до самой субботы, когда у нас банный день (разговор был во вторник). Я обещал прийти, но, конечно, не пришел».

Несколько вечеров спустя Дженовезе прочитал Валачи короткую проповедь насчет того, что необходимо выбросить из бочки гнилое яблоко, пока из-за него не испортились остальные. После этого он торжественно поцеловал Валачи. «Поцелуй смерти», как его предупредил тогда Ральф Вагнер.

(Вагнер поступил бы, пожалуй, умнее, если бы воздержался от комментариев. Он получил условное освобождение и покинул Атланту в октябре 1967 года. Через две недели Вагнер исчез. В последний раз его видели в одном из манхэттэнских баров в 4 часа утра 19 октября. Он сказал своим собутыльникам, что едет на какое-то важное совещание в Бронксе. Позже пустой автомобиль Вагнера был обнаружен на пересечении Бродвея и 72-й улицы).

После этого уже никто не притворялся. Следующим вечером, когда Валачи проходил мимо площадки для игры в «боччи», Вито Агуечи, игравший поблизости на скамейке в карты, разразился в его адрес потоком итальянских ругательств. «Я уж и не помню, что он там орал, — рассказывает Валачи, — да и какая разница? Обычные вещи — что я, мол, сука вонючая, крыса, ну и так далее. Я глянул на него и увидел рядом с ним целую толпу ребят. Если бы я прыгнул на Агуечи, эти козлы окружили бы меня со своими ножичками, и Джо Каго была бы хана. Так что я сделал вид, что ничего не слышу, и пошел себе дальше».

По словам Валачи, даже Дженовезе не мог скрыть удивления, когда он вернулся в камеру живым. Они ничего не сказали друг другу. Валачи всю ночь пролежал на своем топчане, не сомкнув глаз. Утром он попросился в одиночку. «Идя на это, я сам себе подписывал смертный приговор. Это все равно что на воле самому сдаться в полицию. Но какая разница? Если эта кодла возьмет меня в кольцо, мне все равно крышка. Сколько я еще мог продержаться и не подпускать к себе ребят Вито?»

В одиночке Валачи объявил голодовку. Он предпринял безуспешные попытки добиться встречи с Джорджем Гэффни, возглавлявшим в то время нью-йоркское отделение Бюро по борьбе с наркотиками. Но даже тогда у Валачи не было намерения начать давать показания. «Я просто хотел затеять с

ним канитель, чтобы выбраться из тюрьмы в Атланте», — объясняет он. Последняя надежда Валачи рухнула, когда тюремная администрация вернула письмо, посредством которого он надеялся через свою жену заручиться помощью Томаса Люччезе. С этого момента Валачи решил, что если ему суждено умереть, он прихватит с собой на тот свет хотя бы еще кого-нибудь. Но Валачи не собирался нападать на Дженовезе. «Я хотел, чтобы Вито остался жить, — вспоминает он. — Я хотел, чтобы когда-нибудь наступил день, когда ему придется ответить за то, как он обращается со своими людьми».

22 июня 1962 года Валачи приказали вернуться в общую зону, так как он не мог дать удовлетворительного объяснения причин, побудивших его просить одиночного заключения. Валачи передвигался по тюремному двору, как заводная кукла. «Вы можете представить, как я себя чувствовал, — говорит он. — Я не понимал, куда я иду и откуда». Когда Валачи увидел за трибуной на бейсбольной площадке троих притаившихся и, очевидно, поджидавших его заключенных, он начал пятиться, пока не заметил лежащий на земле кусок металлической трубы. В этот момент рядом оказался еще один человек, который, как показалось Валачи, был ди Палермо. Накопившиеся в Валачи страх и отчаяние, наконец, вырвались наружу. Ди Палермо был одним из главных его мучителей. Как раз перед уходом Валачи в одиночку ди Палермо спросил его: «Ну, и какие теперь у тебя отношения с нашим стариком?»

Валачи схватил трубу и убил проходившего мимо совершенно постороннего человека.

Глава 13

С тех пор как Валачи порвал с «Коза нострой», умерли два члена правящего совета — Томас Люччезе (Трехпалый Браун) и Джозеф Профачи. Они скончались от естественных причин. Обычно правящий совет, или «комиссионе», состоит из 9-12 боссов «семей». На момент написания этой книги, по оценкам Министерства юстиции, ими являются: Вито Дженовезе, находящийся в левенвортской тюрьме (он по-прежнему внушает такой страх, что никто не решается заменить его на посту босса); Карло Гамбино, Джозеф Бонанно (Джо Банан) и Джозеф Коломбо, преемник Профачи — все трое из Нью-Йорка; Джон Скэлиш из Кливленда; Джозеф Зерилли из Детройта; Сальваторе (Сэм) Джианкана из Чикаго; Стефано Магаддино из Буффало; Анджело Бруно из Филадельфии; Карло Марчелло из Нового Орлеана — столь же могущественный, как и любой другой босс в совете, и присутствующий время от времени на его совещаниях, он предпочитает, похоже, лишь выполнять уже готовые решения. Рэймонд Патриарха, который до недавнего времени также являлся членом совета, полностью лишился своего авторитета, позволив себя арестовать и осудить по делу об убийстве.

В самое ближайшее время в составе «комиссионе» произойдут неминуемые изменения. Магаддино семьдесят пять лет; Гамбино каждый раз оправдывает свои неявки в зал суда сердечными приступами. Это продолжается так долго, что, говорят, он и сам начал беспокоиться по этому поводу. Джозеф Зерилли, которому нравится считать себя опорой населения привилегированного детройтского района Грос-пойнт, также становится слишком стар. Джианкана из Чикаго затравлен ФБР до такой степени, что его эффективность в роли босса «семьи» в настоящее время практически равна нулю.

Кроме этих, в общем-то нормальных, перемен, вызванных естественными причинами, а также действиями правоохранительных органов, в «Коза ностре» отмечаются и более неожиданные изменения. Даже после того, как Дженовезе отправился за решетку, никто не спешил оспаривать его лидирующую роль в мафии из опасений, что он мог добиться пересмотра своего приговора по делу о наркотиках.

(Его попытки сделать это не увенчались успехом. Дженовезе выйдет на свободу не раньше, чем б февраля 1970 года, и сразу же ему будет предъявлено решение о депортации. Это не значит, что он обязательно уедет из страны. Пол де Лючия, он же Пол Рикка, он же Официант, заменил Фрэнка Нитти и пробыл какое-

то время на посту босса старой «семьи» Каноне. Решение о депортации было ему объявлено в 1957 году, но он до сих пор в Штатах и борется за его отмену. У Дженовезе, однако, возникнут неизмеримо более серьезные проблемы с самой «Коза нострой». Ведь это в его «семье» оказался человек, который публично заговорил о делах мафии и окончательно подтвердил существование в стране преступного картеля. Откровения Валачи не только сфокусировали внимание общественности на «Коза ностре», но и подстегнули общенациональную кампанию по борьбе с преступностью, которая направлена против мафии; она продолжается по сей день. Положение Дженовезе осложняется тем, что его необоснованные обвинения в стукачестве, направленные против Валачи, и подтолкнули последнего к раскрытию правды о мафии. Теперь Дженовезе все это предстоит объяснить своим коллегам-боссам из правящего совета).

Когда стало очевидным, что Дженовезе не выпустят раньше срока, Джозеф Бонанно решил пойти по его стопам. Он уже вышел за пределы своей бруклинской базы и, укрепив свои позиции в Фениксе, штат Аризона, начал претендовать на порядочную часть юго-западных районов США. Потом он решил пойти ва-банк и отдал распоряжение убрать по крайней мере троих боссов: Фрэнка де Симоне из Лос-Анджелеса, уважаемого всеми Магаддино из Буффало и его бруклинского коллегу Карло Гамбино. Правящий совет проходил уже через все это с Дженовезе, поэтому его ответная реакция последовала незамедлительно. Сразу после полуночи 15 октября 1964 года Бонанно был похищен под дулом пистолета с одной из манхэттэнских улиц двумя членами «семьи» Магаддино. Бонанно, однако, удалось откупиться: он пообещал за свою свободу целый пакет имевшихся у него рэкетов, отставку с поста босса и уход на мирную пенсионную жизнь в Фениксе. Два года о Бонанно ничего не было слышно, затем он вернулся и возобновил борьбу. В настоящее время он пытается отвоевать интересы Магаддино в Канаде. К великому сожалению «Коза ностры», его имя регулярно появляется в заголовках нью-йоркских газет: Магаддино усеивает улицы города трупами, пытаясь подавить бунт в своей собственной «семье», начатый теми ее членами, которые решили, что Бонанно и впрямь ушел в отставку.

Вообще-то известность такого рода несовместима с деятельностью нынешней «Коза ностры». Мафия склонна теперь заниматься более солидными делами и рассматривает подобные эксцессы как нежелательные отголоски из своего прошлого. Нельзя, конечно, это понимать так, что молодое поколение, сдерживаемое цепляющимися за власть стариками, не

предпримет каких-нибудь резких шагов. Или что оно не будет подражать повадкам своих предшественников. Представители филадельфийской «семьи» Анджело Бруно практически разорили город Ридинг, называемый его жителями «столицей соленых крендельков» и расположенный в живописном центре штата Пенсильвания. Большинство членов муниципалитета, начиная с мэра и ниже, было коррумпированно мафией и действовало в сговоре с лидером местного преступного мира. Результатом этого стало сооружение мощнейшего со времен «сухого закона» подпольного цеха по производству виски, который был подключен к городской системе водоснабжения; открытие самого большого количества публичных домов на всем восточном побережье и создание крупнейшего игорного притона к востоку от Миссисипи, легко досягаемого на автомобиле как жителями Нью-Йорка, так и Филадельфии. Для города же ничего не делалось. Промышленные предприятия стали закрываться, центр выражаться слишком громко, на муниципальную сцену незамедлительно вышли так называемые «реформаторы», также полностью контролируемые мафией.

Работавшее в Ридинге подразделение Министерства юстиции обратило внимание на то, что единственным признаком прогресса в увядающем на глазах городе были новенькие счетчики на парковках. Выяснилось, что установившая их компания имеет богатый опыт получения муниципальных подрядов путем подкупа властей. Потянув за эту ниточку, следователям, наконец, удалось скинуть покрывало с того бардака, который творился в Ридинге, однако город так и не мог постоять за себя, пока не пришла помощь со стороны.

Коррупция муниципальных властей всегда была краеугольным камнем деятельности «Коза ностры». Самым свежим примером тому является Нью-Йорк. Антонио Коралло (Тони Дакс), «лейтенанту» из старой «семьи» Люччезе, специализирующемуся на профсоюзном и ростовщическом рэкете, удалось вонзить свои когти в одного из приближенных нью-йоркского мэра. Коралло выручил его наличностью после того, как тот запутался в своих махинациях на Уоллстрит. Мафии это открывало путь к неисчерпаемому кладезю спекулятивных контрактов по благоустройству города и сомнительных сделок с недвижимостью. Однако осуществление планов «Коза ностры» фактически даже и не успело начаться — одна из ролей во всем этом деле была отведена человеку, оказавшемуся информатором ФБР. Сколько в США есть еще городов, где творятся такие же вещи, но где не оказалось осведомителей, сказать трудно.

Виды рэкета, которыми теперь занимается «Коза ностра», не

являются поводом для газетных сенсаций, зато они служат надежным источником доходов. В результате деятельности Бюро по борьбе с наркотиками мафия несколько сдала свои позиции на рынке героина. Хотя «Коза ностра» по-прежнему контролирует основную часть импорта этого наркотика, она продолжает все больше уступать оптовую торговлю в США чернокожим и пуэрториканским преступникам. Мафия, однако, все так же получает огромные доходы от незаконного игорного бизнеса в «снятия сливок» — утаивания от налогообложения части прибыли заведений с большим оборотом наличных денег — «точек», где установлены торговые и музыкальные автоматы и лицензированных казино — наверное, самых доходных таких мест.

Современной тенденцией в «Коза ностре» является проникновение в легальный бизнес. Ее рычагом являются новые и более утонченные формы ростовщичества, уступающие по своей прибыльности только игорному рэкету. Жертвой ростовщического кредита по-прежнему оказываются те, кто, казалось бы, менее всего могут себе его позволить — люди небольшого достатка. Ростовщики ищут быстрой наживы и среди таких старых и надежных источников, как букмекеры и содержатели притонов.

Сегодня главная идея заключается в отмывании мафиозных денег. Сначала использовались довольно очевидные способы. Если кто-то брал кредит для приобретения концессии и не успевал вовремя выплачивать проценты, он попросту внезапно обнаруживал, что у него появился новый партнер по бизнесу. Вместо того, чтобы тратить время, выколачивая деньги из владельца салуна, не выполняющего финансовых обязательств перед мафией, его вынуждали разместить в своем заведении принадлежащие «Коза ностре» музыкальные и торговые автоматы. В наше время границы преступной деятельности значительно расширились. Все средства хороши в эпоху стремительного развития экономики, прерываемого периодами острой нехватки средств, во время которых самый что ни на есть законопослушный бизнесмен может пойти на отчаянный шаг, чтобы достать деньги. Фирма на Уолл-стрит, специализирующаяся на операциях с ценными бумагами и застигнутая врасплох внезапным изменением конъюнктуры рынка. Строитель, попавшийся в ловушку кредиторов. Производитель одежды, не угадавший, что будет модным в текущем году. Давая деньги, «Коза ностра» чаще всего требует взамен право на участие в бизнесе.

Попав в действующую на законных основаниях фирму, мафиози обычно не отказываются от своих рэкетирских повадок.

Чтобы дела шли как надо, они применяют террористическую тактику для устранения конкуренции или заключения выгодных трудовых договоров с помощью купленных ими профсоюзных лидеров. Иногда мафия решает попросту ограбить попавшую ей в лапы компанию. Классическим примером тому может служить история с участием Джозефа Пагано, старинного протеже Валачи. Администрация крупной нью-йоркской фирмы, занимавшейся оптовой торговлей мясной продукцией, имела неосторожность взять кредит у «Коза ностры». Под предлогом обеспечения возврата полученных средств фирму попросили назначить Пагано на должность ее нового президента. Как только это случилось, коллеги Пагано по мафии принялись за работу. В течение десяти дней они заработали 1300000 долларов, закупая по кредиту огромные партии мяса и птицы и тут же продавая их за наличные по ценам ниже рыночных. Когда все было кончено, мафия с полной беспечностью отдала распоряжение запуганной насмерть администрации объявить свою фирму банкротом.

Хотя «Коза ностра» любит оставаться в тени (и ей это часто удается), ее деятельность затрагивает каждого, независимо от того, догадывается он об этом или нет. Когда мафии удается монополизировать какую-то отрасль или проникнуть в порт, фирму, занимающуюся автоперевозками, в такой крупный грузотранспортный центр, как международный аэропорт Кеннеди, в городские службы (отвечающие, например, за уборку мусора), неизбежно происходит одно: стоимость услуг повышается и первыми от этого страдают простые граждане. Но больше всего за деятельность мафии приходится расплачиваться профсоюзам, когда рэкетиры вынуждают их лидеров подписывать невыгодные контракты или, как это особенно ярко проявилось в истории с профсоюзом водителей грузового транспорта, используют пенсионные фонды для финансирования сомнительных строительных проектов.

«Коза ностра» наносит такой гигантский ущерб американской экономике, что, если бы мафия декларировала вдруг все свои незаконные доходы, страна могла бы позволить себе десятипроцентное снижение налогов (вместо такого же повышения) — и при этом выполнить все бюджетные обязательства. И нигде деятельность «Коза ностры» не сказывается так пагубно, как в нищих городских гетто, где люди играют в «лотерею» не забавы ради, а отчаянно пытаясь заработать себе на жизнь. Только в одном Нью-Йорке «лотерейный» рэкет приносит мафии примерно 250 миллионов долларов в год. Вся эта сумма выкачивается «Коза нострой» из трущоб, и лишь ничтожная ее часть возвращается назад в виде

выигрышей.

«Коза ностра» и сегодня остается преуспевающим концерном. Но кое-что в ней изменилось, и изменилось навсегда. Ее сила в значительной степени основывалась на неуловимой, таинственной природе мафии. Мистицизм секретности, продержавшийся столько лет, заставлял ее членов считать «Коза ностру» всемогущей организацией. Отдельные личности могли погибать, но мафия была неистребима, она всегда была рядом — реальная и молчаливая, как ночь. Благодаря Джозефу Валачи этот мистицизм был навсегда рассеян. С тех пор как он раскрыл секреты «Коза ностры» — и остался в живых, — впервые удалось разговорить и других мафиози, хотя их рассказы не могут сравниться с той информацией, которую предоставил Валачи.

(Самый свежий пример — Паскуале Калабрезе, «солдат» из «семьи» Магаддино, базирующейся в Буффало. Он переехал в другую часть страны, где и живет под вымышленным именем вместе со своей женой и детьми. Калабрезе подтвердил сведения о структуре «Коза ностры», полученные ранее от Валачи. Его информация, кроме того, привела к осуждению нескольких членов «семьи» Магаддино и срыву ряда ее операций).

Почему Валачи решился на свою исповедь? Об этом он написал мне в одном из своих писем:

Конечно, я бы не отказался начать свою жизнь заново. Да и кто бы отказался? Теперь я остался в этом мире совсем один. Вы ведь знаете, я не пишу своей жене и сыну, потому что они не хотят иметь со мной ничего общего. И я не могу их упрекать за это.

Во всем виноват Вито Дженовезе.

Он поверил тому, что обо мне рассказывали. Но когда Вито начал копать под меня, мне пришлось принять ответные меры. Все-таки он узнал, что в тюрьме не проходят вещи, которые он вытворял на воле. Все, что я делал в Атланте, — это защищал свою жизнь.

Я надеюсь, что американский народ выиграет, узнав правду о мафии. Погибни я в Атланте, и все так или иначе считали бы меня стукачом, хотя я ни в чем не был виноват. Так что же я потерял, начав говорить?

notes

Примечания

1

Покойный Сальваторе Лукания, также известный как Счастливчик Лючиано, один из создателей современной «Коза ностры».

2

В обиходе «Козы ностры» клички являются общепринятой нормой. Ныне покойный Люччезе получил свою в 1915 году, когда в результате несчастного случая потерял палец правой руки. В то время в США был популярен бейсболист, прозванный болельщиками Трехпалым Брауном.

3

В отличие от стрелков на вышках по периметру тюрьмы охранники, находящиеся в пределах досягаемости заключенных, не вооружены, так как их оружие может быть захвачено силой.

4

Можно возразить, что «Коза ностра» (в переводе с итальянского «наше дело») не имя собственное, а общее понятие. В США используются и другие названия. Например, несмотря на структурную идентичность «семей» в Нью-Йорке и Буффало, в последнем распространен термин «рука». В принципе этот вопрос носит чисто академический характер, поскольку суть остается неизменной.

5

Общепринятый блатной термин, обозначающий убийство заранее намеченной жертвы.

6

Две мичиганские зимы самым неблагоприятным образом сказались на здоровье Валачи, и в июле 1968 года он был переведен в федеральную тюрьму в местечке Ла-Туна (штат Техас) вблизи границы: со штатом Нью-Мексико.

7

В определенном смысле суд над Персико был одновременно и судом над Валачи. Его показания относительно причастности Персико к похищению 50000 долларов продолжались в течение 15 минут, в то время как целая вереница адвокатов потом в течение нескольких дней пыталась поставить под сомнение его компетентность в качестве свидетеля. Когда такая тактика потеряла всякий смысл, они продолжали терзать Валачи в попытке поймать его на противоречиях относительно его собственного прошлого, чтобы скомпрометировать его способность воспроизвести столь давние события. Затем они постарались доказать, что показания были вложены в его уста Министерством юстиции. После провала и этой затеи его пытались представить алкоголиком и растлителем малолетних, но и это было обречено на провал. Суду присяжных потребовалось всего пять часов, чтобы признать Персико и его подельщиков виновными. В настоящее время по этому делу подана апелляция.

8

В начале 20-х годов, когда на улицах ночью оставалось немного автомобилей, Валачи редко использовал краденые. Полиция могла запросто остановить любого водителя его возраста для проверки документов.

9

Луис (Лепке) Бухальтер, Джейкоб (Гурра) Шапиро и Джейкоб (Малыш Ауджи) Орген принадлежали к наиболее зловещим представителям еврейской мафии того времени.

10

Воллеро был членом «каморры» — неаполитанского варианта сицилийской «мафии». Состоявшийся в 1918 году суд над ним стал сенсацией того времени. Во время процесса выяснилось, что в его банде существовал традиционный тост: «За здоровье неаполитанцев, за смерть и падение сицилийцев!».

11

Слово «рэкет» применяется к целому ряду видов криминальной деятельности, объединенных общим понятием вымогательства того или иного рода. Его происхождение не совсем понятно. Согласно наиболее популярной теории, оно берет начало от вечеринок, устраиваемых в Нью-Йорке в конце 19 века по инициативе местных политических организаций. На английском языке одним из значений этого слова является «попойка, гулянка», а эти мероприятия как раз отличались буйным характером. Вскоре местные преступные группы стали проводить свои собственные «рэкеты», вынуждая коммерсантов покупать на них входные билеты. В случае отказа коммерсантов ждали неприятности.

12

Когда Валачи был ребенком, он выделялся в своем окружении тем, что умел мастерить самокаты из деревянных тарных дощечек. За это он получил прозвище Джо Карго, которое впоследствии в его уголовной карьере было преобразовано в Каго.

13

Похороны Катания были самыми пышными из всех, какие проходили в Бронксе до этого и, возможно, после. Его гроб из чистой бронзы стоил 15 тысяч долларов. Согласно одному из отчетов, это был самый прекрасный гроб, когда-либо предназначавшийся для преступника в Нью-Йорке. Пять бюро похоронных услуг участвовали в ритуале. Более 10 тысяч человек оказались созерцателями процессии. Сорок автомашин потребовалось только для перевозки цветов. Наиболее впечатляющее убранство из цветов принадлежало Чиро Терранова и самым близким соратникам: оно было тринадцати футов в высоту, сложено из красных и белых роз, а также имело надпись «Нашему другу».

14

Воллеро, согласно документам тюрьмы Синг-Синг, был освобожден 28 апреля 1933 года.

15

«Шестерка» также традиционно получал долю от выигрышей одного из своих клиентов. Если игрок, например, выигрывал 600 долларов при ставке в один доллар, то «шестерка» забирал 100 долларов себе.

16

Валачи имеет в виду Отто Бермана (Аббадабба), математического гения, которого Шульц использовал для организации так называемых контрактов на контролируемых мафией ипподромах. Берман, кроме того, путем манипуляций с тотализатором обеспечивал выигрыш наименьших ставок, сводя тем самым потери Шульца к минимуму.

17

21 августа 1934 года в Бруклине вооруженные бандиты, чьи лица были скрыты масками, остановили и ограбили вблизи завода «Рубел айс» инкассаторский броневик. Гангстерам удалось скрыться вместе с 427950 долларами. В то время это было рекордной суммой, похищенной преступниками за всю историю США.

18

Под предлогом того, что Шульц не мог рассчитывать на непредвзятое судебное разбирательство в Нью-Йорке, процесс состоялся в крошечном городке Мэлоун, находящемся на севере штата. Крупнейшей акцией Шульца по оказанию выгодного ему влияния на присяжных явилась раздача цветов и конфет детям в местной больнице.

19

Несколько лет назад мне пришлось писать о нем статью для одного журнала. Мы встретились с Костелло, даже пообедали вместе. Во время обеда к нему подошел лакей и подал вечернюю газету. На первой полосе была напечатана большая статья о Костелло. Я спросил, узнает ли он из таких статей что-нибудь новое о себе, или газетчики все время мусолят старые сплетни. «Знаете, — ответил он своим скрипучим голосом, который стал столь известен во время судебных слушаний по делу Кефаувера, — в это трудно поверить, но то, что я вам скажу, сущая правда, ей Богу. Я никогда не читаю материалов, где упоминается мое имя. Знаете, почему? У меня от этого случается расстройство желудка».

20

Ресторан Дьюка располагался в Клифсайд-Парке, штат Нью-Джерси. Он закрылся в 1950 году, а до этого был любимым местом сбора главарей «Коза ностры», которые переехали на жительство в пригороды Нью-Йорка. Среди них Вилли Моретти, Вито Дженовезе, Альберт Анастазия, Джо Адонис.

21

Никакого отношения к партнеру Валачи, Фрэнку Лючиано, не имеет.

22

Вероятно, Доминик Рейсан, проживавший в Марселе корсиканец. В соответствии с информацией Бюро по борьбе с наркотиками, он занимался импортом во Францию морфиновой основы для переработки в героин и его последующего распространения в США.

23

Тюрьма предварительного заключения на улице Вест-Стрит, 427, г. Нью-Йорк.

24

Квитанции казино, конечно, не были бы обнаружены, воздержись Костелло от посещения госпиталя. Во время интервью для одного из журналов я спросил Костелло, зачем он это сделал, если пуля всего лишь оцарапала его голову. «Ну, я пощупал рану и увидел, что вся моя рука в крови, — был ответ. — Я решил, что пуля осталась в голове».

25

Среди тех, кто был принят в мафию по рекомендации Валачи, оказались его племянник Фиоре Сиано, братья Валачи и Винсент Мауро. Мауро был его любимчиком. «Он часто приходил в бильярдную на углу 108-й улицы и Первой авеню, — вспоминает Валачи. — Мы все там собирались. Винсент показался мне приятным малым, тихим таким. Так что я подружился с Мауро и брал его с собой в центр города — в «Виллидж Инн» и «Голливуд». Тони Бендеру он тоже понравился. Как-то вечером Тони позвонил мне и сказал: «не пудри парню мозги». Но я все равно пытался образумить Винсента, говорил, что у нас паршивая обстановка и ему следует работать в какой-нибудь другой команде. Он меня не послушал, конечно. Винсент так ничего и не получил от Тони. Сейчас он отсиживает пятнадцать лет за наркоту».

26

Если «Коза ностра» что-нибудь и любит, так это хорошо покушать. Недавно в одном из манхэттэнских ресторанов я обратил внимание на значительное количество новых посетителей, которые не появлялись здесь раньше. Когда я указал на этот факт владельцу ресторана, он сказал: «О, у меня теперь работает их любимый шеф-повар. Он ушел было на пенсию, но теперь вот снова вернулся. Сразу появились и эти посетители, на днях у них здесь была большая вечеринка». Я поинтересовался, какие блюда они предпочитают, и владелец ответил: «Эти люди не делали заказа, а просто просили передать шефу, что они уже здесь, и чтобы еда поступала без перебоев до тех пор, пока ему не скажут, что хватит». Владелец ресторана был в восторге от своих новых и воспитанных клиентов. С оплатой счетов проблем не возникало: они платили новенькими стодолларовыми купюрами.

27

Этот бар находился в доме 715 на Лексингтон-авеню, рядом с 57-й улицей. Его уже не существует.

28

Валачи намеревался отказаться от сделанного им признания своей вины и, тем самым, добиться нового суда.

29

Я однажды посетил тюрьму в Атланте, работая над другой книгой. Я стоял на вышке, возвышающейся над площадкой для «боччи», когда находившийся рядом караульный показал на Дженовезе и произнес: «Ребятам очень трудно с ним играть». «Как так?» — удивился я. «Дело в том, — пояснил караульный, — что он очень плохо играет, и остальным приходится стараться изо всех сил, чтобы он смог выиграть».

30

В интересах поддержания нормальной психологической атмосферы в американских тюрьмах заключенным разрешают, если тому нет каких-либо препятствий, самим выбирать своих соседей по камере.

31

На суде они признали себя виновными.